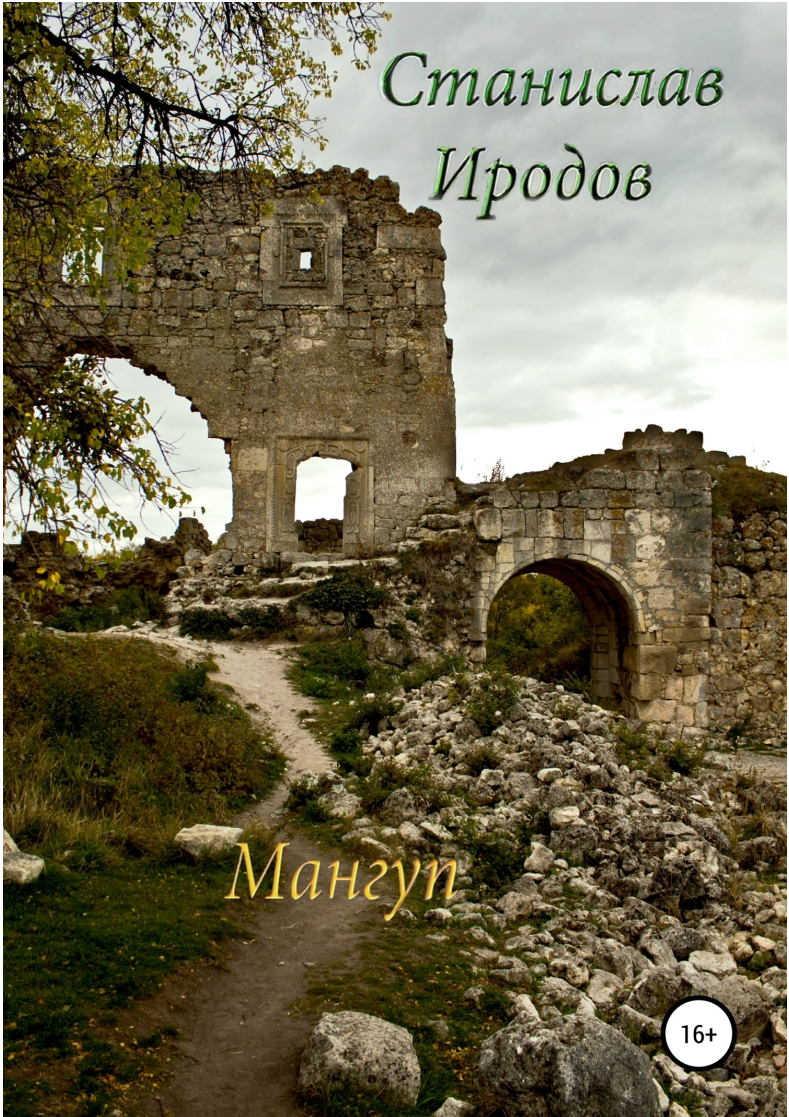
Станислав
Иродов
Мангуп
16+

Станислав Олегович Иродов
Мангуп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561846
SelfPub; 2021

Аннотация

Исторический роман. 15 век. Падение Константинополя, последние сражения в 100-летней Англо-французской войне, войны княжества Молдова с Валахией и Турцией, события в Крыму, где наследник Ромейской империи – крохотное княжество Феодоро – под руководством юного князя Александра героически сражается за свою независимость с турками. Это далеко не полный перечень событий, которые освещены в романе. Основные факты взяты из исторических документов. Если историческое событие в документах трактуется по-разному, то автор взял на себя ответственность выбрать правильный с его точки зрения вариант. Книга полезна людям, которые интересуются историей. Роман мужской, познавательный, максимально достоверный. Кроме сражений, оружия, поединков, любви, в нём описаны нравы, исторические события, исторические личности, архитектура, произведения искусства, одежда, танцы… Венеции, Флоренции, Венгрии, Молдовы, Турции… 15 века.

Содержание

Пролог 1. Две войны 4
Глава 1. Вопрос власти 43
Глава 2. Свадьба Марии 58
Глава 3. Чужая война 83
Глава 4. Королева Адриатики 109
Глава 5. Флоренция 156
Конец ознакомительного фрагмента. 185

Станислав Иродов
Мангуп

Пролог 1. Две войны

Плечом к плечу стояли воины Феодоро на стене Константинополя, последней из трёх, самой высокой, но уже полуразрушенной стене погибающего города.

Хлестали стрелы по тяжёлым доспехам, рикошетя в голубое небо. Иногда лохаг Теодорик Вельц ощущал удары свинцовых пуль о панцирь, и с досадой думал, что опять придётся выбивать вмятины молотком после вечерней молитвы. На его кирасе уже были две пробоины, но поддоспешник с кольчугой останавливали пули. Пока всё обходилось благополучно.

Сегодня турки лезли особенно настойчиво. И когда внизу под стеной появились белые войлочные шапки янычар, Теодорик понял, что настал решительный момент.

Вперёд под бой барабанов выдвинулись элитные штурмовые подразделения серден-гечти, – «рискующие головой». Они были полностью закованы в доспехи, поэтому, их называли зырхли неферами, или «солдатами в броне». Их командир серденгечти ага держал знамя – туг из конского хвоста.

Били барабаны. Длинные лестницы со стуком упали на

край стены, и по ним рванулись вверх мощные воины, совсем не похожие на худосочных турок. Сыны христиан, прославленные бойцы турецкого султана, непревзойдённые янычары устремились к победе. Они не кричали уже, ставшее привычным, «Аллах Акбар!», а шли в бой молча, но профессионализм чувствовался в каждом движении сильных, тренированных тел.

Начался последний, самый кровавый, самый безнадёжный бой в истории Великого Города. Лестницы падали на стену одна возле другой, и на каждой из них густыми гроздьями повисали янычары. Воины Теодорика разили их сверху тяжёлыми алебардами, мечами, но некоторым янычарам удавалось подняться на гребень стены, вступить в бой на короткой дистанции, где они своим мастерством, отточенным за многие годы тренировок и боёв, превосходили всех на Земле.

Теодорик сражался рядом с другом детства Спаи Ильёй. По левую руку от него стоял закованный в доспехи дальний родственник Ботман Мимир.

Бой шёл уже несколько часов. Всё больше ударов пропускали феодориты. Боевые доспехи спасали от травм, но так не могло продолжаться долго. Даже Теодорик, огромного роста, мощный двадцатилетний гот, чувствовал, что немеет правая рука, теряется быстрота и точность удара. Тогда он переложил меч в левую руку, а в правую взял приготовленную заранее тяжёлую булаву – шестигранный сидерорабдион. Один

раз махнуть правой было легче, чем постоянно ею сражаться. В левой руке меч не столь изыскано ловок, но выбора не было.

После лёгких побед над обычными турками, бой с янычарами стал настоящим испытанием. Тео видел, как пал один, потом другой его воин, а в образовавшуюся брешь устремились янычары. И тогда его захлестнула ярость: глаза налились кровью, он зарычал, как загнанный зверь. Силы вернулись к нему. Он обрушил сидерорабдион на голову янычара, слишком широко замахнувшегося саблей, но уже летело на него справа лезвие сабли другого янычара. Тео не успевал защититься булавой, мечом, и тогда он прочными стальными наручнями – паникелиями правой руки отбил удар турецкой сабли, пустив её вскользь, а мечом ударил по шее нападавшего, так что голова турка повисла на разрубленной кольчуге.

Тело врага упало вниз со стены, как тяжёлый мешок, увлекая за собой ещё одного поднимавшегося по лестнице янычара.

С башни сбежали на стену четверо стрелков – феодоритов. В упор из тяжёлых арбалетов – цангров они стали расстреливать янычар, сумевших подняться на стену, и вскоре отряду Теодорика удалось сбросить со стены всех прорвавшихся врагов.

– Смотри, Тео, они уходят,– закричал с удивлением Спаи Илья, показывая пальцем на янычар.

Действительно, янычары спрыгивали с лестниц, собирались в отряды и уходили. Скорым маршем они направлялись вдоль стены к воротам святого Романа, где держал оборону протостратор Константинополя Джованни Джюстиниани.

По команде Теодорика, полупустые лестницы одна за другой были сброшены вниз длинными шестами. Вместе с лестницами падали с высоты на землю те янычары, которые ещё не успели спуститься.

И вдруг, все услышали жуткий крик, вырвавшийся из десятков тысяч глоток. Он наваливался, как удушливая волна, а его слова были неясны, словно это были и не слова вовсе, а лишь несмолкаемый, пронзительный вой, переходящий в стон. Животный вопль, полный смертельного ужаса.

И феодориты поняли, впитали в себя страшный смысл этого стона:

«ГОРОД ПАЛ!!!» «ГОРОД ПАЛ!!!».

Теодорик сел, поднял забрало. Его воины садились на стену рядом с ним. Впервые за всё время изнурительных боёв страх сковал их, лишил воли и надежды. Обессиленные, залитые липкой кровью с ног до головы, они уже не могли говорить, а лишь сидели, лежали и смотрели пустыми глазами в весеннее голубое небо. Но постепенно страх уходил, силы возвращались к ним. И тогда Канделаки Фотис спросил:

– Что будем делать, лохаг?

– Пока ждать, оборонять свой участок стены и следить за

развитием событий,– сказал Теодорик.

Прошло ещё какое-то время. Теодорик лежал на нагретых солнцем камнях стены, и голубое небо, синее Мраморное море вдалеке напомнили ему солнечную родину, любимую страну Дори – Феодоро. Хотелось снять с себя доспехи, пойти к морю, окунуться в его освежающую синеву.

– Лохаг, кажется, в городе османы,– сказал беспокойный Канделаки, чья излишняя разговорчивость иногда раздражала Теодорика.

Воины вскочили. Действительно, сверху было видно, как по улицам города бегают турки. Они останавливались возле богатых домов, закрепляли какие-то тряпки на палках с нарисованными на них значками возле ворот, а потом врывались внутрь. И тогда из домов слышались крики, рыдания женщин.

Кое-где начались пожары. С соседнего участка стены побежали вниз греки, по пути срывая с себя доспехи.

– Так! Всё! Наша миссия окончена! Отряду построиться у подножья башни,– приказал Теодорик, и стал спускаться со стены вниз по каменной лестнице.

Они шли по захваченному врагом городу. Лошади тащили два воза с ранеными. Залитые кровью доспехи воинов не сверкали на солнце, а лишь кроваво поблёскивали. И намёк на неудержимую ярость был в обнажённых, опущенных ме-

чах. Но турки на улицах делали вид, что не замечают неприятельский вооружённый отряд. Они были заняты грабежом. Так им обещал Мехмед.

Султан выполнил обещание, и теперь всё добро, все жители Константинополя принадлежали им, победителям. Окна и двери домов были распахнуты, и из них доносились ужасающие крики. На улицах грудами лежали растерзанные тела людей, а их кровь ручьями стекала по мостовым.

Внезапно, из ворот богатого дома выбежала молодая девушка в разорванном платье и бросилась к отряду феодоритов. За ней из ворот выскочили трое турок. Девушка, подбежав к Теодорику, схватила его за руку.

– Спаси меня, рыцарь!

Турки остановились напротив Теодорика. Их руки легли на рукояти сабель. Теодорик левой рукой отстранил девушку и опустил забрало. Его окровавленный меч чуть приподнялся над землёй, готовясь нанести ещё несколько ударов, осчастливить раем ещё три мусульманские души.

Турки, немного поколебавшись, убрали руки с эфесов сабель, как бы давая сигнал о своих мирных намерениях. И Теодорик принял сигнал, его меч снова опустился, коснулся клинком земли.

Турки повернулись, вошли в ворота, чтобы продолжать заниматься любимым делом. Никто из них не захотел рисковать жизнью ради девицы в свой самый счастливый день.

Возле порта османов ещё не было. Многотысячные толпы горожан штурмовали морские ворота и стену, чтобы прорваться к генуэзским и венецианским судам, стоящим в порту. У ворот вооружённая стража пропускала только латинян, и тех, кто с ними шёл.

– Что делать с девицей?– спросил у Теодорика Спаи Илья.

– Пусть идёт на все четыре стороны, ищет родственников,– сказал Тео.

– Мои родные убиты. Я не хочу быть рабыней в гареме. Возьми меня с собой, рыцарь,– попросила девушка.

Теодорик пожал плечами:

– Наш корабль маленький, мы не можем взять на борт всех девушек Константинополя, но раз уж так получилось, что именно тебя мы спасли от турок, то пусть будет по-твоему.

– Если бы все эти ромеи не отсиживались по домам, а пришли на стены, взяли в руки оружие, и сражались вместе с нами, туркам никогда бы не удалось овладеть городом,– сказал Спаи Илья, показывая на гигантскую толпу, собравшуюся возле портовой стены.

– Греки заслужили свою судьбу,– согласился Теодорик. – Пусть же она исполнится.

Лох феодоритов прошёл ворота и спустился к заливу. Недалеко от берега стояли огромные латинские суда двойного назначения. Отряды генуэзцев и венецианцев выходили на берег, садились в ожидавшие их лодки. Небольшой гале-

ас феодоритов стоял почти возле самого берега. У причала Теодорика с отрядом ожидала лодка, к корме которой был привязан плот для перевозки лошадей.

Капитан галеаса, Абельмах Измир встречал Теодорика на борту.

Поздоровавшись и доложив о готовности корабля выйти в море, капитан спросил.

– У нас на борту есть свободные места. Мы можем спасти около полусотни ромеев. Как прикажешь поступить, лохаг?

– Ни одного ромея, способного держать оружие и не сражавшегося за город, на борт не брать. Возьми молодых девушек, женщин с детьми, но за их спасение пусть заплатят отцы.

Когда лодка перевезла на борт всех феодоритов, всех женщин и детей, которым хватило места, капитан скомандовал: «вёсла на воду!».

В это время огромное генуэзское судно с третьей попытки порвало подсечённую топорами заградительную цепь. Вся масса судов зашевелилась, направляясь к выходу из залива.

Плавающие в воде ромеи цеплялись за вёсла, за скользкие крутые борта, но суда были уже переполнены людьми, награбленными вещами, и редко кому из греков разрешали подняться на палубу. Особо настойчивых сбрасывали вниз баграми.

Слева по борту уплыла назад предательская генуэзская Пера, справа – полуразрушенные стены Величайшего Города Вселенной.

Над городом стояла пелена дыма от разгоравшихся пожаров.

Дул попутный ветер с Понтийского моря, и капитан галеаса приказал поднять паруса.

– Почему бы не попытаться прорваться домой, в Верхнее море?– спросил Теодорика Канделаки Фотис.

– Это невозможно. Бомбарды из Румелихисар разнесут нас в щепки. Одни мы и через Дарданеллы мимо Галлиполи не прорвёмся, но вместе с генуэзцами и венецианцами у нас есть неплохой шанс,– ответил ему Теодорик.

Впереди блестело под солнцем Мраморное море. Наконец, Теодорик оказался в своей каюте. Двое моряков помогли ему снять тяжёлый панцирь. Тео упал на кровать, отвернулся и уснул, касаясь лбом деревянной обшивки галеаса.

Проснулся Теодорик ночью, когда дудки заиграли боевую тревогу. Вышел на палубу. Светил месяц. Вошли в пролив Дарданеллы. Слева и справа кое-где горели на берегах тусклые огни костров. Капитан молился, стоя на коленях возле иконы Николая Чудотворца. Теодорик опустился на колени рядом с ним. Две лампы освещали икону, и лик Святого Николая светился, словно маленькое солнце.

Суда тихо плыли вдоль берегов Галлиполи. Вооружённые

воины стояли по бортам, готовые отразить налёт турок. Все ожидали залпа турецких орудий. Но только небольшие покатые волны тихо били в борта судов.

Слабый попутный ветер наполнял паруса. Турки явно не хотели связываться с мощными западными судами, если главная битва уже выиграна. Когда галеры одна за другой стали благополучно выходить из пролива, Теодорик облегчённо перекрестился и направился к себе в каюту.

На голой палубе лежали спасённые женщины, дети. Внезапно, одна из спасённых встала и подошла к Теодорику. Он узнал девушку, которую вчера защитил от турок.

– Тебя зовут Теодорик?

– Да. А тебя?

– Моё имя Кондоиди Агния. Я дочь ночного эпарха – друнгария виглы Кондоиди Анастаса.

– Твой отец жив?

– Когда турки ворвались в город, мой отец был с кесарем Константином у ворот святого Романа. Прибежавший домой слуга сообщил, что видел, как пулей тяжело ранило протостратора Джюстиниани. Потом ушли генуэзцы, бежали ромеи, и только отец вместе с кесарем и ещё несколькими приближёнными, обнажив мечи, пошли навстречу прорвавшимся туркам. Слуга сказал, что видел, как ударами алебард турки сбили с ног Константина. Отец пытался защитить его, но упал, сражённый турецким копьём. Тогда слуга побежал домой, чтобы предупредить нас. Но мы не успели убежать. Да

и куда нам было бежать? Пришли турки. Они убили брата, вставшего с мечом на их пути, потом мою мать, а я спряталась среди одежд. Но меня нашли. Я вырвалась и побежала. Дальше ты знаешь.

– Как ты здесь устроилась?– спросил Тео.

– Да вот,– она смущённо пожала плечами, придерживая рукой порванное платье, – Никак.

Тео посмотрел на голые доски палубы, на которых лежала девушка, и ему стало её жалко.

– Ладно, я уже почти выспался. Пошли, я провожу тебя в мою каюту. Поспи, а я побуду на палубе, посмотрю на звёзды.

Они спустились вниз по деревянным ступеням, и по скрипучему дощатому коридору прошли в каюту Теодорика. На столе горела лампа. Рядом с кроватью был шкаф для одежды и доспехов. Над кроватью висел уже отмытый от крови меч, а в углу стоял тяжёлый шестигранный сидерорабдион.

– Располагайся, а я пойду.

Он повернулся, чтобы уйти, но она схватила его за рукав.

– Не уходи. На этой кровати вполне хватит места для двоих.

Теодорик впервые взглянул в лицо девушке, и жар обдал его. Такого он не ожидал. Иногда он встречался с проститутками, но чтобы вот так запросто лечь в постель с девушкой, чьё знатное происхождение выдавала белизна кожи, почти никогда не видевшей солнца, нежные руки, не знавшие ра-

боты.… Нет, такого он не мог себе представить в самом смелом сне. Но страсть уже захватила его. Он трепетал. Крупная дрожь сотрясала всё его тело. А она, смелая, вдруг приблизилась, и сама стала расстёгивать пуговицы на его одежде. Тогда он стал срывать с девушки платье, пока она не осталась абсолютно голой. И Тео вдохнул её аромат, погрузился в дремучий лес её тёмных волос, приложил губы к её груди, но Агния подняла его голову и они впервые встретились губами. Поцелуй был долог. Их колотящиеся сердца бились рядом…

Сначала Агния чуть-чуть постанывала, но постепенно всё громче были её стоны. И наконец, она издала крик, и стала наращивать темп. Уже не было чарующих, мелких подёргиваний, не было опьяняющих, ласковых движений, а была атака яростная, непрерывная, словно шли на штурм янычары, и конец был неизбежен. Он надвигался, словно неотвратимый рок, он вырос, словно гигантская стена Константинополя, но и эта стена была разрушена, сметёна всепобеждающей лавиной под несмолкаемый, во весь голос крик Агнии.

Теодорик откинулся, часто дыша. Его глаза упёрлись в дощатый потолок, на котором играли языки пламени от настольной лампы. Перед глазами вставали картины прошедших дней, залитые кровью стены Великого Города, падающие вниз посечённые мечами тела османов. Постепенно дремота наваливалась на него, и он уже почти спал, когда по-

чувствовал, что Агния гладит его грудь.

«Ах, да! Надо уделить девушке внимание!»– подумал он, и коснулся грубыми пальцами бархатистого тела. Но Агния была настойчива. Она знала, где гладить. И очень скоро Тео снова воспрял, снова его потянуло к её телу. Всё повторилось. Но от этого не стало привычнее, не стало скучнее. Она опять кричала, а он опять был очень доволен собой. А потом было ещё, ещё, ещё и ещё.

Под утро, Теодорик решил выйти на свежий воздух. Он, сидя, оделся, потом встал, держась за стол, сделал несколько шагов, но когда выбрался в коридор и подошёл к лестнице, ведущей на палубу, то упал и не смог подняться. Отказали ноги. Он лежал на гладко выструганных, чистых досках и смеялся от счастья и недоумения. К нему подбежал Спаи Илья.

– Что с тобой? Ты ранен?

– Нет, Илья, я просто только что родился! Какая женщина!!! Женюсь!

Илья помог Тео подняться на палубу и усадил его на лавку. Постепенно силы возвращались к Теодорику. Свежий утренний ветер гнал суда по Адриатике.

– Домой будем добираться сушей?– спросил Илья.

– Да. Другого пути нет. Турки теперь перекрыли все проливы. Продадим галеас и тронемся в путь. Но сначала женюсь.

– Посмотри на себя, Тео. Эта женщина за одну ночь высосала из тебя все соки. Ты не сможешь с ней нормально жить.

– И хорошо. Пусть я сдохну, но смерть моя будет прекрасной. За час любви отдам я жизнь свою. Не в этом ли смысл её?

Когда корабли достигли Хиоса, славного своими непревзойдёнными винами, то встретили там венецианский галерный флот, снаряжённый Папой. Галерами командовал адмирал Лоредано. Венецианцы ждали попутного ветра, чтобы плыть в Константинополь на защиту города. Узнав от генуэзцев, что город пал, Лоредано приказал поднимать якоря, и галеры пошли через Эгейское море в Халкис, чтобы ждать дальнейших указаний от Папы. Капитан Лодовико Диего убыл в Венецию для доклада Сигнории о том, что произошло.

После Хиоса феодориты решили плыть вместе с генуэзцами, и через несколько дней корабли встали на рейде Генуи, где дожем в это время был Пьетро Фрегозо Второй.

Узкие ступенчатые улочки города разбегались во все стороны от удобной для стоянки судов бухты.

Раненых феодоритов сначала пытались устроить к госпитальерам при церкви святого Иакова, но все места были уже заняты, и тогда за немалую плату их согласился принять доминиканский монастырь при церкви Санта-Мария Кастелло,

который располагался рядом с Пьяццо Эмбриачи.

Теодорик нашёл церковь византийского толка, и православный священник провёл скромный обряд бракосочетания. После свадьбы Тео и Агния уединились в снятом доме, чтобы целыми днями заниматься любовью.

Спаи Илья, казначей отряда, продал галеас Теодорика, а вырученные деньги Теодорик положил в банк Сан-Джорджио, имевший филиал в Таврической Каффе, чтобы по возвращении домой вернуть их отцу. Сумму, полученную за спасение женщин и детей, Илья потратил на покупку лошадей, починку оружия и доспехов. После оплаты услуг монастыря, остаток денег Илья отдал раненым. Немного отдохнув, маленький отряд приготовился к далёкому пути на родину. Прощание с Генуей решили отметить в траттории.

Пили много. Вспоминали бои на стене Великого Города, погибших друзей. Настроение у всех было не очень: денег не заработали, грабить константинопольцев, как это делали латиняне, оставляя город, не позволила совесть и молодой лохаг Теодорик. Друзья друзьями, но обида на лохага была. Конечно, когда покидали Феодоро и плыли защищать от мусульман Константинополь, никто о деньгах не думал. Но потом, насмотревшись на латинян, которые набили свои корабли ценностями, взяли на борт самых богатых ромеев, заплативших целые состояния за спасение, каждый невольно ощущал некоторую досаду на своего молодого и чересчур щепе-

тильного командира.

Когда серый рассвет за окном прогнал тьму, многие феодориты уже лежали под столом и храпели так, что огромный белый кот, сидевший на бочке с элем, в ужасе прижимал уши и таращил рыжие глаза.

В траттории они были не одни. За соседними сдвинутыми столами гуляла ещё одна компания. Соседи выглядели не такими мрачными, как друзья Теодорика. В глазах молодых людей светилась радость ожидания чего-то особенного. Впрочем, к рассвету более-менее трезвыми из них осталось тоже лишь несколько человек.

– Кажется, эти ребята завтра собираются на какую-то войну,– сказал Илья. – Может, стоит пойти поговорить с ними, и, возможно, присоединиться к ним? Возвращаться домой без денег уж очень не хочется. Перед людьми стыдно будет.

– После благородной миссии защиты Великого Города, веры, и, вдруг, стать обычными наёмниками?

– Ты предлагаешь иной план заработать деньги? Тогда давай, рассказывай! Или твой папа заплатит нам всем? Сомневаюсь, зная его нрав.

Илья пошёл к соседям. Разговаривал с ними долго. Наконец, вернулся и сообщил Теодорику:

– Ребята едут во Францию по приглашению французского короля. Недавно жители Бордо, главного города Гаскони, по-французски – Аквитании, или Гиени, изгнали фран-

цузский гарнизон и объявили себя вассалами английского короля. Англичане ввели войска. Французский король Карл седьмой собирает армию, чтобы очистить Гиени от англичан. Приглашает всех, кто желает заработать. Генуэзцы выезжают послезавтра,– он посмотрел в окно,– вернее, уже завтра рано утром, и если мы хотим к ним присоединиться, то нам надо на заре ждать их у городских ворот.

– Франция с Англией воюют уже более ста лет. Кто из них прав, а кто нет – они и сами забыли, и встревать в чужой конфликт за чужие интересы нет никакого смысла, – сказал Теодорик.

– На чьей территории идёт война? На французской! Значит, кто агрессор? Англия. Какие могут быть сомнения? – удивился Илья.

– Гасконь стала английской ещё при английском короле Генрихе II Плантагенете, который женился на герцогине Аквитанской. Так что это, вроде, как и не совсем французская земля, хоть и считались английские лорды, владетели Гаскони, вассалами французского короля. Сами гасконцы предпочитают быть в составе Англии. Кстати, отец Генриха Второго – граф Анжуйский – француз. Кроме того, когда в 1328 году прервалась ветвь французских королей Капетингов, то основным претендентом на французский престол был английский король Эдуард III – внук Филиппа IV по материнской линии. Его права были отвергнуты на основании отсутствия во Франции традиции наследования короны по женской ли-

нии. Для юридического обоснования использовалось положение древней «Салической правды» о том, что земля не наследуется женщиной,– продолжал упорствовать Теодорик.

– То есть, ты предлагаешь нам вмешаться в семейную ссору? Ради чего? Опять за идею будем сражаться? Нет, за деньги! И только! Лишь деньги стоят того, чтобы ради них рисковать своей головой. Ведь без денег жизни нет. Ах, да, ты же у нас богатенький, у тебя папа – знатный архонт, владетель целого города Шиварина и его окрестностей. А вот мне, третьему сыну, мой отец ничего не оставит. Поэтому, ты как хочешь, а я еду на войну. И меня, я уверен, поддержат все наши солдаты, даже слуги твоего отца.

– А вот деньги – вопрос серьёзный. Мне просить денег у папочки тоже не совсем нравится. А куда же мы денем мою жену? – спросил Теодорик.

– Ты сейчас взгляни на неё, и сразу поймёшь, где ей место,– сказал Илья по-готски.

Теодорик резко обернулся и посмотрел на Агнию. От его взгляда не ускользнуло, как она под столом сдёрнула руку со штанов пьяного солдата, сидевшего рядом с ней. Глаза Теодорика налились яростью. Он наотмашь ударил Агнию по лицу, и та сначала бешено вытаращила глаза, а потом опустила голову и разревелась во весь голос.

Сцена была безобразная. Теодорик вскочил, и бросился вон из траттории.

Ближе к вечеру лохаг Теодорик собрал свой небольшой отряд. Многие всё ещё были пьяны, но когда Спаи Илья заговорил о деньгах, они сразу протрезвели, хоть и морщились от мучительной головной боли. Предложение Спаи заработать деньги встретило единодушную поддержку. Было решено ехать на войну вместе с генуэзцами.

На следующее утро два отряда встретились у ворот Генуи. Теодорик подъехал к генуэзцу, который ему показался главным, и они представились друг-другу. Генуэзца звали Пьетро Боссо. И хотя его фамилия означала «коротышка», на самом деле это был крупный парень, под стать Теодорику.

Ехали по красивейшим местам. Леса были в частной собственности, и дичи в них водилось немного, но молодые люди, не желая тратить деньги на еду в таверне, при случае, тайком охотились, а потом жарили добычу на костре и спали на траве среди буйной природы и соловьиных трелей.

К реке Рона, где заканчивалась Священная Римская империя и начиналась Франция, подъехали у большого красивого города Авиньон, бывшего сто лет назад местом так называемого «авиньонского пленения» Пап. Тогда Папы определяли внешнюю политику Франции.

Город был опоясан толстой крепостной стеной с тридцатью зубчатыми башнями. Издали он производил потрясаю-

щее впечатление, но когда Тео и его спутники въехали на узкие улочки города, то были несколько смущены вонью и грязью, царившими вокруг. Сверху на головы прохожих жители иногда опорожняли ночные горшки, поэтому, горожане, на всякий случай, ходили в длиннополых шляпах, чтобы чужие испражнения не испачкали голову. Приходилось внимательно смотреть вверх и вовремя уворачиваться.

Теодорик, привыкший к чистоте своего родного Шиварина, не переставал удивляться нечистоплотности европейцев. Авиньоном управлял вице-легат Папы.

Задерживаться в Авиньоне не было смысла. Поглазев на башню папского дворца, на Авиньонский Собор, отряд выехал из города, и по каменному мосту Сен-Бенезе, построенному триста лет назад, переехал через Рону.

Начались знаменитые виноградники Лангедока. Крестьяне трудились в полях. Отряд Тео и Пьетро проезжал мимо мирно работающих французских крестьян, и странно было осознавать, что эта страна уже более ста лет ведёт непрекращающуюся войну.

– Война войной, а вино нужно всем: и победителям, и побеждённым,– сказал на это Пьетро Боссо.

Пьетро знал французский язык, поэтому постоянно спрашивал встречных французов об армии короля Карла. Наконец, ему удалось получить достоверные сведения, и через несколько дней сводный отряд генуэзцев и феодоритов влил-

ся в кавалерию французского командующего Жана Бюро.

Теодорик и Пьетро лично представились командующему, получили от него письменные заверения о достойной оплате своих ратных трудов. Спаи Илья тут же нашёл общий язык с главным казначеем французов, и все денежные дела прочно взял в свои руки.

Войска тремя ударными армиями под общим командованием короля Карла седьмого двигались на Гиени.

В начале июля передовая армия Жана Бюро осадила Кастийон.

Прошло несколько дней. Жан Бюро не давал команду на штурм, видно, надеясь взять город измором.

Теодорик с Агнией и соратниками купались в реке Дордонь, валялись на солнышке, а их кони паслись на зелёной траве. Злость Тео на Агнию постепенно прошла. Агния оправдалась тем, что была тогда пьяна, и не осознавала, что делает. Она умела быть нежной: гладила Теодорика по спине, щекотала травинкой за ушком, а тот урчал от блаженства, словно довольный сытый кот.

Сводный отряд феодоритов и генуэзцев прикомандировали к отряду бретонской кавалерии в 1000 всадников под командованием Жана Блуа-Пентивьера, расположившемуся на холме в полутора милях от основного лагеря.

У Тео был небольшой шатёр, и они с Агнией отлично

устроились под раскидистым деревом. Вечерами все феодориты собирались у костра, пели песни на греческом и готском языках многоголосьем.

Французские солдаты обустраивали лагерь на берегу небольшой речушки, впадающей в Дордонь. Сверху, с холмов, где расположилась кавалерия, открывался прекрасный вид на долину реки, на осаждённый город Кастийон и возводимый французами лагерь, защищённый рвом, частоколом и артиллерией. Там насчитывалось до 300 орудий: кулеврины, серпентины и многозарядные рибодекины – ряд стволов, закреплённых на тележках с деревянными колёсами.

Рано утром 17 июля, чуть рассвело, прозвучал сигнал трубы. Все вскочили, бросились к оружию. Далеко внизу у монастыря Сен-Лорен, где разместились 1000 лучников под командованием Руаля, слышался шум боя. Но скоро всё стихло, и появились первые беглецы. Они рассказали, что авангард английских войск Тальбота численностью до 1300 человек совершил ночной переход, и перед рассветом внезапно напал на монастырь. Лучники не выдержали удара. Часть их погибла, а остальные разбежались.

Из этих беглецов сформировали отряд, в задачу которого входила охрана лагеря на дальних подступах, а в случае наступления, им был дан приказ наступать вслед за конницей.

Когда солнце поднялось над горизонтом, стало ясно, что

войска Тальбота деблокировали Кастийон и захватили монастырь Сен-Лорен. Сверху, с холмов, где расположилась конница Жана Блуа-Пантивьера, были видны прибывающие подкрепления англичанам. В артиллерийском лагере Жана Бюро тоже наблюдалось интенсивное движение. Гражданские спешно покидали его, и длинная вереница беженцев потянулась вдоль берега реки Дордонь. На валу, защищавшем лагерь, пушкари готовили орудия.

К обеду, когда подтянулись основные силы англичан, Тальбот бросил войска на лагерь Жана Бюро.

Жан Блуа-Пентивьер дал приказ бретонской кавалерии приготовиться к атаке.

Теодорик в полном доспехе сидел на коне во главе сводного отряда феодоритов и генуэзцев. В одном ряду с ним, на конях, с копьями, поднятыми наконечниками вверх, сидели Спаи Илья, Пьетро Боссо, Ботман Мимир, Канделаки Фотис. С вершины пологого холма они наблюдали картину разворачивающегося сражения.

Англичане пошли на штурм основного лагеря французов. Когда до укреплений оставалось менее ста шагов, тысячи французских стрел и арбалетных болтов взвились в воздух, дымное пламя рванулось из жерла сотен орудий, и задрожала земля. На какое-то время чёрный пороховой дым скрыл происходящее. Но скоро ветер очистил поле, и картина кро-

вавой бойни предстала перед взорами наблюдавших: сотни тел англичан лежали на земле, а трава, красная от крови, блестела в лучах яркого солнца.

Вновь и вновь англичане штурмовали лагерь, но каждый раз откатывались назад, оставляя на поле сотни убитых и раненых.

Внезапно, раздались звуки трубы: из ворот Кастийона вышел большой отряд на помощь англичанам. Французский король запретил гасконцам торговать с Англией, и тогда они выступили против Франции.

Теперь войска Тальбота, принимавшие участие в штурме лагеря, насчитывали свыше 4 тысяч воинов.

Опять англичане бросились вперёд. Закипела отчаянная схватка на валу.

Внезапно, над валом взвился английский флаг. От ужаса кавалеристы ахнули.

В то же мгновение заиграла труба. Жан Блуа-Пентивьер выхватил саблю, и, прокричав по-французски имя своего короля, дал сигнал на атаку.

Кавалеристы вонзили шпоры в бока коней. Первые цепи пошли. Нарастающий грохот копыт смешался с грохотом пушек Жана Бюро.

Скакать под горку было легко и приятно. На острие копья Теодорика трепетала ленточка – цвета родового герба рыцарей древнего готского рода Вельц. Рядом скакали товарищи.

Стремя Спаи Ильи почти касалось стремени Теодорика. Через открытые забрала они посмотрели друг на друга, и каждый прочитал в глазах друга восторг, радостное ожидание боя.

Уже давно Тео не испытывал того липкого страха, который иногда мучил его в Константинополе. Страх остался там, на Стене, где погибли его друзья, где смерть стала такой же обыденной, как усталость, как сон, как утренняя прохлада.

Кони наращивали бег. Не замедляясь, вздыбив тучу брызг, проскочили приток Дордони. Теодорик опустил забрало. Удары копыт совпадали с ударами сердца. Всё стало неважным на земле: поражение под Константинополем, женитьба на неизвестной девушке, её мимолётное предательство, её руки и глаза, даже его собственная страсть, граничащая с безумством. Всё неважно. Важен только этот грохот, и копьё, остриё которого опускалось всё ниже, пока не стало параллельно полёту коня. А потом впереди раздался ещё один непрерывный, нарастающий, оглушительный грохот. Это летящая сталь сталкивалась с вросшей в землю сталью.

Грохот приближался, и Тео увидел, наконец, перед собой конкретного врага, нацелил в него копьё. Остриё наконечника попало прямо в глазную щель англичанина, развороти-ло ему лицо, а конь Теодорика своим острым нагрудником пронзил доспех стоящего рядом английского солдата, под-

мял его под себя, не прекращая бег, словно неудержимый стальной таран. От удара древко копья Тео сломалось, но уже летел из ножен меч, рассекая плотный, напитанный запахом крови воздух.

Началась сеча. На мгновение Теодорику вспомнилась отчаянная, граничащая с безумством, рубка на стене Константинополя. Но там было ощущение безнадёжности, предчувствие поражения, смертельная усталость, а здесь уверенность и всё сокрушающая мощь.

Теодорик разил умело, выбирая нужное направление и силу удара. Взбесившийся, хрипящий от запаха крови конь рвался вперёд, сокрушая своей массой и острым шипом нагрудника англичан.

Внезапно, среди попятившейся, готовой обратиться в бегство, уже почти психически сломленной пехоты врага прямо перед собой Теодорик увидел богато одетого всадника в дорогих доспехах. Меч Тео обрушился на щит незнакомца, и от тяжёлого удара просела лошадь под рыцарем, а сам он покачнулся в седле.

Теодорик ожидал встречного выпада, но рыцарь даже не вытащил меч из ножен. Он явно отказывался сражаться. Снова меч Теодорика обрушился на врага. Лезвие скользнуло по щиту англичанина, ударило по гаржету, но прочный доспех спас всадника.

Со всех сторон на Теодорика кинулись английские солдаты, пытаясь спасти своего командира. Теодорику пришлось

отражать атаку сразу десятка насевших на него англичан. Спаи Илья сражался рядом, помогая Теодорику. Остальные несколько отстали.

На какое-то мгновение среди мелькания клинков Тео увидел впереди неприкрытый бок лошади рыцаря, и в отчаянной попытке достать его, вонзил шпоры в бока своему скакуну. Конь рванулся вперёд, опрокинул нескольких англичан, и ударил длинным шипом нагрудника прямо в сердце кобылы рыцаря. Та пошатнулась, замерла, а потом рухнула на землю, придавив всадника, и её копыта в агонии били воздух. Мечи англичан со всех сторон обрушились на Теодорика, и только чудом он всё ещё оставался невредимым, обороняясь бешено, с невероятной скоростью и силой.

На помощь Теодорику подоспели его друзья. Наконец, им удалось потеснить неприятеля. Сражение продолжалось. В круговерти битвы Тео забыл о всаднике в богатых доспехах. Перед ним возникали новые противники, и его стремительный меч всюду нёс смерть, словно был Теодорик её посланцем.

Под непрекращающимся напором тяжёлой конницы, англичане пятились, но продолжали сражаться. В это время подоспели французские лучники, отряд которых был сформирован из беглецов Сен-Лорена. Сотни стрел взмыли в воздух, обрушились на задние ряды англичан. Щиты, доспехи, тела врагов словно обрастали щетиной. А со стороны лагеря на английских солдат тоже летели стрелы, болты, картечь,

потом раздались звуки флейты, забили барабаны, и французская пехота Жана Бюро пошла в атаку.

Не выдержав удара пехоты, англичане начали массово бросать оружие и бежать к реке, срывая с себя на бегу тяжёлые доспехи.

Теодорик придержал коня. Палило солнце. Пот от жара раскалённой стали заливал глаза. Но не жажда, не пот, не усталость сдержали его. Теодорик не любил разить бегущего противника. Только глаза в глаза, сталь против стали. За откровенную страсть рубить спины бегущих, он презирал татар, союзников, с которыми не раз ходили феодориты против общих врагов.

Теодорик крикнул своим воинам, чтобы они прекратили преследование неприятеля, потом медленно въехал в реку, опустил меч в воду, смывая с лезвия кровь, и, подняв забрало, плеснул на разгорячённое лицо горсть воды.

Избиение англичан продолжалось. Оно длилось до вечера.

Когда солнце коснулось горизонта, поле битвы было усеяно убитыми и раненными, а вода реки от крови стала красной. Прозвучала команда всем возвратиться в лагерь и доложить о потерях.

Подъехал Илья вместе с Пьетро Боссо.

– У нас есть погибшие?– спросил Теодорик у Ильи.

– Нет. Два человека легко ранены. Им уже оказана помощь.

– А у вас?– обратился Тео к Пьетро Боссо.

– Трое погибших.

– Жаль ребят!! Поехали со мной на доклад.

Когда они подъехали к группе старших офицеров, Теодорик увидел на земле тело того самого рыцаря, лошадь которого свалил его конь. Шлем с головы был сорван, и седые волосы рыцаря окрасились кровью от чудовищного удара.

– Кто это?– спросил Теодорик у Жана Блуа-Пентивьера через Пьетро.

– Британский Ахилл, граф Шрусбери Джон Тальбот.

– Я встретил его на поле боя. Он отказался сражаться. Почему?

– Граф раненым был взят в плен в битве при Пате 25 лет тому назад. Король за доблесть графа освободил его без выкупа, и Джон Тальбот дал слово никогда больше не обнажать свой меч против подданных короля.

– Хорошо, что не мой меч убил столь достойного и пожилого рыцаря. Мир праху его!

– Графу исполнилось 80 лет. Такая победа уже никого прославить не может.

– Кто его убил?

– Джон Тальбот много часов пролежал, придавленный весом павшей лошади, а лучник Мишель Перуни, ополченец, узнал его и зарубил топором.

– Сожалею, но это мой конь убил его лошадь, а значит, я причастен к смерти славного рыцаря.

– Действительно жаль. Кстати, в этом бою погиб и сын графа. Их похоронят вместе. Это единственное, что я могу сделать для такого достойного человека.

Солнце спряталось за лесистыми холмами. Тео уже знал о потерях: погибло около 200 французов и более 3500 англичан.

Сдался Кастийон. 19 октября, после высадки французского десанта, капитулировал гарнизон Бордо. Окончилась Столетняя война. Дело, начатое Орлеанской Девой, завершилось.

Феодориты, получив обещанную сумму денег, переждали зиму во Франции, а с наступлением весны отправились на свою далёкую Родину.

Добравшись до восточной границы Священной Римской империи, дальше решили ехать напрямик. Земли друзей – Крымских татар, были степью с редкими перелесками и лощинами, в которых скрывались от постороннего взгляда улусы из нескольких десятков разбросанных в беспорядке низких и длинных татарских саклей из самодельного необожжённого кирпича или ивовых прутьев, обмазанных глиной. Слегка наклонные односкатные крыши были устланы камы-

шом или прутьями по стропилам и засыпаны землёй. В середине крыши земля утрамбована, а по краям зеленела трава, и цвели цветы.

На лето татар в улусах остаётся мало. Опасаясь Орды Ахмата, они откочевывают за Перекоп в круглых, крытых войлоком кибитках, и маджарах запряжённых медлительными, как сама жизнь в этих знойных степях, буйволами, вместе с женами, детьми, рабами, овцами и верблюдами.

На степных дорогах иногда встречались чумаки малороссы из русских украинных городов. На высоких возах с впряжёнными волами, они перевозят соль с Сиваша.

Одежда малороссов напоминает одежду крымских татар. Широкие шаровары как у татар, цветные пояса – почти копия татарских кушаков поверх белой свитки или короткой безрукавки, а на голове, часто даже в жару, бараньи шапки, похожие на татарские. И само лицо с черными усами, подстриженными бородами и тёмными глазами тоже почти татарское. Некоторые малороссы бреют головы. Бритая голова и свисающий хохол – «селёдка», делают их похожими на янычар или на татарских мальчиков до четырёхлетнего возраста. Кто у кого перенял эту странную моду, Теодорик не знал. Когда-то он слышал, что так отмечали себя в древности русские князья готской крови, но сам этих своих древних предков не видел, поэтому, не знал достоверно.

Вскоре, отряд Теодорика проехал по мосту через огромный тысячелетний, протянувшийся от моря до моря ров,

по-татарски Кырым, в древнюю Тавриду, а ныне татарский Крым.

В степи паслись стада верблюдов, а в селениях татары угощали гостей язьмой – кислым творогом, разбавленным водой.

Наконец, отряд благополучно пересёк границу княжества Феодоро. Наступила ночь, но никто не желал останавливаться на ночлег: все единодушно решили ехать в темноте.

Вскоре отряд разделился: некоторые последовали за Теодориком в Шиварин, а остальные направились дальше, к столице.

После длинного крутого подъёма Тео и его спутники увидели перед собой ворота в крепостной стене Шиварина. Они кричали хором, называли свои имена, и ворота, наконец, распахнулись, словно объятия близких, когда человек возвращается под родной кров после долгих странствий на чужбине.

Пролог 2. Бой на реке Дон

Войска Великой Орды накатывались, как мутная болотная волна. Стрелы застлали небо. Не успели они с шумом обрушиться на головы воинов князя Алексея, как по его команде тысячи стрел взметнулись в ответ.

Воины приняли ордынские стрелы на щиты. Князь даже не пошевелился. Несколько стрел отскочили от его булатного доспеха.

Атака ордынцев была стремительной. Летящие всадники прятались за шеи лошадей и, бросив луки в налучники, сверкнули тысячами сабель. Но удар конницы не был таким мощным, как ожидалось. Сначала первые ряды атакующих влетели в заранее вырытые и прикрытые травой ямы-ловушки. Кони падали, ломая ноги, а скачущие следом всадники натягивали поводья. Ударный импульс конницы сошёл на нет.

А потом прямо перед атакующими словно вырос из земли лес пик. У многих ордынцев напрочь пропало желание лобовой атаки. Первые ряды натянули поводья, задние напирали, и по этой замешкавшейся толпе с обоих флангов ударил залп из аркебуз, полетели сулицы. Из-за спин феодоритов-пикинёров, стоя на холме, непрерывно пускали стрелы во врага арбалетчики и лучники. Кони ордынцев вздыбились, испуганно шарахнулись в стороны, сбрасывая седоков. Атака захлебнулась.

Только кое-где произошло прямое столкновение. Незащищённые бронёй лошади ордынцев напоролись на упёртые в землю пики, образовав бьющий копытами окровавленный вал. Воины хана Ахмата соскакивали с лошадей, пытаясь прорубиться через частокол пик, но несогласованные действия успеха не принесли.

Оставшиеся в живых разворачивали коней и убирались восвояси, не забывая, впрочем, выпускать одну стрелу за другой по плотной массе феодоритов.

За спиной у князя Алексея стояла тысяча всадников его отборной тяжёлой конницы – клибонарии. Свежий южный ветер развевал флажки на древках поднятых вертикально кавалерийских копий. Закованные в железо латники на конях молча ждали приказа. Это были высокие, хорошо сложённые светловолосые воины, чистокровные готы, его личная гвардия и вассалы. Логично было дать сигнал к атаке, но войска феодоритов – лишь левый фланг союзных войск.

Алексей взглянул направо, и сквозь дым и пыль скорее почувствовал, чем увидел, общее движение масс. Центр – крымские татары, союзники, отступали, теснимые ордынцами. Через какое-то время татары повернули коней и побежали, обнажая фланги. За ними мчались ордынцы. Среди пыли, дыма, криков, топота тысяч коней как маленькие зеркальца сверкали их разящие сабли.

С небольшого возвышения князь увидел, что крупный отряд ордынцев по крутой дуге начинает обходить правый фланг союзного войска. Там, на пологом берегу Дона – древней реки Рус, была ставка хана Хаджи Гирея. Ордынцы брали хана в тиски, прижимая его к реке, и исход боя, казалось, уже не вызывал сомнения.

– Сейчас татар разобьют,– закричал сын князя Александр, ещё совсем мальчишка.

Мать не хотела отпускать его на войну. Но князь Алексей настоял: опыт войны очень важен для подрастающего наследника. Пусть хоть издали посмотрит.

– Развернуть тяжёлую конницу направо, приготовиться к атаке,– скомандовал князь.

Командиры репетовали команду. Князь подозвал к себе командира лёгкой конницы, своего брата Исаака.

– Атакуешь по моим следам, когда получишь сигнал.

– Есть атаковать по сигналу.

– За меня командовать пехотой остаётся Теодорик Вельц.

Вперёд выехал рыцарь, дальний родственник Алексея, и поклонился князю.

– Организовать круговую оборону до моего возвращения,– обратился князь к Теодорику. – В распоряжении вся пехота. И позаботься о мальчишке, своём оруженосце, кивнул он на Александра.

Теодорик – молодой, высокого роста и огромной силы офицер отъехал отдавать распоряжения. Княжич Александр на стройном испанском жеребце последовал за ним.

Князь опустил забрало и дал команду к атаке. Тысяча сияющих на солнце конных латников как один широкий поток расплавленного свинца, набирая скорость, помчался вниз по холму, сметая небольшие группы ордынцев. Топот множества копыт слился в один мощный, набирающий силу гул, словно землетрясение вдруг овладело придонской степью. Мчались всадники, и ярость перекашивала бородатые лица.

Над головами трепетали флажки. Рядом с князем скакал знаменосец с хоругвью – двуглавым орлом на красном полотнище – наследие Ромейской империи. Плотной массой летели вперёд закованные в железо кони, хрипя от ярости и предвкушения боя. Высокие, сильные боевые жеребцы, предки которых были куплены князем Алексеем в далёкой Андалузии, вскормленные на буйных травах долин Таврики, они не знали плуга: их стихия – это кровавый бой.

Дрожала под копытами земля, улетали назад комья грязи из-под копыт, как сбитые ветром птицы. А впереди – плотная серая масса ордынцев. Они теснили правый фланг союзного войска и не ждали удара в спину. Но на гул копыт многие оглядывались, прикладывали руку к голове, заслоняясь от утреннего солнца, бьющего в лицо. На их лицах появлялся страх.

Князь выхватил меч и поднял его над головой. Из тысячи глоток одновременно вырвалось «А-лек-сей!». Тысяча пик с флажками одновременно опустилась, нацеливаясь на врага. В панике некоторые ордынцы натягивали луки, но стрелы отскакивали от щитов, железных панцирей феодоритов, от нагрудников лошадей, не причиняя коннице особого вреда.

Всё ближе, ближе искажённые страхом лица врагов. Страшен удар тяжёлой кавалерии – клибанариев. Только глубокая, заранее подготовленная защита из упёртых в землю пик, вырытых ям и залпа огнестрельного оружия может остановить тяжёлую конницу. Ничего этого у ордынцев не было.

Клибанарии прошли через толпы ордынцев, как стилет проходит через горло врага. За конницей осталась широкая кровавая просека, усеянная сплошным ковром искалеченных тел.

Татары Гирея встретили феодоритов радостными криками. Перемазанные своей и чужой кровью, с окровавленными саблями в руках, на окровавленных малорослых конях, они с энтузиазмом добивали последних живых врагов и бурно ликовали. Князь Алексей подъехал к Хаджи Гирею, окружённому плотной толпой охранников. Рядом гарцевали на конях и хищно скалили зубы три его сына: Нур-Ахмед, Менгли и Хайдар.

– Я решил лично поинтересоваться у тебя, куда это ты послал своих ребят? Ведь не могли же они по собственной инициативе бросить хана и показать спину врагу?

Хан приветливо улыбнулся:

– Спасибо, что пришёл на помощь, Ахмед! Моими ребятами руководит инстинкт, многовековой опыт: если врагов больше – беги. Но битва продолжается. Они вернутся. Кстати, калитка за тобой захлопнулась. Теперь мы оба в окружении.

Действительно, стрелы всё гуще сыпались с неба. Ордынцы оправились от удара и затянули пробитую брешь. Латники Феодоро разворачивались, уплотняли ряды для защиты от наседавших врагов. Битва разгорелась с новой силой. Стуки мечей, крики ярости и боли заполнили поле боя. На высо-

ких конях рослые воины князя были как скалистый берег, об который разбивались нестройные волны атакующих ордынцев. И всё же, под напором превосходящих сил врага, медленно, но неуклонно сжимался смертельный круг. Взметнулись в воздух тысячи арканов. Крылья за спиной феодоритов – изобретение поляков, спасали всадников, а если аркан цеплялся за доспех, его рубили мечами. Но врагов было больше, значительно больше, и падали с лошадей феодориты, словно рушились береговые глыбы под ударами штормовых волн.

Князь кивнул сотнику из личной охраны:

– Сигнал!

Сигнальная стрела взмыла вверх, оставляя за собой шлейф дыма. Прошло ещё несколько мгновений, и, перекрывая шум битвы, до слуха сражающихся донёсся глухой стук тысяч копыт, словно сорвался камнепад с небесных круч. Это накатывалась лёгкая конница феодоритов. Пять тысяч народных ополченцев, вооружённых за счёт местных феодалов. Они не были профессиональными воинами, как личная гвардия князя, но годы борьбы за существование каждого виноградаря и рыбака превратили в грозного воина.

Земля гудела. К феодоритам присоединились тысячи вернувшихся татар, и удар объединённой конницы переломил ход сражения. Ордынцы оказались в тисках. Они бросились со всех лошадиных ног убегать через вот-вот готовую захлопнуться щель. Их догоняли татары и рубили по спинам, словно хлестали сверкающими плетьми.

Но это была ещё не победа. Далеко не всё войско хана Ахмата попало в клещи. Великая Орда получила удар, но не поражение. Крымские татары благоразумно не преследовали бегущего врага, потому что значительная доля войск хана Сеид Ахмата ещё нависала над опустошённым центром союзных войск.

Две армии опять застыли напротив друг друга. А за Доном на его правом крутом берегу грозной чёрной тучей, блестя доспехами в лучах заходящего солнца, стояла русская армия молодого князя Ивана Третьего. Переправа через древнюю реку Русь, которую аланы, союзники готов, назвали Доном – рекой, где зародилась, и где под ударами венгров погибла первая готоаланская Русь, не такое скорое и безопасное дело, и не могли русские помочь своему союзнику, Хаджи Гирею. Только главное для русских – закрыть путь хану Ахмату на Москву.

Ночью почти никто не спал. Союзная армия Крымского Ханства и княжества Феодоро была готова в любую минуту отразить нападение Орды. Но едва забрезжил рассвет, как стало ясно: хан Ахмат ночью тихо ушёл в свои бескрайние степи. Стояло лето 1464 года от рождества Христова.

Глава 1. Вопрос власти

Семейный совет был назначен на утро. Сразу после завтрака мужская часть княжеской семьи собралась в тронном зале. Все сидели на лавках вдоль стен. Трон был печально свободен. Умер базилевс Телемах, князь Алексей, которого татары звали Олобеем – Великим беем. Зеркала занавешены. В зале полутьма. Тишина, только шорох дождя за окном, и где-то отдалённо через толстые стены скорее угадывался безутешный плач вдовы.

Наконец, тяжело вздохнув, с места поднялся старший брат умершего, Николай.

– Мы все глубоко скорбим по ушедшему князю Алексею, нашему дорогому брату, но жизнь продолжается, и нам необходимо решить, кто будет следующим князем в стране.

– Вы не имеете права ставить вопрос власти на обсуждение совета,– вскипел молодой княжич Александр, сорвавшись с места. – Я единственный сын князя Алексея, его соправитель, и по праву наследования власть принадлежит мне. Почему этот вопрос поставлен на семейный совет, а не на Совет архонтов?

– Не горячись, Александр, возразил Николай, – Если мы будем решать вопросы власти на Совете архонтов, то у нас, как в Орде, князей начнут ставить архонты. Интриги погубят княжество. В конце – концов, князем выберут архонта, како-

го-нибудь феодоритского Мамая или Едигея. Да, ты официальный наследник, и когда-нибудь, возможно, станешь князем. Но сейчас очень тревожное время, а ты ещё слишком молод. Не в первый раз мы выбираем князя. После нашего деда Алексея правил наш старший брат Иоанн. И когда он умер, а я отказался от княжества, мы избрали твоего отца нашим князем. У князя Иоанна тоже был малолетний сын, здесь присутствующий Константин, который сейчас вполне может претендовать на престол. Тебе, Александр, всего восемнадцать лет.

– Уже восемнадцать лет!

– Мы не можем рисковать государством, даже если, по закону отцов, и обязаны предоставить тебе трон,– продолжал Николай. – Не сегодня – завтра турки вторгнутся в наши земли. Только опытный политик может предотвратить гибель Феодоро. Твоя жизнь и твоя судьба – это только ты. Но в стране четверть миллиона человек. Готов ли ты взять в руки судьбы этих людей, наших подданных? Греков, аланов, армян, готов, караимов, хазар? Десятки народов и племён с надеждой глядящих на нас, Гаврасов, своих князей! Мы не можем погубить этих людей, не можем погубить свою православную веру. Нам нужен опытный, гибкий политик, который сможет предотвратить турецкое вторжение.

– Пусть я молод, неопытен, но почему ты уверен, что турки собираются напасть на нас? Или это только причина, чтобы лишить меня престола? Кроме того, мы не одни против

турок. С нами крымские татары, ведь наша прапрабабушка – дочь хана Тохтамыша. Мой отец воспитывался при ханском дворе и получил татарское имя Ахмед. Татарский царь не оставит своих родственников и друзей. Сто лет мы вместе с татарами противостояли всем внешним врагам: Литве, Орде. А генуэзцы? Пусть мы постоянно ссоримся с ними из-за Поморья, и в конфликте за Чембало погиб мой дед, но перед лицом турецкой угрозы сейчас именно генуэзцы – наши ближайшие союзники. Мой отец приложил много стараний, чтобы наладить наши взаимоотношения с соседями. А ещё сильная Молдова предлагает нам свой союз. Не посмеют турки напасть на столь широкую коалицию.

С места поднялся Константин Гаврас.

– Из тебя получится хороший князь, юноша. Но позже. Не всё ты знаешь. Да, надо стараться укрепить союзы со всеми окружающими нас странами: с Молдовой, Венгрией, Московским русским княжеством. Но в 1453 году Мехмед взял Константинополь, через 8 лет под его ударами пал Трапезунд. Нет на свете сильнее государства, чем Османская империя во главе с Мехмедом Завоевателем. Турецкий Синоп – это практически рядом. Мы следующие. Об этом нам сообщают наши осведомители из Константинополя. Султан Мехмед на военном совете прямо поставил задачу в ближайшее время взять Тавриду. Да, татары наши друзья. Но ещё в 1454 году от Рождества Христова хан Хаджи Гирей Гияс-ад-Дин заключил союз с турками. Девлет Гирей ещё более при-

вержен этому союзу. Ведь татары и турки – братья по вере. Крымское ханство нуждается в таком сильном сюзерене. У тебя есть план, как противостоять турецкой угрозе? Сможешь ли ты спасти страну?

– Я готов драться до последней капли крови.

– Последней капли крови своего народа? Ответ достойный мальчика, а не мужа.

С места поочерёдно вставали члены семьи, высказывали своё мнение, но большинство склонялось к тому, чтобы выбрать князя из опытных политиков. Наконец, было объявлено голосование, и вскоре старейшина Николай встал на возвышение перед пустым княжеским креслом и объявил:

– Решением совета княжеского рода Владетелем Феодоро и Поморья объявляю Исаака Гавраса, сына нашего деда князя Алексея и брата покойного князя Алексея Алексеевича! Коронацию произвести через девять дней после смерти князя Алексея.

Все зааплодировали.

Князь Исаак, дородный мужчина с седой бородой и проплешиной в волосах поднялся, подошёл к трону, и грузно опустился на сидение. Его сын Техур, сверстник Александра, которого все звали Тихон, тоже поднялся, и встал рядом с отцом. Его лицо было гордым, заносчивым.

Вскипела горячая, от матери, черкесской княжны, кровь у Александра, он вскочил и покинул заседание Совета.

Поднялся на второй этаж дворца, постучал в комнату сестры.

Мария открыла дверь. Глаза её были опухшими от слёз. Сердце у Александра заныло от жалости. Он обнял сестру за плечи:

– Как ты тут, Мария, жива?

– Жива, Алекс. Но тяжело мне. Маму жалко. Очень она убивается.

– Слёзы помогают. Пусть поплачет.

– Жестокий ты, Алекс.

Они сели на диван. Александр обнял сестру за плечи и утешал её, гладил по руке, а за окном сеял дождик мелкой моросью, и стекал с черепичной крыши частыми струйками, словно серебряная сетка была накинута на дворец.

Александр ушёл в свою любимую комнату на верхнем этаже дворцовой башни, лёг на кровать, попытался уснуть. Мысли о сестре проносились в голове. «Мария такая умница, такая красавица. Владеет греческим языком, латинским, немецким, турецким, учит русский. Ещё она чудесно вышивает и рисует. Но позавчера посол Молдовы сообщил, что его Господарь Штефан чел маре просит руки Марии. Старый хрыч! У него уже есть дочь Елена. Говорят, он жесток и беспощаден. Только в этом году, как утверждают очевидцы, взяв Браиль в Валашской Мунтении, воевода истребил всех жителей. Утверждают, что его воины распарывали животы

беременным женщинам, вешали младенцев за пуповину матерям на шею. Суров Господарь! Трудно тебе будет, сестрёнка моя. Своего прежнего шурина, Исайю, брата первой жены, киевской княжны, поставил Штефан комендантом недавно отвоёванной крепости Килии, которая запирает Дунай. А через год отрубил ему голову. Страшновато становиться шурином такого грозного воеводы».

Княжич тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Сон не шёл. Морось за окном прекратилась, и только редкие капли нарушали тишину. Город спал. Чудесный город Феодоро – великолепные дворцы и храмы среди благоухающих трав, орущих птиц в тенистых рощах и журчащих источников на огромном неприступном плато Баба Даг – Отчей горы.

Мысль пришла неожиданно. «Поеду с сестрой. Что мне здесь делать? Так нагло отобрали престол! Родственнички! Глотку готовы перегрызть из-за княжеской короны. Турки, те, хотя бы, не лицемерят: кто первый передушил всех братьев – соперников, тот и султан. Гаврасы… от слова гавгав… Напыщенные как индюки. Только и говорят, что о родстве с Комнинами, Палеологами, Асанами…. Последнего Палеолога Кесаря Константина турки убили при штурме Константинополя. Последнего Комнина задушили по приказу Мехмеда. А мои родственнички спят, и видит себя наследниками двух империй, базилевсами. Конечно, первым назвал себя базилевсом ещё мой дед, но у него были соображения на этот счёт, а не только глупое чванство».

За окном немного посветлело: тучи разорвались, и прямо в глаза засияла яркая звезда. «Моя звезда»,– подумал Александр. Сон овладел им, и его душа поплыла над тёмным лесом, плодородными долинами и ущельями родной страны. Он и во сне узнавал знакомые замки, принадлежащие ближним и дальним родственникам, селения, где жили и трудились ремесленники, пахари, пастухи, виноделы… Родная Готфия, страна Дори! Он летел над своей землёй, и чувство свободы вновь вернулось к нему. «Нет, они не смогут остановить меня! Я выше их всех. Я умею летать. А они ползают. И будут ползать. Если крыльев бог не дал. Дядя Исаак? Плод греха деда Алексея и еврейки. Когда наступит моё время, его время кончится».

Грустное это было расставание. Мама плакала. Мария тоже плакала. Друг детства Георгий Мораки стоял рядом и пытался шутить, но у него мало что получалось. Пока загружали вещи на трёхмачтовый неф, женщины сидели на лавочке и утешали друг друга.

Дядья, кумовья и вся остальная родня прогуливались вдоль причала, и оттуда долетал весёлый смех. Вместе с нефом, присланным Штефаном за своей невестой, готовилась к отплытию малая галера, на которой Константин Гаврас собирался плыть в Италию, чтобы по просьбе русского посла сопровождать из Италии в Москву Софию Палеологиню, наследницу императоров Ромейской империи в жёны

московскому князю Ивану Третьему.

Порт Авлита был центром торговли княжества. Несколько венецианских судов стояли у причалов, и грузчики занимались погрузкой-разгрузкой товаров. У военных причалов были пришвартованы малые галеры, построенные ещё дедом.

– Я надеялся стать князем, чтобы возродить морское могущество основных народов, населяющих Феодоро: и греков и готов. Греки издревле со времен Одиссея и Троянской войны плавали по Верхнему морю. Готы, в основном, плавали по рекам, но после завоевания Боспорского царства стали и морским народом тоже. А теперь у нас, потомков этих славных народов, практически не осталось военных кораблей,– сказал Александр, обращаясь к Георгию.

– Большие военные корабли можно построить лишь в Венеции или Генуе. Но вот провести их через проливы невозможно,– сказал Мораки.

– Да, наша верфь пока таких кораблей построить не может. Лишь малые торговые суда и небольшие галеры. В Каффе строят лишь средние галеры двойного назначения, которые купцы расхватывают, как горячие пирожки. У меня была мысль купить парочку больших кораблей на Западе в разобранном виде и доставить частями в Феодоро через Молдову, а потом скопировать их и наладить кораблестроение в Авлите. Тогда мы бы надолго обезопасили себя от турецкого вторжения, – ответил Александр.

На небольшом базаре возле причала торговали фруктами татары, громко зазывая покупателей на ломаном греческом языке:

«Лепёшки – 2 акче, курица – 4 акче!».

Греки торговали рыбой, готы – мясом. Парикмахеры евреи стригли желающих, а армяне ремонтировали обувь.

На Монастырской горе возвышались над портом и поросшей камышом Чёрной речкой внушительные стены крепости Каламита, что означало «камышовая», восстановленные дедом – князем Алексеем в 1427 году.

Грозно глядели на зеркальную гладь бухты жерла шести пушек – недавний подарок генуэзцев. Пять бомбард и один фальконет, стреляющий картечью из металлической рубки на расстояние до 130 шагов. На круглой башне с ещё не заделанной трещиной, оставшейся после недавнего землетрясения, реяло пурпурное знамя с двуглавым орлом – наследие Ромейской империи. Теперь Феодоро – третий Рим. Так мечтал дед Алексей. А его внук, единственный законный владетель Феодоро, вынужден покинуть свою Родину. «Но я ещё вернусь!»– подумал княжич, и в ярости сжал кулаки.

Раздался стук копыт. Александр сразу узнал всадника. Это был Теодорик Вельц, наставник и друг.

– Приехал меня проводить?– спросил княжич у подъехавшего рыцаря.

– Приехал тебя сопроводить,– ответил Теодорик, легко спрыгивая с коня. – Базилевс Телемах перед смертью просил меня быть твоей тенью, как раньше ты был тенью моей.

– Но я вырос, и мне уже не нужен наставник.

– Может, тебе не нужен и друг?

Александр подошёл к Теодорику и обнял его.

– Я безумно рад, что ты едешь со мной.

Неф медленно шёл вдоль побережья. Теодорик ушёл спать в каюту. Александр и Мария стояли на палубе и прощались с родной землёй. Мимо проплывали берега залива с невысокими холмами. Когда-то они были покрыты густым лесом, но херсонеситы ценный лес вырубили на постройку судов и на продажу, а склоны засадили виноградом. Сейчас Херсон пришёл в упадок, холмы заросли травой, кустарником, одичавшим виноградом. Но кое-где ещё были ухоженные участки и жили люди в небольших прибрежных селениях под охраной княжеских галер.

Неф вышел из залива, оставив справа заброшенную Жёлтую крепость, которую построили поляки в противовес Херсону.

Быстроходная галера Константина ушла вперёд, и довольно скоро скрылась из вида.

– Ты знаешь, почему погиб Херсон?– спросила Мария, глядя на гигантские развалины далеко за кормой.

– Когда татары отобрали у Херсона земли, ему для вы-

живания осталась только торговля. Но генуэзцы не желали иметь конкурента в торговле. А когда они в 1261 году помогли Палеологам вернуть назад Византийскую империю, захваченную в 1204 году западными рыцарями во главе с венецианцами и превращённую ими в Латинскую империю, то кесари практически отдали им Херсон на растерзание, хотя тот и был свободным городом. Генуэзцы сделали всё, чтобы погубить конкурента в торговле. Сначала Херсон разрушил хан Ногай. Потом, как многие подозревают, по наводке генуэзцев, мурза Едигей в 1399 году, разбив крымского хана Тохтамыша и союзных ему литовцев, заодно окончательно разрушил древний город. Ещё раньше наша семья вынуждена была оставить Херсон и создать новую страну из осколков его земель. Наш дед князь Алексей мечтал восстановить Херсон. Менее чем за триста лет наша семья поменяла три страны: Халдею, Херсон, и оказались на готской земле – Дори в хазарском Мангупе – городе, построенном хазарами на месте готской крепости Дорос. Наши с тобой предки по отцовской линии давно породнились с готами, поэтому, история готов – наша история. Мы отстроили столицу заново и назвали её Теодорос – Господин Земли Дори, что созвучно с именем нашего славного предка – святого Феодора.

– Случайно созвучно?

– Не знаю!

Вот уже и татарская Кача осталась позади. Александр со-

шёл с верхней палубы и лёг в выделенной ему маленькой каюте. Скрипели деревянные надстройки, убаюкивал шум моря за бортом.

Его разбудили крики. Потом прозвучал сигнал «Приготовиться к бою!» Александр сорвал с переборки саблю и быстро взбежал по деревянному трапу на верхнюю палубу.

Капитан и Теодорик стояли на мостике и смотрели вдаль.

На горизонте Александр насчитал более тридцати парусов.

– Кто это? – спросил он у капитана.

– Зихи, княжич, пираты. Волчьей стаей прижимают нас к берегу, Ветер северный. Мы не сможем уйти, – сказал капитан, и повернулся к помощнику. – Пушки к бою приготовить!

– Не надо стрелять, капитан. Я сам с ними поговорю, – сказал Александр.

Капитан с изумлением посмотрел на молодого княжича, и возразил:

– Извини, но это судно принадлежит господарю Молдовы, и я, как капитан, за него отвечаю. Когда пираты приблизятся на сто шагов, я дам залп.

– На тридцать, капитан. Сначала мне надо с ними поговорить. Орудиями ты их всё равно не остановишь. Даже если каждое ядро попадёт в цель и потопит одну лодку, то это всего десять. Перезарядить орудия команда не успеет. Зихи

пойдут на абордаж, и неизвестно, кто тогда победит. Ты отвечаешь не только за судно, но и за невесту господаря.

– Послушай княжича,– сказал Теодорик капитану.

Пиратские лодки подошли почти на тридцать шагов. Александр взял в руку рупор и обратился к пиратам на незнакомом капитану языке. Гребцы на лодках тут же перестали грести, вслушиваясь в слова Александра. Когда он закончил, воинственные, одетые во всё чёрное люди на лодках что-то закричали на том же непонятном языке, стали размахивать саблями. Потом лодки развернулись и ушли в открытое море.

– Что ты им сказал, княжич?– спросил капитан.

– Я им просто назвал своё имя и имена моих родственников из черкесского княжеского дома Цымблаков. А мои родственники в Зихии – Черкессии весьма уважаемые люди. Да и кровная месть для адыгэ не пустые слова. Если бы мы шли под флагом Феодоро, они бы не стали нападать на нас. Феодориты в этих водах плавают без опаски.

Когда Александр спустился на палубу, Мария сказала ему:

– Ты прямо светишься, гордишься, наверное, что наши соотечественники – разбойники, и наши родственники у них за ватажков. А мне впервые стыдно, что я наполовину черкешенка.

– Ты не права, Мария, Черкессией можно гордиться. В бою один черкес – адыг стоит десяти крымских татар.

– Может быть! Я не воин, но я слышала, что твой настав-

ник Теодорик говорит о татарах: «Не может быть работорговец и бандит хорошим воином». Думаю, к нашим родственникам адыгам его слова тоже вполне подходят.

Александр стушевался. Он смотрел на сестру, повзрослевшую, поумневшую, и не узнавал в ней того ребёнка, к которому привык, с кем всегда общался несколько снисходительно, как с маленькой. Но потом, не в силах остановиться, продолжил.

– Да, много адыгов кормится пиратским промыслом, набегами на соседей и продажей их в рабство. Но черкесом был Царь Золотой Орды Мамай, который на деньги генуэзцев нанял огромное войско из 120 тысяч черкасов, половцев, ясов и аланов, и во главе его пытался покорить Московское княжество, но потерпел поражение от русского князя Димитрия. В крови турецких султанов течёт черкесская кровь. Черкесские мамлюки, бывшие рабы, правят Египтом. Сейчас на египетском троне султан Кейтбей, наш родственник по крови. На всех рынках, торгующих рабами, в том числе и в Каффе, султан скупает белых рабов, чтобы дать им свободу. Поляки, русские, казаки и люди многих других национальностей получают второй шанс в жизни. Кроме того, в жилах каждого восточного правителя течёт немалая доля черкесской крови, потому что черкесская кровь весьма ценится на Востоке, как кровь истинных воинов. Пустынны берега Тавриды. Редки рыбацкие поселения. Столетиями на всём побережье хозяйничают пираты из Зихии. Селиться

тут небезопасно. Только в Капитанстве Готфия – генуэзском Поморье, которое латиняне отобрали у нас, живут на берегу люди под защитой многочисленных крепостей. Но такова жизнь, таковы люди. Нельзя во всём обвинять лишь зихов. Когда-то, самыми грозными пиратами на Понтийском море были готы – русы. Почему и прозвали море Русским. Но и сейчас кроме зихов существуют не менее грозные молдавские пираты.

Проплыли мимо Керкинита, Керкинитиды – Гезлева, развалин Калос-Лимена – земель древнего Херсона, и неф взял курс в открытое море на северо-запад. Далеко впереди лежала чужая земля – Молдова, и чужие города: Белгород, Килия, Сучава.

Александр и Мария стояли на палубе и смотрели за корму, туда, где таяла в белесой дымке родная земля. Что их ждёт? Увидят ли они ещё когда-нибудь свой край? Даже безразличные ко всему дикие чайки сейчас казались им последними осколками Родины.

Глава 2. Свадьба Марии

Когда утреннее солнце поднялось высоко над водой, впереди на берегу лимана, запирая вход в Днестр, показался Белгород, древний Тир – огромная крепость с мощными артиллерийскими башнями, построенными Штефаном Третьим в дополнение к древним четырёхугольным башням. Крепость окружал глубокий, заполненный водой ров более чем в двадцать шагов шириной.

Александра и Марию встречали два представителя Штефана, пэркэлабы – капитаны Лука и Балко. Вечером в честь будущей жены Господаря общиной города был дан праздничный ужин. Играла музыка, в рюмки из синего стекла слуги наливали молдавское вино. Звучали тосты, и Мария, ещё совсем девочка, впервые в своей жизни была центральной персоной вечера. К ней обращались, её приветствовали, а женщины поочерёдно отводили её в сторону и что-то нашёптывали, вероятно, просили о чём-то своём.

Александр и Теодорик сидели рядом с Марией, пили вино, и слушали не всегда понятную славянскую речь. Теперь, в чужой стране, им надо было осваивать чужой язык, привыкать к людям, которые были совсем не похожи на их соотечественников.

На ночь Александра и Тео разместили в одной комнате. После шума застолья приятно было слушать тишину, которую нарушал лишь лай собак и перекличка часовых.

– Тео, ты не спишь? – спросил княжич.

– Пока нет, а что?

– Когда-то я спрашивал тебя, почему ты не женишься. Тогда ты сказал, что я маленький, а когда подрасту, ты мне всё расскажешь. Хочу напомнить, что я уже вырос. Поэтому, начинай.

– До вчерашнего дня я был женат. Вчера я чуть не опоздал к отходу судна, потому что митрополит, наконец, совершил бракоразводный процесс.

– Тебя развели? С кем?

– С Агнией.

– Так ведь она жена твоего отца!

– Жена моего отца, моя мать, умерла, когда я сражался на стенах Константинополя. Агнию я спас в Константинополе, женился на ней и привёз в Феодоро. Мой отец и Агния сошлись друг с другом, и с тех пор жили во грехе. Мне пришлось уйти из Шиварина, нашего родового гнезда, и поселиться в столице. С отцом мы, в конце-концов, помирились. Но мне развестись, а отцу жениться на моей бывшей жене, оказалось не так просто. Митрополит нам отказывал, ссылаясь на то, что ему нужно разрешение Патриарха из Константинополя. Наконец, вчера это разрешение было получено. Я успел развестись, вскочил на коня и поехал в порт. Мой отец

и Агния остались на церемонию бракосочетания. Теперь ты знаешь обо мне абсолютно всё.

Ещё после двух дней пути 4 сентября 6979 года от сотворения мира и 1471 года от Рождества Христова Александр, Мария и Теодорик в сопровождении небольшого отряда охраны, выделенного пэркэлабами Белгорода, прибыли в столицу Молдавии, богатый город Сучаву.

Совсем недавно город пережил сильнейшее за всю историю землетрясение. Многие дома были в трещинах, некоторые строения обрушились, но по-прежнему в центре стоял невредимым тронный замок господарей Молдовы.

Замок современный, построенный с учётом того, что на башнях установят пушки. Поэтому круглые башни были огромными, сочленёнными с толстыми стенами, опоясанные глубоким рвом. Замок возвышался над местностью, и весь город, защищённый лишь рвом и земляным валом с частоколом, лежал у его подножья. В замке проводят коронацию господарей из рода Душанов. В этой цитадели вершатся дела государства. Большие доходы имеет Сучава на перекрестии торговых путей. Есть деньги у Господаря.

Проехали мост через ров, через двое невысоких арочных ворот. Кони остановились на небольшой площадке перед дворцом. Все спешились, и слуги повели гостей прямо в тронный зал, где пред ними предстал Штефан чел Маре, воевода, Божьею милостью Господарь Молдавской земли, опора

православия, ктитор – основатель множества храмов и монастырей, победитель хана Большой Орды Ахмата и многих, многих других врагов.

Штефан был одет в богатый кафтан, отороченный белым мехом в чёрную искру. Под кафтаном виднелась длинная, до красных сафьяновых сапог рубаха, опоясанная драгоценным поясом. И кафтан, и рубаха и сапоги были украшены искусным золотым шитьём. На голове Господаря возлежала девятилучевая корона с жемчугами.

Штефан встречал гостей у трона из тёмного дерева, с тонкой резьбой. Его длинные, ниже плеч, русые волосы ниспадали крупными волнами. Бороды у него не было, и широкие светлые усы подчёркивали округлую славянскую форму лица. Взгляд твёрдый, холодный.

Спафарий – оруженосец стоял по левую руку от Господаря. На спафарии была остроконечная шапка, клетчатые одежды и красные сапожки поверх зелёных штанов с пристегнутой к поясу саблей.

Приём шёл по протоколу. Когда официальная часть закончилась, дорогих гостей проводили в отведенные им покои.

Александр снял с себя дорожную одежду и лёг навзничь на кровать. Его раздражали чересчур мягкие перины, в которых он утонул и сразу вспотел от жара, огромные набитые пухом подушки. Его раздражало всё в этой чужой стране. Но

здесь ему предстоит прожить ближайшие годы. С родиной его будет связывать только сестра, да ещё друг и учитель Теодорик Вельц. «Хорошо, что он решил поехать со мной. Надо добиться, чтобы нас поселили вместе в одной комнате».

С этой мыслью Александр уснул, измученный дорогой, и опять перед его глазами убегали назад сосны, крытые дранкой и камышом крестьянские хижины, опять он слышал стук копыт, опять вдыхал острый запах конского пота.

14 сентября состоялась свадьба. Александр очень скоро устал от духоты набитого людьми храма, от церковного песнопения, от блеска золота и парчи, в которую были одеты православные попы и придворные, от несмолкаемого трезвона колоколов.

Княжич думал о сестре: вспоминал её маленькой девочкой, игравшей в куклы с подружками, вспоминал, как возвращаясь каждый раз осенью из Черкесии, где проходил боевую подготовку, удивлялся, насколько она повзрослела и похорошела за лето.

Теперь Мария уже совсем взрослая, и скоро станет мамой. А он? Он уже вырос? Или попрежнему остаётся мальчишкой? Александр впервые задал себе этот вопрос, и не смог сам на него ответить.

После церемонии бракосочетания все собрались на пир.

Молодые сидели во главе стола. Мария была в платье из

драгоценной тяжёлой парчи, богато вышитой золотыми нитями и отделанной горностаем. Крупные фалды стекали сзади, образуют длинный хвост. Треугольный вырез был украшен ожерельем в виде рубиновой звезды. Монументальное богатое платье резко контрастировало с бледным растерянным лицом пятнадцатилетней девочки, и острая жалость к сестре на миг кольнула сердце Александра.

Штефан выглядел уверенным в себе и холодным. Все вокруг говорили на славянском языке, который Александр понимал, но сам говорить пока не мог. Штефан посадил Александра рядом с собой, и долго на греческом языке расспрашивал о Феодоро, о семье, о взаимоотношениях с татарами и генуэзцами. Господарь пил мало. Его трезвый строгий взгляд останавливал самых буйных гостей. За огромным, во весь зал, столом чувствовалось некоторое напряжение. «Лют, видать, воевода»,– подумал Александр.

– Значит, отобрали у тебя престол твои родственнички, – произнёс Штефан. – Наверно, опасаются твоей горячности, боятся, что начнёшь защищать страну от Османов. Очевидны их задумки. Им удобнее ноги целовать Мехмеду в знак своей вечной преданности. Ничего, пройдёт несколько лет, дам тебе воинов, и пойдёшь добывать свою корону княжескую. Смотрю, ты крупный парень. В воинском деле тренируешься?

– Тренируюсь, конечно. На мечах бьюсь, стреляю неплохо из лука, арбалета и аркебузы. Разреши представить тебе мо-

его старшего друга, учителя в военном деле и дальнего родственника Теодорика Вельца. Десять лет по славному рыцарскому обычаю я служил у него оруженосцем.

Александр кивнул головой, и к ним подошёл огромный муж, чистокровный гот, воин с головы до пят. В его стальном пронизывающем взгляде светился острый ум. Теодорик низко склонился перед господарем и тот восхищённо зацокал языком:

– Какая глыба! Что ты умеешь делать?

– Я потомственный воин, и на войне умею делать всё. Защищал Константинополь, воевал на стороне Франции в Столетней войне, замещал князя Алексея – Телемаха на поле боя с ордой Ахмата.

– Очень скромный парень. Мне такие нравятся. Готовь своего княжича к войне. У нас здесь не ваше тихое болото. Вокруг вас, хоть сомнительные, но друзья. Грызётесь лишь понемногу. А тут одни враги: поляки, литовцы, венгры, турки, ордынцы, да ещё и волошские предатели. Бью их, бью, не унимаются, лезут на землю молдавскую как крысы на объедки. Устал я один бороться. Объединяться нам надо. Предали мы Константинополь, опору веры нашей, теперь тяжко противостоять католикам, мусульманам, ренегатам и предателям. Православие под угрозой. Только Россия благоденствует. Иван Третий, сидя дома, умножает свою державу, а я, сражаясь беспрерывно, едва в состоянии защитить границы Молдовы.

– А в чём сила русского князя?– спросил Александр.

– Он отказался от ненадёжных боярских дружин и создал профессиональную армию из воевод и их воев – детей бояр, дворян и мелких землевладельцев. Теперь ему не надо самому участвовать в сражении. За него это делают опытные воеводы. А сам он занимается политическим обеспечением войны. Вместо копейщиков у него в армии действует сабельная кавалерия, из артиллеристов и «огненных стрельцов» создаются абсолютно новые формирования. Иван смелой ломкой традиционной системы вооружения и тактики боя обеспечил успех своей армии. Сейчас перед ним стоит задача объединения всех русских земель и окончательное их освобождения от Ордынского ига. Не сомневаюсь, что он с этой задачей справится. Вы слышали о кампании Ивана против новгородцев этим летом?

– Нет.

– Отличное планирование, удачно выбранная политическая ситуация, и как результат – блестящая победа московских войск 14 июля сего года на реке Шелонь. Пять тысяч москвичей разгромили до тридцати, а по некоторым источникам, до 40 тысяч новгородцев, что дало Ивану возможность заключить в Коростыни новый московско-новгородский договор. Литва отстранена от участия в делах Новгорода. Католикам не удалось распространить своё влияние на исконно русские земли. Иван продемонстрировал всей Европе как надо побеждать в современной войне. Военные

действия за пределами своей страны, наличие плана войны и каждого сражения, разработка серии ударов с разных направлений, что распыляет силы противника, постоянное владение инициативой. По указу Московского князя для отвлечения ордынцев, ушкуйники вятичи с воеводой Костей Юрьевым напали на Сарай-Бату, чтобы отвлечь Орду и не позволить ей ударить в тыл русским войскам. Я надеюсь на союз с Великим князем Московским Иваном Третьим.

Штефан помолчал немного и добавил:

– Под впечатлением от нововведений Ивана, я сам отказался от прежней структуры войска, основанной на главной роли отрядов крупных бояр. Новое регулярное Малое войско состоит из моей личной гвардии – витязей, войска куртян – дворян, и отрядов наемников, что значительно увеличило военную мощь Молдовы. Как думаете, можно ли мне рассчитывать на поддержку Крымского хана в борьбе с турками? – вдруг неожиданно спросил господарь.

– Конечно, можно! Татары – моя родня, наши постоянные союзники. Сто лет мы вместе боролись против всех внешних врагов, – сказал Александр.

– А ты как полагаешь, Теодорик? – обратился Штефан к другу княжича.

– Прости, Александр, – сказал Тео, – Сожалею, но я думаю иначе. Сейчас всё зависит от того, кто окончательно возьмёт власть в Крыму: Нурдевлет Гирей, опирающийся на Великую Орду, или Менгли Гирей, для которого Орда – угро-

за независимости. За каждым из них стоят могущественные беи. Если власть останется в руках Менгли Гирея, то главным врагом Крымского ханства станет Орда, и хану не обойтись без союза с Турцией.

– Но тогда им также придётся поступиться своей независимостью, за которую боролся Хаджи Гирей, и с огромным трудом добился её двадцать восемь лет назад не без помощи князей Феодоро,– возразил Александр.

– Да, сейчас перед татарами стоит вопрос: кого из сильных держав выбрать своим сюзереном. Но у Менгли есть ещё один выбор: остаться независимым в союзе с нами и генуэзцами. Впрочем, всё решает «Совет пяти» – «Диван». Союз татар с турками может состояться, ибо предпосылки этому уже были. Вспомните их совместную кампанию против генуэзской Каффы в 1454 году. Тогда генуэзцы в Каффе отделались данью и признанием самостоятельности Крымского ханства. Теперь всё будет гораздо сложнее: туркам не нужен конкурент в торговле на Верхнем море в лице генуэзцев. Не нужно османам и независимое ханство. Мехмеду Завоевателю нужен весь мир, и, как минимум, Верхнее море, которое должно стать внутренним морем Турции, – сказал Теодорик.

– Так ты не только воин, но и политик? – удивился Штефан.

– Кстати, а где сейчас находится Влад Дракул? Ведь он православный твой родственник и союзник по борьбе с турками. Насколько я осведомлён, это он дал тебе 6 тысяч вои-

нов, с которыми ты отобрал трон у своего дяди Петра Арона, братоубийцы, разбив его в 1457 году возле Должешти? – спросил Александр.

– Влад Дракул, член ордена Дракона, боровшегося с турками, убит в 1447 году по приказу регента венгерского королевства Яноша Хуньяди. А ты, наверно, имеешь в виду его сына, Влада 111 Дракуля, что означает «сын дьявола». Турки его называют «казыклы», по-валашски – цепеш – колосажатель. Много он турок истребил, многих посадил на кол. Талантлив воевода и безжалостен к врагам Валахии. Малым войском, преданный собственным братом Радой, Влад заставил отступить самого Мехмеда, Завоевателя, с его 210 тысячной армией, организовав ему тактику выжженной земли. Однажды ночью только со своей гвардией в семь тысяч человек, переодетых в одежды врага, Влад напал на лагерь османов и перебил до тридцати тысяч врагов, почти не понеся потерь. Турки сами убивали друг-друга, не разобрав в темноте, кто есть кто. К сожалению, обманом Корвин заманил Влада в ловушку, и теперь содержит под домашним арестом в Вышеградском замке. Матвей Корвин – по-венгерски Матиаш Хуньяди, сын Яноша Хуньяди, по подложным письмам обвинил Влада в сговоре с турками, чтобы оправдать деньги, полученные от Папы Римского на крестовый поход, и, скорее всего, им присвоенные. Сейчас пытается Корвин обратить Влада в католическую веру. Сомневаюсь, что это у него получится. Стоек воевода, да и не захочет стать вам-

пиром, ведь по валашским поверьям человек, изменивший веру, становится вампиром. За Влада ходатайствуют Папа Римский Сикст 1V, император Священной Римской империи Фридрих 111 и короли всех крупных европейских держав, обеспокоенные ростом турецкой угрозы. А Валахией сейчас правит братец Влада, воевода Радул, или, как его называют, Рада чел Фрумос – Красивый, прихвостень турецкий, с которым вместе Влад в детстве был заложником у турок. Теперь Валахия – наш первый враг. Я собираюсь вскоре начать с Валахией войну.

– А как же эти невероятные истории о кровожадности Влада? Говорят, он посадил на кол сразу тридцать тысяч человек и сам пировал среди леса из кольев с телами казнённых? Что он велел послам хана Ахмата, не снявшим перед ним шапки, прибить их к голове гвоздями? Что он ест человеческое мясо. А ещё, что сейчас в венгерском плену он забавляется, сажая на кол птиц и крыс, – спросил Александр.

– Лют и суров воевода с врагами. Да и не только с врагами. Все преступники Валахии его боялись. Он карал за преступления, независимо от знатности и богатства. Зато он ценит ум, находчивость и смелость. Истории о кровожадности Влада выдуманы Матиашем Корвиным и трансильванскими купцами. Влад действительно, целую армию турецкую в количестве четырёх тысяч человек, пытавшихся поймать его в ловушку, уничтожил полностью, а трупы насадил на колья и выставил этот живописный пес на пути армии Мехме-

да Фатиха. Когда Мехмед прогулялся по этому лесу и увидел ужас в глазах своих воинов, то повернул войска и отказался от планов покорить Валахию. Людей Влад не ест и птиц на колья не сажает. Простой народ любит князя. Быстро и эффективно навёл он порядок в стране. А клевещут на него немецкие купцы из Трансильвании, потому что он резко сократил их льготы в пользу валашских купцов. Да, широки колы у воеводы Дракулы. Ещё и с зазубринами. Пока дойдёт такой кол до сердца, и человек, наконец, умрёт – намучается вдоволь. Не из-за кровожадности воевода мучает людей, а для устрашения врагов. Всех албанцев, принявших ислам, которых турки селили вместо уничтоженного сербского населения Косово, завоёванных областей Македонии и Валахии, Влад, когда захватывал такие селения, изрубал на куски, а старост селений и комендантов крепостей, которые обычно были турками, сажал на кол. Он не оставлял ни единого живого свидетеля и перемещался от одного селения к другому быстрее чем распространялся слух о нём. Албанцы в панике бежали из Валахии. А холопы – румыны Влада обожали. Я и сам суров с врагами Молдовы, хотя, у меня колы, как правило, тонкие, и быстро достигают сердца.

Княжич вспомнил про Браиль, четвертование сына хана Великой Орды Ахмата и ханских послов после победы Штефана при Липниках год назад, но промолчал.

Пир продолжался. Придворные и гости выкрикивали то-

сты в честь деспины Молдовы Марии и Господаря, но Штефан отмахивался от них, словно от мух. Ворчал:

– Эти подхалимы так и пытаются вылизать мою старую задницу. Первыми предадут, дай я слабину. Великие бояре – вот моя головная боль. Но постепенно в Господарском совете я заменяю всех прежних бояр на тех, кому доверяю. Это Збиря, Влаху, Тэутул.… Многие из них – моя дальняя родня. Даю им должности ворников, пэркэлабов, логофетов.… И всё же, друзей настоящих мало. Но меня, как и Влада, любят крестьяне. Они были вечинами – холопами, а сейчас большинство из них – свободные люди. Холопами остались лишь пленные татары и волохи. А ещё моя опора – духовенство. Потому что главная моя забота – вера. Единая православная вера сплачивает народ. Без веры мы погибнем между католиками и мусульманами как между молотом и наковальней. Не будет тогда народа молдавского.

– Вы говорите с волохами на одном языке, но называете себя молдаванами, а их мунтянами. Чем вы отличаетесь от волохов?

– У нас история разная и люди мы разные. Они – мунтяне, горцы. У них слишком много агрессивной римской крови. Может, отсюда их называют «волохи» – по-славянски итальянцы. Впрочем, волох – это также и пастух, а на германском языке вальх – кельт. Мы, молдаване – народ спокойный, миролюбивый, любящий природу. Даже имя своё мы получили от утонувшей в реке собачки князя Драгоша по име-

ни Молда. Впрочем, это имеет и свои отрицательные стороны. Трусоват народ Молдовы изначально. Много я положил труда, чтобы преодолеть эту трусость в Малом войске. Что касается меня лично, то незаживающая рана от валашской стрелы в ноге, полученная при осаде Килии, которую я пытался отобрать у Влада, до самой смерти будет напоминать мне о мунтянах.

– Почему вы воюете с мунтянами?

– Радул, волошский князь, сошёлся с османами, и два года назад первым напал на Килию, принадлежавшую Молдове. В прошлом году, в отместку за это нападение, я сжёг Браил и ещё ряд его городов. Уже в этом году Раду Красивый при поддержке турок начал кампанию против Молдовы, но получил от меня поражение. Теперь, как говорится, опять моя очередь. Заменю Радула на Бассараба.

– Расскажи, господарь, о недавней твоей победе над венграми, – попросил Александр.

– Было дело. Четыре года назад венгерское войско, разбив наши загранотряды, перешло Карпаты и вторглось в Молдову. Венгры заняли Бакэу, Роман и Байя. Я, по примеру Влада, приказал всё уничтожать на пути врага. Ночью 15 декабря по моему приказу был подожжен посад Байи с нескольких сторон. Двенадцать тысяч моих воинов неожиданно в ночи атаковали королевское войско, дезориентированное пожаром, и уничтожили почти всех. Сам Корвин был ранен в спину, и его на носилках унесли с поля боя. Почти семь тысяч убитых

венгров по моему приказу снесли в огромную гору трупов, а сгоревших во время пожара невозможно было сосчитать. Ну, а теперь простите, загрустила моя девочка, надо уделить ей внимание.

Александр и Теодорик вернулись на свои места. Штефан наклонился к Марии, и стал нашёптывать ей на ухо что-то явно неприличное, потому что Мария густо покраснела и прикрыла платочком свои точёные черты. «Старый хрыч», – опять подумал Александр беззлобно, и поднял чарку вина за здоровье «молодых». Рассмеялся: «молодой старый хрыч».

Вечером на балу в честь новобрачных присутствовали все знатные бояре со своими жёнами и детьми. Дамы и девицы были в ярких платьях из бархата, парчи, шёлка чёрных, красных, фиолетовых, белых и других цветов. Все надели маски. Но свою сестру среди толпы Александр легко узнал по особой стати. Мария была одета в ярко красное бархатное платье, отороченное чёрным мехом. Длинный шлейф скрывал её прекрасные ровные ножки, о которых здесь знал только Александр. Иногда княжич оказывался в танце рядом с Марией и улыбался ей. Она тоже легко узнала брата, и слегка помахала ему рукой. Впрочем, узнать его было несложно. Даже рядом с Тео, гигантом в семь футов роста, княжич совсем не выглядел маленьким. Оба были одеты в дорогой зелёный бархат. Волосы длинные, у Теодорика светлые, у Александра тёмные, слегка волнистые. Аккуратно подстри-

женные бороды.

Княжичу было приятно ощущать присутствие Марии, близкой души в этом чужом дворце среди незнакомых людей.

Танцевали бранссданс. Последние па – бранли. Когда музыканты заиграли куплет, дамы и кавалеры образовали круг и взялись за руки.

Прикосновение незнакомой женской руки стало для Александра как удар молнии. На мгновение его ноги неуклюже запутались, он чуть не упал, а потом даже не посмел повернуть голову, чтобы взглянуть на свою соседку справа. Он просто чувствовал её, и в тёплом зале ему вдруг стало зябко.

Оркестр заиграл припев, танцующие разомкнули руки и повернулись лицом друг к другу. Тогда Александр, наконец, увидел её глаза сквозь прорези шёлковой маски. В этих глазах была его жизнь: и прошлая, и будущая. Словно старая цыганка бросила карты на зелёную скатерть. Ворожея видела всё. Но остальные заглядывали через плечо и вопрошали: «Что там? Что там?» И боялись, и желали. Может, любовь? А, может, смерть? Да и скажет ли цыганка правду? Скажут ли правду эти изумрудные глаза? Глубокие и загадочные, словно волны моря. Волшебные и чарующие, как легенды старого Мангупа.

Кончился танец. Но Александр бестолково стоял истуканом посреди зала, пока Теодорик не увлёк его за руку в сто-

рону. Нет существа глупее на свете, чем внезапно поражённый любовью мужчина.

Танцевали бельфиоре, аморозо, пицохару, анелло. И лишь Александр больше не танцевал ни разу, стесняясь своей неуклюжести. Он впервые глубоко сожалел, что был не самым прилежным учеником у придворного учителя танцев.

Княжич искал глазами вертикально разделённое, наполовину золотое, наполовину синее плиссированное спереди шёлковое платье с треугольным вырезом, не скрывающим белоснежную нижнюю рубашку тонкого хлопка. Высматривал длинную синюю шаль, серебряную маску с миндалевидными вырезами для глаз, распущенные тёмные волосы и диадему с голубыми сапфирами.

Разве можно влюбиться по прикосновению? Не видя даже лица? Одни глаза. Вдруг, это семейная дама с кучей детей, и где-то рядом занят разговорами или игрой в карты уставший от неё муж?

Александру показалось, что несколько раз её аккуратная головка повернулась, как бы ища именно его. Но нет. Это только показалось. Всё новые и новые фигуры рисовали на паркете танцующие, будто огромный калейдоскоп разворачивался перед глазами Александра. Потом танцы кончились, и незнакомка, вдруг, исчезла в сверкании тысяч свечей, словно всё это только привиделось ему в странном сне.

Под конец бала началось представление. Данс макабр. Танец смерти. На зеркальном паркете появились образы иного

мира. И этот загробный мир уравнивал всех: богатых и бедных, знатных и неизвестных. Казалось, мир теней приоткрывает свои тайны. Смерть вела за руку епископа, императора, воеводу с пышными усами, подозрительно похожими на усы Штефана водэ. Смерть играла на арфе. Потом появились скелеты. Они тоже играли на тамбуринах и свирелях, увлекая за собой всё новые жертвы. Княжич был захвачен представлением. Ничего подобного Александр никогда не видел.

И вдруг, за своей спиной он услышал нежный, как звук флейты, женский голос, который читал стихи по-славянски:

У всех у нас одна дорога,
Один удел, один конец,
Но жизнь была, и, слава Богу,
Что ты нам дал её, Творец!
Дал только миг
Среди пустыни,
Среди космических глубин,
Дал светлый мир,
Слова простые:
Дом, мать, жена, отец и сын.
Дал нам любить,
И быть любимыми,
Дал утончённый мир искусств,
И после смерти,
Над могилами,

Дал шум листвы,
Покой и грусть…

Александр повернулся, и вновь увидел сияющие, прекрасные глаза в миндалевидных вырезах шёлковой маски.

А потом она опять исчезла, затерялась среди разноцветья парчовых, тонко-шерстяных, бархатных и шёлковых платьев, ниспадающих шлейфов, геннинов и вуалей. Только длинный хвост с серебряным узором ещё раз мелькнул в недосягаемом отдалении зала. И Александр испугался, что теперь она будет исчезать так всегда, как только он её увидит. Словно мигающая в тёмном небе далёкая звёздочка, готовая в любую минуту скрыться за невидимыми облаками.

Но что-то произошло, что-то изменилось. Навсегда! Он почувствовал: между ними протянулась тонкая нить. Теперь они знают о существовании друг друга. Теперь у него есть она.

Окончилось представление, как напоминание, что жить человечеству осталось лишь двадцать лет. В 1492 году, 7000 году от сотворения мира наступит конец света. Потому что Бог сотворил мир за семь дней. Каждый день – это тысяча лет. Какая тут связь – Александр не очень-то и улавливал, да и не верил во всё это. Но другие верили. Верили почти все, и это пугало. Церковники постоянно напоминали людям: грядёт второе пришествие! Но, в любом случае, впереди ещё целых 20 лет! Так много! Стоит ли грустить, если где-то ря-

дом распахнул свои зелёные глубины безбрежный океан, в котором время не имеет значения. И минута – это вечность. Океан её глаз. Океан её непознанной души.

Александр подошёл к Марии, которая разговаривала с Еленой, дочерью Штефана от первого брака, девочкой лет семи, и тихо спросил:

– Мария, если у девушки распущенные волосы, то это что-нибудь означает или просто так?

– Означает, что перед тобой девушка и она незамужем.

– Конечно девушка, ей лет пятнадцать. А вертикально разделённое шелковое желто-синее платье?

– То, что эта девушка стремится быть самой модной, и она королевской крови, или шёлк ей подарила королева.

– Ты узнаешь кто она?

– Это все приметы? А какого хоть цвета волосы? Они подбриты на лбу и висках?

– Тёмные. Откуда я знаю, подбритые или нет?

– Если лоб кажется большим, то подбритые. Сейчас модно высветлять волосы и увеличивать ширину лба. Понял, бестолковый?

– Я всё понял, но в ваших модах никогда не разбирался, и мне это не интересно. Она очень красивая, и всё. А глаза изумрудно-зелёные. На голове диадема с голубыми сапфирами, а на безымянном пальце левой руки кольцо с кроваво красным рубином.

– Уже кое-что! Постараюсь тебе помочь.

Шло время. Зелёные глаза в обрамлении сапфиров, взволновавшие душу Александру, больше не попадались на его пути. Постепенно сердце княжича успокоилось, но образовалась какая-то странная пустота, которой раньше не было.

Однажды, Мария подошла к нему и потянула за рукав.

– Пошли, покажу тебе твою принцессу.

Они вошли в библиотеку. В больших тёмных шкафах и на полках стояли фолианты в тяжёлых, кованых переплётах. На стенах висели многочисленные портреты. Мария подвела Александра к одному из портретов, и он увидел её. Сердце его забилось. Девушка была прекрасна. Тонкий нос с лёгкой горбинкой, выразительные, чуть выпуклые ярко-зелёные глаза поражали своей одухотворённостью и глубиной. Но в этих глазах Александр разглядел несгибаемую волю и страсть. На безымянном пальце левой руки девушки был необычный перстень с рубином цвета алой крови. Красный рубин светился на фоне тёмно-синего бархата как глаз демона в синей ночи. Камень жизни, пылкой любви и взаимности. Его обладатель не признаёт посредственности и стремится к великому.

– Кто она?

– София, любимая дочь воеводы Влада Дракулы от первого брака. Кстати, у неё есть родной брат, Михай. Штефан – кузен Влада, а значит, его дочь нам родня. Сегодня рано утром она выехала из Сучавы. Когда появится вновь, я вас

познакомлю. Отец Софии в плену у короля Венгрии Корвина. Правда, плен – это не тюрьма, а весьма богатая и вольная жизнь в императорских покоях пятиэтажной башни Соломона с молодой женой – кузиной Матиаша и двумя их сыновьями. Только Владу не позволяют выезжать из Венгрии. Охраняет его «чёрное войско» из чешских наёмников. Впрочем, говорят, Влад с семьёй уже переехали в Пешт в собственный дом. В любом случае, дочь его свободна ехать куда угодно. Вот и залетела птичка на свадьбу Штефана, своего родственника, чтобы мой глупый братец влюбился в неё по уши. Всё это она мне вчера сама рассказала. Нас познакомил Штефан. Она чуть моложе меня. Но я перед ней просто дурочка.

Через девять месяцев у Марии родилась девочка. Всё больше восхищался Александр силой и мудростью Господаря Молдовы. Но Мария сказала как-то Александру:

– Не любит он меня.

– А ты?

– Мы, женщины, что адыги, что гречанки, любим или не любим, а всё равно любим.

– Откуда в тебе эта приниженность? Ведь в нашей семье жёны всегда были свободны, и их уважали?

– Уважали. Но женились не по любви, а по политической целесообразности. Отец женился на черкесской княжне из рода Цымблаков, нашей маме, даже не взглянув на неё ни разу. Так же поступили и со мной. Мы, женщины, лишь ин-

струмент в руках мужчин. Наш род от Комнинов, Палеологов и Асанов – византийской императорской династии и болгарских царей. Благодаря этому династическому браку, Штефан обрел право объявить себя царем. Он и собирается так поступить в ближайшее время. Лишь для этого я и нужна Штефану.

– Нам, Гаврасам, приходится, в первую очередь, думать не о себе, а о стране. Вот и женимся на благо Феодоро, часто жертвуя собственным счастьем. Так и Господарь Молдовы. Не повезло тебе, Мария. Но это судьба женская. Терпи и люби своего мужа.

– Постараюсь. Лишь бы он не полюбил другую.

В конце лета дочка Марии тяжело заболела. У неё начались судороги, и на какое-то мгновение девочка перестала дышать. Пришёл Александр. Позвали Штефана. Мария бросилась к нему вся в слезах:

– Наша девочка умирает. Ей срочно нужен лучший лекарь.

– Мои лекари лечат только раненых. Дочь я лечить не позволю. Она должна сама выкарабкаться. Мне нужны сильные дети. Слабые пусть погибнут. Иначе, род мой не выживет на этой Земле.

Дочь Марии выкарабкалась, выжила. И Мария была очень этим горда. Но на Штефана всё-таки негодовала: «безжа-

лостный он».

– Нет, он мудрый, – возразил Александр. Только сильные имеют право на жизнь. Иначе, выродится род людской.

– И тебе не жалко детей?

– Если сажать гнилые семена, то весь урожай погибнет. Это как гангрена на пальце. Палец жалко, но не отруби его, и погибнешь сам. Нет, мне не жалко больных и слабых детей. Они – это гангрена на теле человечества. Штефан абсолютно прав.

– Все вы, мужики, изверги.

– Рожай больше, и тогда не будешь дрожать над каждым хилым ребёнком.

– Сам рожай больше, советчик! – возмутилась Мария, и стала кормить грудью расплакавшуюся малышку.

Глава 3. Чужая война

Штефан объявил подготовку к походу. Александр волновался: впервые в жизни ему предстояло сразиться с врагами в открытом бою. Он никак не мог решить, что выбрать в качестве главного оружия: отцовский булатный меч или саблю из индийского булата, подаренную отцом. Наконец, после долгих размышлений, он выбрал саблю, и под руководством Теодорика повторял некоторые изощрённые приёмы сабельного боя. Мария, по черкесскому обычаю, сама сделала новые ножны для сабли брата, обтянув их красным бархатом.

Накануне похода пир давал воевода Бассараб. Гуляли до полуночи. Утром, невыспавшийся Александр занял своё место в оргомном войске во главе небольшого конного отряда молдаван, выделенного ему Штефаном. Когда Сучава с провожающими: жёнами, детьми и стариками осталась позади, Александр пытался уснуть в седле, как это делают татары, но всякий раз заваливался на бок, так что Тео приходилось подхватывать княжича. Тот таращил изумлённые глаза, пока не просыпался окончательно.

– Зачем ты меня разбудил?

– Ты падал.

– Выдумываешь, наверно. Во мне течёт татарская кровь, а значит, я не могу упасть.

– Иногда и татары падают.

А потом всё повторялось сначала:

– Зачем ты меня разбудил?

– Ты падал……

Большое войско собрал Воевода Штефан. Разделил его на две неравные части, по примеру Московского князя Ивана, и бросил на Мунтению. Впереди основной армии над волнами колышущихся всадников плыло красное знамя с Георгием Победоносцем, попирающим змия – хоругвь господаря Молдовы. Его собственными руками вышила малолетняя дочь Господаря Елена.

Штефана водэ окружала личная гвардия в кирасах, вооружённая алебардами и сердцевидными железными щитами с изображением головы быка.

Армия Молдовы вторглась в Валахию у Милкова, продвигаясь через Рымнику, Сэрат, Бузэу, Гергица.

Два дня войско стояло у мелкого ручья, который, почему-то, называли «потоком». Разведка определила местонахождение армии Рады Красивого. На Военном совете был составлен план сражения, но Александр не входил в Военный совет, и не знал ничего.

Только за час до намеченного времени в ночь с 20 на 21 ноября 1473 года были разосланы всадники калараши с приказом поднять армию и приготовиться к атаке.

Тео легонько потряс Александра:

– Вставай, княжич! Назначено время атаки.

В маленьком шатре было безумно холодно. Княжич схватил котелок с тлеющими углями, прижал его к животу. Чуть согревшись, Александр сходил по нужде, позавтракал хорошим куском холодной свинины с горячим молоком, подогретым на костре, а потом встал посреди шатра, готовый к непростой процедуре облачения.

Двое слуг достали из сундука германский готический доспех работы аугсбургского оружейника Хельмшмидта с обильным рифлением, и стали ловкими, уверенными движениями одевать княжича. На шёлковый, шитый золотой нитью поддоспешник – пурпуэн, набитый хлопковой ватой с подкладкой из дорогого льна, надели кирасу, почти не стеснявщую движения.

Пока слуги застёгивали хитрые застёжки, Александр подумал, что если он останется после боя без помощников, то не сможет раздеться, и умрёт в этом железном коконе.

Когда процедура облачения закончилась, Александр пристегнул к поясу длинную саблю из индийского булата с крестом перед рукоятью и огнивом, защищающим руку от скольжения вражеского лезвия.

Перед шатром уже стоял боевой молдавский скакун в доспехах.

Ещё не рассвело. В сумерках тихо строилась кавалерия. Кони всхрапывали в темноте.

Под светом неярких звёзд прозвучала команда: «В атаку, рысью, марш!». Кавалеристы дали шпоры лошадям и пошла лава на врага. Потом прозвучала команда: «В галоп!». И тогда лава, набирая скорость, стала неудержимой, смертоносной, словно это вулкан бросил огнедышащее пекло прямо в лицо врагу.

Не ждал воевода Радул ночного удара конницы. Грозный топот тысяч копыт поверг мунтян в шок. В страхе разбегались они в разные стороны, пытаясь спрятаться от разящих мечей. Только некоторые прижимались спинами друг к другу, и пытались организовать оборону.

На одну из таких групп, человек в сто, и налетел отряд княжича. Александр ударил копьём по своему щиту, как учил его Теодорик, и мгновенно в кровь ему словно впрыснули дьявольский огонь, а сил прибавилось стократно. Уже не было страха, не было сомнений, а была одна неуёмная ярость и жажда боя.

Княжич направил коня прямо в гущу врагов, и боевой конь своей бронёй проломил брешь в защите из копий и щитов. Копьё Александра сломалось, застряв в доспехах пронзённого мунтянина. Княжич откинул древко, выхватил саблю. Сверкнул булат, отражая звёздную пыль небес, срубил мунтянина, пытавшегося замахнуться алебардой. Снизу, не поднимая клинок для замаха, ударил Александр в незащищённый подбородок другого валашского воина, и белое ли-

цо его стало чёрным, потому что в темноте всё красное становится чёрным.

Осенняя ночь вдохнула в себя запах человеческой крови, впитала крик умирающих, звон мечей, хрипы раненых людей и лошадей. Мир любви, мир доброты исчез, испарился, как испаряется утренняя роса. Только ненависть к врагам, а ещё дикая радость убийства. Словно сбросили люди с себя груз этой жизни, груз забот и треволнений. Вырвалась на свободу первобытная звериная ярость человека.

Александр вновь и вновь разил врагов чёрной от крови саблей, а потом, не удовлетворяясь столь мелкими победами, бросил саблю в петлю на седле и потянул из-за спины притороченный к седлу двуручный европейский меч биденхандер. «Да! Это настоящее оружие убийства»– пронеслась мысль. Он взмахнул мечом и ощутил полную, абсолютную власть над теснившимися вокруг него врагами. Смерть от чудовищного удара разорвала пополам сразу нескольких мунтян, и кровь уже не брызгала, а лилась рекой под ноги озверевшего коня.

Отпрянули враги от Александра, бежали, испугавшись его дикой ярости. А рядом молча, как громадная глыба, на огромном, специально для него подобранном молдавском коне, сидел его друг Тео, и вал трупов вокруг него по высоте доходил до морды коня.

Александр подъехал к другу, и тот положил ладонь княжичу на плечо:

– Теперь ты настоящий воин, рождённый в бою. Никто заранее не знает, что окажется сильнее в нём во время первого боя: страх или ярость. В тебе победила ярость. Ты можешь стать великим бойцом. Но запомни: ярость не должна быть дикой, безрассудной. Только холодная, расчётливая, и тогда это и не ярость вовсе, а кураж, с ясной головой и трезвым рассудком.

«Перед боем я трусил по-настоящему, и спасительная ярость моя была явно безрассудной» – подумал Александр, и густо покраснел под бацинетом. В животе его всё ещё неприятно урчало.

Друзья пришпорили коней, направив их туда, где в свете серой зари молдаване из отряда Александра вязали верёвками человек двадцать мунтян.

Связав пленных и оставив возле них охрану, отряд княжича присоединился к основному войску, преследовавшему отступавших мунтян до замка Дымбровица, в котором успел укрыться воевода Радул с немногими уцелевшими людьми.

23 ноября Штефан организовал осаду по всем правилам. Особая гордость Штефана – его специальный отряд артиллерии. Теперь настал час ей сказать своё слово.

Бомбарды били по замку каменными и чугунными ядрами целые сутки, сосредоточив огонь на нескольких слабых местах. В результате, в стенах образовались проломы.

Ночью войска забрасывали ров всем, что можно было най-

ти в окрестностях: брёвнами, камнями, землёй, ветками.

К утру на выбранных для атаки направлениях ров был почти засыпан, а стены проломлены.

Атаке предшествовал мощный залп артиллерии. Огнём из аркебуз, градом стрел из арбалетов и луков нападавшие не давали возможности обороняющимся поднять головы над стеной.

Александр и Тео спешились, чтобы принять участие в атаке.

Для штурма княжич не стал надевать сплошной сочленённый доспех, в котором вскарабкаться на стену было довольно сложно, а надел лёгкий кожаный, с нашитыми стальными пластинами. Шею и грудь прикрывал стальной гаржет. Подставляя себя под стрелы и пули, не следовало особенно выделяться в толпе. В качестве оружия княжич взял лёгкую саблю и кинжалы для метания.

Александр и Тео во главе своего отряда под бой барабанов бросились вперёд, прикрываясь щитами. Перешли ров. Взметнулись вверх сколоченные за ночь лестницы и легли на обломки стен, уцепились за них падающими зацепами. Первые воины рванулись по ступеням. Многие из них срывались вниз, поражённые мечами и тяжёлыми камнями, но атакующие опять и опять упорно штурмовали стену.

Александр отбросил отяжелевший от застрявших в нём стрел щит, и ринулся вверх, а сабля висела в кожаной петле

у него на запястье.

Воин, поднимавшийся впереди него, внезапно застыл, потом выпрямился, и стал падать. Горячая кровь из его разрубленной головы полилась на руки Александра. Княжич мгновенно прижался к лестнице, чтобы не быть сбитым падающим телом.

Над гребнем пролома появилось бледное лицо. Александр осторожно поднялся ещё на две ступени, а когда увидел, что мунтянин уже готов поразить его мечом, выдернул свободной от сабли рукой из-за пояса кинжал и снизу вверх метнул его во врага. Кинжал вошёл прямо в глаз. Мунтянин выронил меч, сполз головой вниз и пролетел мимо Александра.

Оказавшись на вершине полуразрушенной стены, Александр резким взмахом сабли снёс пол головы подбежавшему мунтянину. На башне лучник выпустил стрелу. Александр легко увернулся, и по развалинам стены стал карабкаться к входу в башню.

Наконец, он ворвался в помещение. Не менее десятка врагов кинулись на него с обнажёнными мечами. Коротким взмахом сабли Александр вспорол живот одному из нападавших. Остальные немного отступили, и стали окружать Александра, изготовившись для нападения. Княжич не ждал, когда они будут готовы, а сам бросился на врагов. Горизонтальный мгновенный удар саблей. Мунтянин подставил меч, но не успел развернуть лезвие навстречу сабле, и булат сломал европейское железо, вспорол горло врагу, а потом полетел

дальше, разрубая на своём пути всё, что мешало его полёту. Мунтянин пал, истекая кровью. Два меча одновременно устремились к животу Александра, но княжич успел мгновенно среагировать: оттянул саблю и отбил мечи.

В это мгновение в башню ворвался Теодорик. С рёвом он кинулся на врагов, и его тяжёлая рогатина, как молох смерти, обрушилась на мунтян. Два, четыре изуродованных тела. Казалось, свою работу выполняет мясник. Густой, одурманивающий запах внутренностей наполнил помещение. Будто башня была живая, и чрево её, где они находились, воняло, как воняет любое чрево. Ужас обуял мунтян, которые ещё были живы. Двое из них выскочили в дверь, а двое попытались взбежать наверх по лестнице, но Тео сбил их с лестницы рогатиной и пригвоздил одного за другим к бревенчатому полу.

Друзья поднялись на корону башни, где быстро перебили нескольких лучников, пытавшихся защищаться короткими мечами. Потом они схватили вражеские луки. Александр наложил стрелу, натянул лук, прицелился в шею мунтянину, пустил стрелу. Трёхгранный наконечник прошил шею врага насквозь, и мунтянин, хватаясь за горло, упал ничком, захлёбываясь кровью.

Другая стрела. Ещё один мунтянин прятался за зубцом стены с мечом наизготовку. Бок защищён кольчугой. «Пробьёт», подумал Александр, натянул лук до треска, отпустил стрелу. Стрела вонзилась по самое оперение, пробив коль-

чугу.

Европейский цельнодеревянный лук из тиса – слабый, не чета азиатскому или черкесскому, склеенным из дерева, кости и сухожилий. Александр натянул его чуть посильнее, чтобы пробить очередную кольчугу, и лук сломался. Досадуя, княжич схватил другой лук.

Тео сломал свой лук ещё раньше. Не привыкли они к чужому некачественному оружию, стреляющему менее чем на 100 длин лука.

Атакующие, ранее гроздьями висевшие на многочисленных лестницах, теперь сверкали окровавленными мечами на вершине пролома, соскакивали по крутым каменным ступеням вниз, во двор замка, и разбегались между строениями в поисках спрятавшихся защитников, женщин и добычи.

К полудню защитники замка прекратили сопротивление. Связанные пленные сидели во внутреннем дворе. Изнасилованные женщины плакали, прижимая к груди перепуганных детей. Личная гвардия Штефана переворачивала трупы и обходила все помещения в поисках Рады Красивого.

Но Радула не нашли. Он сумел уйти ночью. Вероятно, спустился со стены по верёвке. Если бы в замке был потайной ход, то он ушёл бы с семьёй. Но его жену и двоих уже почти взрослых детей, а также все атрибуты власти, обоз и богатую казну молдаванам удалось захватить. Александр видел, как юношу со связанными руками, двух женщин, одна из кото-

рых была молодой и красивой, вывели из покоев, усадили в повозку и в сопровождении отряда всадников отправили в Сучаву.

Ночью, после обильного пира, Александр и Тео разместились в одном из покоев замка. Им повезло: в небольшой комнате было две кровати.

– Тео, ты спишь?

На соседней кровати большое тело грузно повернулось в темноте, словно медведь очнулся в берлоге.

– Нет ещё.

– Почему ты так ревел, когда ворвался в башню? Я сам от твоего рёва чуть богу душу не отдал.

– Чего ревел, чего ревел! Ведь мы все из Таврии, значит, тавры, быки тоесть. Вот и ревём себе. И в Молдавии быков почитают. Даже на щитах наши головы изобразили. Сам Бог мне предписал: реви! Вот и реву.

– Очень мудрое объяснение. А серьёзно?

– А серьёзно – испугался я. От страха и ревел.

– Чего ты, старый пень, мог испугаться? Тебя самого все до смерти боятся.

– Не за себя испугался. Выползаю я на эту раздолбанную стену, а княжича моего и следа нет. Туда, сюда ищу – нет. Канул, как в воду. Неужели, думаю, сбросили княжича со стены? Но ведь он не птица, может и повредить себе чего-нибудь. А ведь я князю Телемаху у его смертного ложа обещал,

что уберегу тебя в бою. И перед боем ты, как я заметил, даже не перекрестился. Это плохой признак. Значит, Бога с тобой нет. Тут слышу: крики в башне. А когда добрался до башни и увидел тебя, то и заревел от радости.

– Понятно. Я тоже обрадовался, когда тебя увидел. Слишком их много было на одного.

– Александр, у меня к тебе встречный вопрос: почему ты не крестишься, не молишься, не постишься, и вообще – не веришь в Бога?

Наступила глубокая тишина. Теодорику даже показалось, что Александр уснул. Но тот, наконец, ответил:

– Кроме Маши, моей сестры, и Тихона, моего двоюродного брата, теперь об этом знаешь только ты. Не дал мне бог веры. Я даже не представляю, как могут люди верить в то, чего нет и быть не может. Не верю я, будто в этом бездонном небе сидит какое-то существо, бог, которое только тем и озабочено, что суёт свой нос в людские дела. Вся религия – это только слова, написанные на бумаге или произнесённые людьми. Бог уже давно не является людям. Да и являлся ли когда-нибудь? Можно ли верить словам фанатиков? Каждый верующий мечтает об одном: увидеть чудо, ибо сомневается, не верит в душе своей и не понимает триединую сущность бога. Это же надо придумать: и отец, и сын, и дух – каждый сам по себе, но существо одно. Не бывает такого! И в Библии про это ничего не написано. Не могу я верить в то, чего не видел собственными глазами. Вся деятельность священ-

нослужителей имеет целью лишь одно: одурачивание верующих для укрепления их веры. Ведь без веры поток пожертвований иссякнет. Ну и мы, власть предержащие, всеми силами укрепляем веру, которая помогает нам сплачивать народ в одно целое, держать в повиновении массы. Для этого мы не замечаем ухищрений монахов: мироточение, исцеление и прочие трюки.

– Неужели, ты не боишься ада? И не признаёшь десять заповедей?

– Ада, в виде горящего огня, котлов с кипятком и прочими страстями нет и быть не может, ведь тела умерших сгнивают, а значит, боль умершие испытывать не могут. Да и в Библии говорится: «Прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который и дал его». Где там ад? Нет его. Ад есть только на земле. Посмотри на жизнь рабов. Это мы, феодориты, одни из немногих народов, которые не используют рабский труд. Весь Восток живёт за счёт рабского труда, а бессовестные торгаши – генуэзцы Каффы – одни из основных перекупщиков рабов. Земной ад закреплён в десятой заповеди божьей: «Не возжелай… раба ближнего своего!» И вообще, как можно верить в то, что нарушаешь каждый день? «Не убий!» Чем мы занимаемся ежедневно? Убиваем. «Не укради». Мы не крадём, мы «берём трофеи», а заодно насилуем. Именем бога совершаются самые страшные преступления на земле. Мерзко всё это. Бог, якобы, один. Но, почему-то, у каждого народа он свой. Татары и турки уби-

вают во имя Аллаха. Мы во имя Христа. Есть ещё Будда и множество других богов. Наверно, ради них тоже убивают.

– Но после смерти ты желаешь жить вечно и очутиться в раю?

– Нет ада, нет и рая, ибо нет тела, которое нужно кормить яствами, ублажать ласками. Ничего нет после смерти. А потом, что за компания в раю? Первый, кто оказался там от Христа – бандит и убийца, который в последнюю минуту поверил в божественную суть Христа. Таких бандитов там пруд пруди. Можно всю жизнь грабить, убивать, а в последний миг сказать «каюсь», и ты в раю. Удобно. Ещё там полно нищих духом, старых бабок, плачущих, кротких, потому что бог их сразу определил в рай, согласно девяти заповедям блаженства. Совсем неинтересная компания. Что там делать? Опять славить бога? Тоска! Не люблю ханжества и лицемерия. Я люблю Свободу. А ты Тео, спасайся, молись! Сколько людей ты убил? Ничего! Покаешься, и Бог простит. Будешь тысячи лет в раю любоваться на бога и бить ему поклоны. Без головы и мозгов не больно! Что надо богу? Чтобы его славили. Мне, человеку, сыну князя и то противно, когда передо мной унижаются. И убивать противно ради веры, ради Христа. Хуже всего, что скоро я привыкну, не буду замечать мерзости убийства, а начну испытывать только радость. Ты привык, и я привыкну. Но на религию в государстве не посягну. Не буду рубить сук, на котором сижу. Мне, представителю власти, христианство нравится, ибо сказано:

«Всякая власть от бога». Не будь этой фразы в Библии, не было бы и христианства. Мы, князья, его бы уничтожили как конкурента. Пусть люди верят. Единая вера сплачивает страну. Кстати, в том и слабость моей страны, что нет в Феодоро единой веры. Ещё сказано: «Не мир пришёл я принесть, но меч!». Эти слова спасли Христианство от внешних врагов. Не будь их, не было бы крестовых походов, не брал народ в руки мечи, боясь нарушить заповедь: «Не убий!», и не защищал свою страну. Так что я не против веры, но сам не верю.

– Ты святотатствуешь, княжич. Нехорошо это. И народ свой унижаешь, намекая, что религия для дураков и рабов. Уж не гордыня ли говорит твоими устами? Ведь это самый тяжкий грех, мать всех грехов.

– Я не боюсь грешить против бога. Но общечеловеческую мораль уважаю. Насчёт гордыни. Я не унижаю других людей, не называю их рабами, как бог христиан, а значит, моя гордыня – моё частное дело, и она не вредит миру. Религия – для тех, кому нужна опора, кого постигло горе, для сломленных духом. Сильные люди в ней не нуждаются. Верю я или нет, но свою страну и своего верующего друга я почитаю больше всего на свете.

– Как истинный православный.

– Нет, у православных совсем другие принципы. Я считаю всех феодоритов своими братьями, и готов жизнь свою положить за мою нацию, мой народ. Но для православных близкий – лишь брат во Христе. Пусть он хоть латинянин,

хоть турок. Для православных нет Родины, нет Феодоро, нет нации, нет даже отца и матери, а есть только их личное спасение. Причина падения Ромейской империи именно в христианском сознании, что прозвучало на площади у Собора Мудрости Божьей словами Луки Нотараса: "Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара!" Или: «не тронь нашу веру, и забирай нашу Родину, нашу свободу, нашу жизнь». Это называется словом «рабы».

– Твоя горячность и категоричность, твоё неверие в Бога погубят тебя, Александр.

– Если ты так веришь в бога, то почему бы тебе вместо доспехов не надеть на грудь икону Божьей матери? Или самого Иисуса? Ведь не наденешь! А значит, сомневаешься! То-то и оно! Поэтому, давай лучше спасть.

Прошло несколько минут, и тяжёлый сон навалился на Александра. Во сне он опять слышал стук мечей, предсмертные хрипы, опять вонзал свою саблю в чьё-то тело, а потом просыпался в ужасе, лежал с колотящимся сердцем и с отвращением к самому себе.

Три дня войско отдыхало. Большой отряд был отправлен к полю боя собирать оружие и хоронить убитых. Павших врагов насчитали 64 тысячи человек. Как скоро мунтяне оправятся от такого поражения?

Тут пришло известие о наступающих турках. Разведка донесла: 13 тысяч турок и 6 тысяч мунтян движутся на помощь

Радулу. Они шли налегке, без пушек.

Штефан выступил им навстречу. Его войско превосходило войско неприятеля.

Войска остановились напротив друг-друга. Моросил мелкий дождик. Пехота турок перешла в наступление. Били барабаны. Молдаване, вторя барабанам, стали бить мечами по щитам. Когда между войсками осталось менее 100 шагов, первые ряды войска Штефана отступили, и за ними открылись установленные на боевые позиции пушки, которые дали залп под малым углом чугунными ядрами, а органы – каменной шрапнелью.

Ядра скакали по земле и проделывали в рядах врага бреши из разорванных тел. Шрапнель калечила людей. Одновременно выпалили серпентины, и кулеврины. Не успел слабый ветер разогнать плотные клубы дыма, как лучники и арбалетчики выдвинулись вперёд, воткнули перед собой в землю щиты плакинеты и выпустили во врага тысячи стрел. Серое дождливое небо стало чёрным. Тихая смерть, посвистывая, обрушилась на турецко-валашское войско. Тяжёлые стрелы и арбалетные болты с гранёными наконечниками пробивали деревянные щиты, кольчуги, лёгкие, часто просто кожаные или даже холщёвые доспехи в виде кафтанов, набитых конским волосом или ватой. Сотни тел устлали землю.

Внезапно, лёгкая нерегулярная конница – акынджи турок, огибая собственную пехоту с флангов, рванулась в атаку. Молдавские лучники – аркаси и арбалетчики отошли на-

зад, пуская через головы своих пехотинцев – лефегов стрелы в атакующих турок. И хотя на излёте стрела не могла пробить даже лёгкий доспех, но многие из турок вовсе не имели никакой защиты.

Вперёд выдвинулись пикинёры из лефегов, алебардщики и крестьяне, вооружённые боевыми косами. Первые ряды неприятельской конницы наткнулись на длинные, упёртые в землю пики, а задние напирали, чтобы вскоре тоже пасть под чудовищной молотилкой, устроенной алебардщиками и косарями.

Потом во фланг наступающим туркам ударила конница – витязи и калараши под командованием дяди Штефана Великого – боярина Влайку.

Александр и Теодорик в составе конницы скакали рядом впереди своего отряда. Конная лава набирала скорость. Остановить её уже не могла никакая сила. Стрелы и сулицы врага бились о твёрдую сталь доспехов, и с визгом рикошетили в низкое дождевое небо. Только несколько мгновений понадобилось, чтобы сблизиться с неприятелем. Кавалерийское копьё Александра пронзило турка в кожаных доспехах и застряло в теле. Александр бросил его и выхватил саблю. Началась жестокая сеча. Перевес был на стороне конницы Штефана. Колесо смерти неуклонно катилось вперёд, пожирая войско врага.

Александр бил наотмашь, не очень обращая внимание на защиту. Лёгкие неприятельские сабли гнулись или ломались

при ударе об его доспех из лучшей германской стали. В княжиче росло чувство неуязвимости. Его утяжелённая на конце елменью длинная сабля рассекала врага легко, почти до пояса, даже через кожаный доспех.

Но в какой-то момент он ощутил дуновение смерти: пугающей молнией просияло немного позади лезвие алебарды, и Александр почувствовал, как замерло время, как распласталось оно и застыло, словно стрела на излёте. Удар нацелен в шею справа сзади. Выдержит ли гаржет? Рискнуть и не реагировать? Нет! Но правая рука Александра летела с рубящим ударом на очередную турецкую голову, и остановить её, вернуть назад для защиты, уже не было возможности. На левой руке, держащей поводья, треугольный маленький щит, развернуть который вправо и прикрыть шею сзади не хватит ни времени, ни длины руки. Наклониться? Алебарда изменит траекторию и догонит. Александр, как ему казалось, медленно, спокойно продумывал все варианты, но этот миг был короче, чем движение ока. И тогда Александр резко откинулся влево и назад под летящее лезвие, почти упал спиной на круп коня, опережая вражескую сталь всего на ширину клинка. В тот же миг в эту брешь проскользнула чья-то сабля, и сталь алебарды наткнулась на твёрдую сталь. Сноп белых звёздочек – искр осыпал шлем Александра.

Оттянув саблю, опущенную после удара, он снизу поразил нападавшего алебардщика в пах, потом выпрямился и крест-накрест, дважды рубанул мунтянина, будто мстя за

свою невнимательность и самоуверенность.

Теодорик опустил подставленную под удар алебарды саблю и кивнул княжичу головой в стальном шлеме. Александр прокричал «благодарю», но в грохоте сабельного боя Теодорик его, конечно, не услышал. Он рубил налево и направо, налево и направо, мерно, методично как косарь, делающий свою работу. С утра и до вечера. От рождения и до смерти. Просто выполняя некую миссию на Земле. Разве виноват он, что его миссией стало убийство себе подобных? Разве Тео так решил? Или это Бог?

Александра уже тошнило от густого смрада человеческих внутренностей, крови и мозгов. Он пресытился бойней. Трупы врагов не доставляли ему радости. «Кто эти бедные люди? Почему они идут на смерть ради чужого дела? Разве им не всё равно, кто сидит в Тырговиште: Бассараб или Радул? А мне не всё равно? Зачем я здесь?».

Александра опять окружили враги, и тогда его обученный конь совершил высокий прыжок, «каприоллу», во время которого сильно бил копытами, находясь ещё в воздухе. Под конём возникло свободное пространство, так как пешие мунтяне стремились убраться подальше от опасных ударов копыт. После "каприоллы" конь, приземлившись, молниеносно совершил на задних ногах полный разворот – пируэт – и, устремившись в образовавшуюся брешь, вырвался из окружения.

Остатки турецко-валашских войск бежали. Их преследовали конные отряды молдаван, но Александр и Теодорик отъехали в сторону, сняли боевые рукавицы, шлемы и, сойдя с коней, опустились на мокрые от дождя, гниющие листья. Сильный ветер бросал в разгорячённые лица пригоршни брызг.

– Спасибо тебе за помощь, – сказал Александр.

– Это мой долг, защищать тебя, княжич. Но в следующий раз будь внимателен. Всё древковое оружие: алебарду, топор, чекан, молот, булаву, косу нельзя пропускать через защиту. Их надо брать на щит, отбивать саблей или уклоняться, пуская удары вскользь по броне. Доспехи могут не спасти от оглушения.

– Я это понял. Вот только щит мне мешает, тем более, когда в нём торчит куча стрел. Возьму в левую руку дагу или булаву. А поводья брошу: буду управлять конём ногами.

– Пусть лучше куча стрел будет в твоём щите, чем в доспехе. И ещё я заметил: ты рубишь врагов серединой сабли. Клинок может застрять в кости, тогда ты останешься без оружия. Боевая часть рубящего оружия – на расстоянии длины пальца от конца.

– Спасибо, я помню, но в азарте боя забыл многое, чему ты меня учил.

Два дня войско Штефана стояло возле поля боя. Когда собрали оружие и похоронили убитых по православному обы-

чаю, Штефан велел казнить пленных, всего две тысячи триста человек, сажая их на кол крестообразно через пупок.

Александр не смог этого вынести. Он подошёл к воеводе и сказал:

– Господарь, если ты казнишь всех пленных, то ни один враг больше в плен тебе не сдастся. И турки и мунтяне будут сражаться до конца.

– Ты прав, но они будут бояться идти на меня, и станут прилагать все усилия, чтобы избежать встречи со мной, потому что такая встреча грозит им страшной смертью. Так всегда поступал Влад Дракула. А он знал что делает. Страх парализует врага перед боем. Тогда можно брать его голыми руками. Война – это взаимное уничтожение, безразлично какими средствами. Здесь не может быть места сентиментальности и жалости. Если ты пожалеешь врага, то он не пожалеет тебя. Пожалеешь женщин – они, как посев из зубов сказочного дракона, возродят вражеское племя, и враги тебя погубят. На войне приходится убивать и женщин и детей. Такова правда войны.

– Почему же ты не уничтожил семью Радула?

Штефан улыбнулся.

– Теперь он будет осторожен со мной. А, кроме того, есть ещё одно средство нейтрализовать женщину – сделать ей ребёнка. Ведь у женщины нет собственных убеждений. Для женщины и вера, и родина и политика – это её семья, её мужчина, и ей безразлично, какого он рода, племени, веры или

цвета. Пусть он будет даже преступник, вор и убийца, она всегда обелит его в своих мыслях.

– Ну, здесь я с тобой не согласен, – возразил Александр.

– Да, бывают женщины другого рода. Но даже не в каждой стране найдётся своя Орлеанская Дева.

Войско вернулось в Сучаву с огромной добычей. Владыка с архидиаконами отслужили благодарственную службу за победу. Два дня непрерывно звонили колокола. Народ гулял в праздничных одеждах, как будто уже наступило Рождество.

Штефан поставил господарём над Валахией воеводу Басараба, но 20 декабря воевода Радул с 17 тысячами турок и 12 тысячами мунтян напал на Басараба, и тот бежал к Штефану. Его преследовали турки до самого Берлада, попутно разоряя страну.

Несмотря на зиму и холод, Штефан опять собрал войско. За 14 дней он выжег всю Валахию, вернулся в Сучаву и повесил перед замком 700 человек.

Этого оказалось достаточно для Александра. С великим негодованием смотрел княжич на тела казнённых, и поклялся себе, что больше не будет участвовать в войне с мунтянами, не будет убивать ради чьих-то интересов, пусть даже это интересы союзников. Он заперся у себя в покоях и никого не хотел видеть. По ночам его мучили кровавые кошмары. Смыть с себя кровь он не мог. Если бы он был верующим, то

покаялся бы, и на душе, возможно, стало легче. Душа атеиста не может не страдать.

Минул год. Штефан вновь собирался на войну. Теперь с изменником Басарабом.

Александр сказал Тео:

– С меня довольно. Мои руки по локоть в крови. Я устал от войны. Не могу уже спать. Смерть каждую ночь стоит у моего изголовья. Еду путешествовать по Европе. Ты со мной?

– Мы и здесь неплохо живём. Вволю спим, обильно едим, знакомимся с приятными кисками, иногда, себе в удовольствие, воюем. Чего ещё желать?

– Вот, вот! У тебя потребности как у кота. Пожрать, поспать, помяукать и подраться. И с кисками знакомишься ты, но не я. Если не желаешь, я еду один.

– А куда едем-то?

– В старейшем на земле Банке Венеция, которому год назад исполнилось триста лет, есть некоторая сумма на моём счету. Отец оставил. Бумаги при мне. Туда мы и съездим в первую очередь. Потом посмотрим. Здесь оставаться и участвовать в этой бессмысленной братоубийственной войне я не собираюсь.

Тео пристально посмотрел на Александра, и княжич на миг почувствовал себя неуютно. Он понял: друг угадал в нём первопричину сжигающего его беспокойства. Этой первопричиной была София. Именно из-за Софии многолетнее

сидение в Сучаве стало для Александра невыносимым: оно лишь усугубляло его тоску, не принося душе покоя.

Прослышав о намерениях шурина отправиться в путешествие, Штефан подарил ему недавно появившееся изобретение – карету на ременных рессорах, украшенную фамильным гербом Гаврасов: львом с обнаженной саблей в лапе и короной на голове. У герба девиз: Et consilio et robore –«Советом и мужеством». Кроме того, каждому из друзей Штефан подарил новомодное оружие для ношения в городе: испанские шпаги из Толедо с обильно инкрустированными гардами. «Не будете же вы ходить по улицам Венеции с тяжёлым мечом или кистенём?»– сказал Господарь.

Теодорик взял в руки шпагу, и стал одним пальцем гнуть её, ожидая, что она вот-вот сломается. Но шпага согнулась в кольцо и не сломалась. Он потрогал лезвие, покачал головой и выразил своё мнение:

– Занятная вещица. Кажется, она мне подойдёт… в качестве зубочистки. В Венеции, я слышал, на праздниках иностранцам запрещено ходить с оружием.

Штефан предложил молодым людям отряд сопровождения, но те наотрез отказались. Взяли с собой только кучера и слугу, знающего несколько языков, и неплохо владеющего мечом.

В конце зимы карета, запряжённая двумя лошадьми с двумя боевыми молдавскими конями на поводу, выехала из во-

рот Сучавы и направилась к западной границе.

Глава 4. Королева Адриатики

Венеция была прекрасна. Друзья гуляли по узким извилистым улицам, большим и малым площадям, любовались трёхэтажным Золотым дворцом Ка'д 'Оро – смесью готики и Востока, катались на гондолах по Большому каналу – Каналаццо, по каналу Святого Марка мимо дворца Дожей – правителей Венеции и по множеству мелких каналов, названия которых знали только местные жители.

Они часами бродили по пьяццо Сан Марко, разглядывая украденные в Константинополе древние позолоченные статуи летящих коней Лисиппа, удивительные мозаики работы греческих мастеров и современных художников при входе в грандиозный собор Сан Марко, разглядывали камень pietra del banolo с законами Венеции.

Последний закон, написанный в 1460 году, гласил: «жёнам быть любезными с мужьями, хорошо есть, чтобы приобрести пышные формы, распаляющие мужское сладострастие».

Хороший закон. Друзьям он понравился.

Потом они пили свежую дождевую воду из pilele на площадях, ели рис, чёрный от чернил каракатицы, осматривали колонны из розового мрамора с крылатым львом Святого Марка и святым Теодоро, покровителем Венеции на пьяцетто – небольшой площади перед площадью – пьяццо Сан

Марко.

Александр прошёл между колоннами, разгоняя сизых голубей. Пожилая женщина покачала головой и сказала: «Плохая примета для тебя, господин. Не следовало проходить между колоннами».

Княжич вздрогнул от неожиданности: женщина произнесла эти слова по-гречески. Но потом он отмахнулся и постарался забыть ещё одно из тысяч пророчеств, которые изрекали странные женщины на всех углах в любом европейском городе. Мало им предстоящего конца света, так надо ещё и каждому человеку беду напророчить, настроение испортить.

– Ты видел город прекраснее Венеции? – спросил Александр у Тео.

– Конечно, видел: это Феодоро.

– Да, наш город прекраснее. Хотя, ему не хватает моря. Слишком оно далеко. А кроме Феодоро?

– Ты прав, Александр. Столько проституток в одном месте я не видел никогда. И столько свиней на улицах. Конечно, когда люди выливают все помои на головы прохожим, а эти помои потом никто никогда не убирает, то свиньям здесь только и жить. У нас за такие дела можно разориться на одних только штрафах. И ещё, я нигде, кроме как в Венеции, не видел умирающих от голода людей, трупы которых бросают прямо в каналы. Ты знаешь, почему жители Венеции голодают?

– Наверно, потому что в Венеции слишком дорого выращивать еду, а чтобы купить её, нужна работа, которая есть далеко не у каждого. Но ты, как всегда, видишь одно плохое. Разве это не чудесно: город на воде, струящиеся, сверкающие на солнце улицы – реки, дворцы, вырастающие прямо из морских волн?

– Тем более, когда в этих волнах плавает столько мусора, дохлых крыс, а порой даже трупы людей.

– Ну, ты брюзга! Смотри на прекрасное. Вода в каналах чистая, её очищают постоянные приливы и отливы. По утрам она даже пахнет арбузами. В ней полно живности: рыбы, крабов. А крабы в грязной воде не водятся. Хоть и грязно на улицах, но все внутренние углы домов заложены кирпичами, чтобы никто не смог сходить в туалет в неположенном месте. Ни в одном городе ты не видел столько чудесных мозаик, шедевров архитектуры и скульптуры. Ты никогда не видел, чтобы люди так заботились о чистоте своего тела. Такого количества бань нет ни в одной стране мира. Говорят, венецианки моются каждый день. Нигде в Европе женщины не пахнут столь приятно, как в Венеции.

– Тебе, княжич уже удалось обнюхать всех женщин Европы? Здесь при каждой бане куча дешёвых проституток. А всё самое прекрасное украдено у Византии.

– Можешь ты, наконец, быть оптимистом? Не украдено, а спасено от уничтожения турками.

Сначала друзья остановились у постоянного посла Молдовы в Венеции, но потом Александр съездил в Банк Венеции и привёз оттуда с помощью слуги Василе – Василия целый мешок венецианских золотых монет со львом – dukati.

После такого успеха друзья подыскали себе отдельный домик с комнатами для слуг, с кухней, небольшим внутренним двориком и стойлом, куда можно было поставить лошадей и карету, не очень-то и нужную на островах.

Домик имел два входа: сухопутный, через который во двор загнали карету с лошадьми, и морской: крыльцо со ступенями, уходящими под воду. Возле крыльца из дна торчало окрашенное в синий цвет с красным навершием бревно, к которому была привязана гондола.

Гондольер и домашняя прислуга входили в контракт. Теперь, проплывая в гондоле по узким каналам, они могли видеть, как венецианки в компании домочадцев подставляют свои плечи под весенние лучи венецианского солнца.

Днём на улицах, кроме проституток, приличных женщин почти не было видно. Впрочем, отличить приличную женщину от неприличной удавалось не всегда: большинство прохожих носили маски. На некоторых – целые маскарадные костюмы.

После дня святого Штефана начался карнавал. Плотные толпы делили улицы на два встречных потока. Играла музыка почти на каждой пьяццо. Бродячие артисты показывали фокусы и смешили толпу.

Скоро заказанные маскарадные костюмы были готовы, и друзья впервые вышли из дома в чудном наряде, ощутили полную свободу среди плотной толпы. Вот только обувь на высокой платформе, позволяющая бродить по отбросам, не пачкая ног, показалась Александру крайне неудобной и неустойчивой.

Текли мимо, словно реки в половодье, странные бесконечные маски, тонкие и толстые фигуры с разукрашенными лицами. Некоторые заглядывали в глаза, нервно смеялись или просто хихикали, и только по голосу, искажённому маской, можно было надеяться отличить, мужчина перед тобой или женщина.

Таких чудных животных ещё не рождалось на Земле. Или это уже другая Земля, с другими существами, придуманными безумцами в нереальном сне? Может это цветочное поле? И все люди вокруг превратились в волшебные цветы, на которые садятся пчёлы и мотыльки? Только нет нигде людей. Они исчезли, как исчезают ночные бабочки с первыми лучами солнца. Во всей Вселенной не было больше людей. Лишь цветы, насекомые, животные, птицы и сказочные существа.

Александр ощутил, как его захватила эротическая волна вседозволенности. Каждая маска была готова любить, и не имело значения, мужчина перед тобой или женщина. Его хватали за руки, прижимались к нему, и даже проверяли рукой, что у него между ног. Обижаться и хвататься за кинжал

не имело смысла. Можно было только разделить всеобщее сумасшествие, бездумно плыть по реке разврата и похоти. Единственное, что раздражало Александра, это глупые шутки, самой безобидной из которых был щипок за попу.

Махнул рукой и исчез в мутном омуте Тео, увлекаемый белоснежной принцессой в сверкающем звёздами наряде и бумажном венце. Василий крутил головой в маске святого отца, и огромный деревянный крест на его плотной шее болтался вслед за головой: налево, направо, опять налево, направо.

Чтобы не потеряться, он держался за край рукава Александра – демона в чёрном плаще.

Рядом в том же направлении шли две птицы в серебряном и золотом оперениях, и, вдруг, серебряная птица в маске, с закрытой вуалью нижней частью лица явно нарочно подставила ногу Александру. Княжич споткнулся и рухнул на грязную мостовую. Василий пытался удержать княжича за рукав, но сам поскользнулся и рухнул на него сверху.

Повальный хохот заглушил карнавальные звуки. Смеялась вся улица. Уж очень нелепо барахтались в грязи святой отец и чёрт. Над ними держались за животы и хохотали два субъекта в птичьих одеждах.

Наконец, Александр вскочил, и в ярости схватился за рукоять спрятанного под одеждами кинжала. Толпа странных существ замерла. Замер лев, дружелюбно положивший лапу на узкие плечи козы. Замер павлин, прислонившийся к кри-

вобокой цесарке.

Птица в золотом оперении откинула перья, и рука её скользнула к поясу, где, вероятно, находилось оружие. Под золотыми перьями блестели покрытые золотом пластины чешуйчатого, как кожа дракона, доспеха. Незнакомец был ниже Александра, но с мощным торсом настоящего бойца. Привычная ярость черкесских предков кровавой пеной застилала глаза Александра.

Тогда Василий твёрдо взял княжича за локоть и сказал по-гречески:

– Не надо. Мы не знаем законов Венеции. Обнажить оружие на празднике посреди чужого города среди сотен свидетелей – не самое разумное решение.

Александр скрипнул зубами и отступил:

– Я найду тебя, тупая ободранная курица, – прошипел он по-итальянски незнакомцу, одетому в серебряные одежды.

– Можешь не стараться: за твоё оскорбление мы сами тебя найдём, – донёсся глухой голос из-под маски золотой птицы.

И опять закружилось, завертелось многоликое чудище – карнавал. Рябило в глазах от ярких разноцветных платьев простолюдинок.

Постепенно злость прошла. Александр помыл руки водой из фонтана, и Василий помог ему привести в порядок одежду. Они выпили немного вина со сладостями с передвижного лотка в тени кампанилы – колокольни Святого Марка.

– Василий, ты женат?

– Нет, княжич. Вся семья погибла во время недавнего землетрясения.

– Тогда не стесняйся. Если кто приглянется тебе, можешь смело бросать меня хоть на целый день. Вот возьми dukati.

– За деньги спасибо. Но ты очень горяч, княжич, и без меня легко можешь нарваться на неприятности.

– Я всё равно на них нарвусь, с тобой или без тебя. Неприятности меня любят. Да и мне без них скучновато.

Прошло несколько дней. Тео увлёкся бумажной принцессой, и теперь Александр всё больше времени проводил в обществе Василия. Зарядили дожди. Что может быть тоскливее в городе, стоящем на воде, чем вода, льющаяся с неба? Каналы соединились с небесами, растворились в них и расплескались среди серых туч. Потом они падали сверху, проникали за шиворот, образуя тысячи новых микроканалов и макрорек. Даже кожаный плащ быстро тяжелел и начинал вонять плесенью. Вяло текущий карнавал превратился для многих скорее в обязанность, чем в праздник. Тоска была кромешная. Только Василий оставался весел и беззаботен: живой, чернявый, разговорчивый. Как грек, но не грек. Наверно, как молдаванин.

– Княжич, тебе женщина нужна? Я сейчас быстренько сбегаю и приведу.

– Не нужна. Лучше быстренько сбегай и принеси вина.

– Сопьёшься, княжич.

– Сопьюсь. Если у меня не будет дела, точно сопьюсь. Лучше уж воевать, чем с утра до вечера слоняться по этому городу-утопленнику среди болот. Если нобиле перестанут воевать, то они выродятся. Человек без дела тупеет и спивается.

– Найди себе красотку, княжич. Бери пример с Теодорика. Ему совсем не скучно.

– Тео – старый распутник и ловелас. А мне моя невидимая корона не позволяет окунуться во все тяжкие. Если и наследник престола, хоть и отстранённый от власти, станет распутником, то куда покатится мир?

– Целомудрие может повредить твоему здоровью, – не успокаивался Василий.

– Глядя на целомудренные лица служителей церкви, и рыцарей воинства Христова, я не вижу никаких признаков ущерба для их здоровья. Совсем наоборот. Они готовы треснуть от его переизбытка. Неси вина, лентяй!

Вошёл слуга:

– Тебе письмо, граф.

Александр развернул письмо. Оно было написано по-латыни. В письме содержалось приглашение ему и Теодорику на бал маскарад. Внизу стояла подпись неизвестного княжичу вельможи Барди. «Посол Молдовы постарался» подумал Александр.

На следующий день ближе к вечеру Александр и Теодорик

приплыли в гондоле к вилле на острове Лидо.

Вилла была украшена мраморными резными колоннами и богатой лепниной на фасаде. За виллой располагался обширный сад. Ещё не стемнело, но уже тысячи свечей горели в танцевальном зале, отделанном сусальным золотом и украшенным дорогими картинами.

Александр и Тео назвали свои имена, после чего их представили как графа Монго и барона Вельца знатному вельможе, хозяину виллы Джованни Барди.

Ему не было ещё и тридцати пяти. Он повернулся к двум стоявшим рядом женщинам и представил им Александра и Тео. Одна из женщин была его матерью, Гитой Барди. Её лицо изуродовала страшная болезнь. С ней рядом стояла необыкновенно красивая женщина с умными проницательными глазами, похожими на коричневые цветы.

– Анна Нотарас, – представилась она, и тепло улыбнулась Александру. – Мне приятно познакомиться с сыном князя Олубея. Я очень уважала твоего деда, князя Алексея, и твоего отца. Великие князья, наследники славы Византии!

– Спасибо тебе, Анна, на добром слове. Я тоже знаю твою фамилию. Мегадукс Лукаш Нотарас – был одним из виднейших архонтов Константинополя.

– К сожалению, мой отец погиб вместе со славным городом.

– Да, я это тоже знаю. Как тебе удалось спастись?

– По распоряжению базилевса Константина, нас, семьи

высших архонтов империи, вывезли на судне в самый последний срок. Уже двадцать лет я живу в Венеции и просто мечтаю поговорить с кем-нибудь на родном греческом языке. Тебя можно будет пригласить в мой дом, Александр?

– Сочту за честь, и буду просто счастлив, улыбнулся Александр, низко поклонившись Анне.

– Но не забудь, что сегодня ты мой гость и должен уделить несколько минут хозяевам бала, – добавила госпожа Гита, улыбаясь красивыми умными глазами на неподвижном и страшном лице.

– Господа уже помолились мощам святого Николая чудотворца? – спросил у Александра и Тео её сын Барди.

– Разве мощи святого находятся не в итальянском Барии, а в Венеции? – спросил Теодорик?

– Действительно, в Барии находится большая часть мощей святого, но и здесь, на острове Лидо хранится часть мощей, – сказал Джованни Барди.

К ним подошёл дож Венеции Пиетро Мочениго. Он поинтересовался у Александра делами в графстве Теодорезо, а когда узнал, что тот прибыл из Молдовы, то долго расспрашивал о конфликте Штефана и Радула. Александр не слишком откровенничал, боясь разболтать какую-нибудь тайну Штефана, и скоро их с Тео, наконец, оставили в покое.

Играла музыка. Одни маски приглашали на танец других. Наверно, сверху Богу было приятно смотреть на чудесные

узоры, которые образовывали танцующие в зале. Александр и Тео стояли у стены. Вереницы ещё более диковинных животных и существ, чем это было в городе, текли мимо. Такого великолепия одежд и масок Александру ещё не доводилось видеть.

Внезапно, к Александру подошла серая маска утопленника и что-то прошептала ему на ухо.

– Пошли, нас ждут, – сказал Александр Теодорику, и зашагал к стоянке гондол.

Друзья взяли у Василия сабли и углубились в небольшую рощу рядом с усадьбой.

На поляне стояли две фигуры. Чёрные одежды, чёрные маски, чёрные бархатные плащи с серебряной вышивкой. Вечерние сумерки надвигались быстро, делая почти невидимыми двух одетых в чёрное незнакомцев.

– Что вам угодно, господа? – спросил Тео.

– Нам нужен вот этот господин, – сказала одна из масок, и бесцеремонно ткнула пальцем в Александра. – Он неприлично отозвался об одном из нас, и теперь должен смыть оскорбление кровью.

– И кто же из вас та тупая ободранная курица, которая даже не извинилась за свой подлый поступок? – спросил Александр.

Молчавшая до этого маска вышла вперёд, откинула плащ, резко со звоном обнажила меч.

Александр вырвал саблю из-под плаща, и первым нанёс

колющий удар. Смертоносная сталь летела к горлу врага. Но короткий быстрый меч легко отразил атаку. Александр мгновенно развернул саблю и ударил рубящим ударом слева. Отбит. Справа. Отбит. Снизу. Опять отбит. Укол в грудь. Противник ушёл. Укол в пах. Удар отбит и впервые короткий меч, очертив сияющий круг, нанёс резкий удар, нацеленный в грудь. Александр успел отразить его, и почувствовал, что хоть и скор противник, но физической силы ему явно недостаёт. И тогда Александр стал наносить сильные удары, не особо надеясь, что они проникнут через защиту. Но когда на пути сабли неизменно возникал короткий меч, то Александр задерживал саблю, не торопясь оттянуть её назад, и с силой давил на противника, вынуждая его отступать. Опять бил, и опять давил, пока не почувствовал, что всё, противник измотан силовым напором, его рука наверняка стала ватной, и тогда Александр резко и мощно после ложного удара слева крутанул саблю по солнцу и нанёс справа рубящий удар в левую ключицу над сердцем. Казалось, противник не успеет отразить удар, и всё кончено. Но вдруг, левой рукой противник выхватил из-за пояса кинжал, и опять с треском и искрами сталь встретилась со сталью. Александр замер, остолбенел поражённый: на руке неприятеля, сжимавшей рукоять кинжала, алой звездой горел знакомый перстень с рубином.

– София!!!

Чёрная маска сделала два шага назад, убрала оружие. Но вперёд выступила другая чёрная маска.

– Сударь, ты оскорбил даму. Этот факт можно смыть только кровью. Защищайся!

Александр поднял саблю, но движения его были замедленными: шок от неожиданной встречи не позволял ему сосредоточиться. Пропала ярость. Ушёл азарт. А новый противник был ещё более быстр и чрезвычайно силён. Александр защищался, отражая всё новые и новые хитроумные удары. Но меч всё быстрее и быстрее мелькал в вечерних сумерках. Порой он был так стремителен, что становился невидим, и только по движению тела врага Александр мог догадаться, куда будет нанесён следующий удар. В какой-то момент Александр понял, что противник сильнее, быстрее и искуснее его. Тогда он осознал, что выхода у него нет. Впереди только смерть. Смерть на глазах той, которую полюбил по одному только прикосновению, по одному сиянию глаз. Любовь и смерть. Они всегда рядом.

Но Александр сражался. Стиснув зубы, явно не успевая за разящими ударами и недоумевая, почему он ещё жив.

Видя, как гибнет княжич, обнажил саблю Теодорик и рванулся на помощь Александру.

– Нет!!! – заорал Александр, и своей саблей отбил саблю Теодорика, вставшего рядом. – Уйди, или станешь моим врагом!

В ужасе отпрянул Тео, а потом слёзы отчаяния потекли у него из глаз, и сквозь слёзы он с трудом мог видеть, как погибает его лучший друг.

Разящий меч превратился в блистающий вихрь и словно прощальный салют над телом уже неживого Александра ещё сыпались короткие красные искры из его безнадёжно поднятой сабли. Последний удар. Он неотразим. Рука с саблей Александра отброшена вправо, а удар уже летит слева и нацелен в горло. Остановилось время. Наверно, так задумано. Чтобы человек смог попрощаться с жизнью. Вспомнить всё, и ещё раз пережить грехи и падения. Коротка была жизнь. Мало Александр успел увидеть. О многом мечтал, но ещё ничего не сбылось. Настоящая любовь, казалось, только мелькнула в отдалении, как слабая, но прекрасная надежда. «София, последняя моя мысль будет о тебе. Прощай! Прощай, любимая!!!».

Александр чувствовал, как меч вспарывает кожу, как углубляется в плоть… и вдруг…, лезвие остановилось, словно в нерешительности, а потом медленно вышло из раны. «Он убит? София!».

Александр упал на колени, выронил саблю, и стоял так, совершенно раздавленный, более мёртвый, чем самый холодный мертвец.

– Оскорбление смыто кровью, – произнёс незнакомец, и вместе с Софией исчез в сгущающейся тьме.

Тео подхватил под руки княжича, зажал рану рукой, потом быстро повёл Александра к гондоле.

Наконец, они дома, если эти чужие стены можно было на-

звать домом. Тео осмотрел рану. Кровь перестала течь, и, как он смог убедиться, рана была неглубокой и неопасной. Промыл рану вином, наскрёб по углам дома паутину, приложил к ране, а сверху повязал чистую повязку.

– Ничего страшного, заживёт.

Александр не издал ни звука, только глядел в потолок пустыми глазами.

Пришёл итальянский лекарь. Осмотрел рану и подтвердил слова Тео:

– Рана неопасная. Если не возникнет горячки, то всё быстро заживёт.

Порекомендовал териак. На вопрос Теодорика, он рассказал, что это прославленное универсальное венецианское лекарство. Его готовят в присутствии многочисленных свидетелей из 70 различных компонентов, потом настаивают полгода и применяют от всех болезней и ран.

Лекарь ушёл. Тео позвал Василия:

– Ты лекаря вызывал?

– Нет.

– А кто вызывал?

Василий пожал плечами.

– Ладно, – сказал Тео, – Никакого териака нам не надо. Не верю я этим венецианским лекарям. А раны лечить любой воин и без лекаря умеет. Вот если ампутация или надо вынуть из тела стрелу, тогда тоже не лекаря, а хирурга необходимо звать. Хирурги – они не чета лекарям, своё дело знают.

Правда, большинство пациентов всё равно умирают. Но на всё воля Божья.

Медленно и скучно, словно воды каналов, текли дни в Венеции. Дожди не прекращались. Незаметно прошла Пасха – Светлое Христово Воскресение. Солнце и не подумало выглянуть. Наверное, здесь на Западе всё не так, как на Родине. Даже Пасха не столь великий праздник. Рана Александра давно зажила, но он не вставал с постели и почти ничего не ел. Осунулся, побледнел, и с утра до вечера бездумно глядел в потолок.

Наконец, его хандра надоела Тео, и он взялся за дело:

– Ты что, из-за глупой девчонки голодом себя собираешься уморить? Таких вертихвосток по Европам пруд пруди.

– Я её люблю.

– Какой смысл терять голову из-за первой попавшейся девчонки? Забудь! Тебе нет и двадцати трёх лет. Жизнь только начинается. Когда тебе будет сорок, и кровь ещё не перестанет бурлить в твоих жилах, как у боевого коня, то обратишь внимание, сколько юных прелестных лошадок щиплют травку на соседней лужайке. А твоей Софии будет уже под сорок. Ужас!

– Это ты не понимаешь: нет смысла говорить о том, что, возможно, для меня никогда не наступит. Сейчас мы оба молоды, и пришло наше время любить.

– Александр, ты её даже никогда не видел, никогда с ней

не говорил. Вся твоя любовь – это юношеская фантазия. Можно придумать себе свою принцессу и полюбить её всем сердцем. Но в жизни София – реальный человек, совсем не обязательно похожий на твои фантазии, и не факт, что вы сможете даже просто разговаривать друг с другом.

– Это не имеет значения. Любят душой и телом, но не разумом. Пусть она будет хоть глухонемой, пусть мы ни по одному вопросу не сможем найти взаимопонимания. Всё равно моё тело будет стремиться к её телу, моя душа будет трепетать рядом с её душой.

– Прости, княжич, но мне кажется, тебе надо познакомиться с серьёзной умной женщиной, чтобы она научила тебя не тыкаться в первую попавшуюся сиську и не мычать при этом «мама!».

– Меня не сиськи в Софии привлекают. Я почувствовал, что мы предназначены друг для друга.

– Ладно, о чём мы спорим? Как я понял из нашей с ней не совсем приятной встречи, она принадлежит другому, и неплохо проводит с ним время в Венеции. Что ты с этим будешь делать?

– Я его ненавижу, а поэтому разыщу и убью.

– И София, конечно, сразу влюбится в убийцу своего любимого? О ней ты подумал? Сомнительно, что после этого она вообще захочет с тобой разговаривать. Силой её, дочь хоть и пленного, но могучего воеводы, не возьмёшь. Она не простолюдинка. Да и спутник её мне показался очень

благородным господином, который не воспользовался твоей неопытностью и сохранил тебе жизнь. Но если хочешь отомстить за своё поражение, то у тебя просто нет времени валяться в постели. Чтобы победить его, тебе надо тренироваться с утра до вечера с лучшими фейхтмейстерами Европы. Такого блестящего владения мечом, которое продемонстрировал твой противник, я ещё не видел ни разу в жизни. Боюсь, моего мастерства не хватит, чтобы подготовить тебя к встрече с ним. Он слишком быстр и силён. Его реакции мгновенны. Сомневаюсь, что его вообще можно победить. Даже мне.

– Я должен это сделать, иначе позор унижения перед глазами той, которую люблю, будет преследовать меня всю жизнь.

– Тогда вставай, иначе тебе придётся побеждать его лишь в своих снах.

– Ты умеешь убеждать. Больше я валяться в постели не буду. Ищи мне фейхтмейстеров. А Софию постараюсь изгнать из своего сердца.

На следующий день Тео принёс Александру рукописные копии книг – «Учебник по фехтованию» Отто и Лихтенауэра, написанную в 1389 году, и «Готские кодексы» знаменитого фехтовальщика Ганса Талхоффера 1467 года. Для себя он купил книгу "Юноша", которую Жан де Бюэй, "лев границ", написал в возрасте шестидесяти лет, чтобы поды-

тожить свой немалый боевой опыт. Александр с интересом взял книги в руки, а через несколько дней из тренировочного зала с утра до вечера стали доноситься стуки тренировочных затупленных мечей и жалобные вопли Василия, на котором Александр отрабатывал приёмы боя.

После каждой тренировки Василий, кряхтя и жалобно скуля, выползал из тренировочного зала, во весь голос кляня тот день, когда согласился быть слугой такого неуёмного господина.

Александр, разрумяненный, снимал с себя специально для этой цели купленный тренировочный доспех, пил воду, и опять с жадностью впивался в страницы учебников.

– Не стони, Василий. За твои синяки тебе недурно платят. Зато, теперь княжич при деле. Не валяется с утра до вечера в постели, и не ноет о своей разбитой любви,– попытался как-то утешить Василия Тео.

– Княжич во время тренировки так входит в раж, что я боюсь получить серьёзное увечье, и тогда никакими деньгами потерю здоровья не компенсируешь.

– Ты прав. Я сейчас переговорю с Александром, – сказал Тео, и подошёл к Александру.

– Княжич, может, тебе купить раба?

– Зачем мне раб? У меня есть Василий. Традиция нашей семьи – не иметь рабов.

– Но ведь Василий свободный человек, и совсем не обязан терпеть каждый день побои от твоего меча.

– Когда я был твоим оруженосцем, ты не жалел меня: избивал на тренировках и мечом и кулаками, и просто ногами. А Василий притворяется, что ему больно. Он просто плут и хочет побольше вытянуть из меня дукатов.

– Пусть так, но ты, всё же, будь с ним осторожнее, не порань его. Я за все годы твоей у меня службы не сломал тебе ни единой косточки.

– Но уж синяков и шишек наставил мне тысячи. Ладно, постараюсь сдерживать свою черкесскую половину. А ты поторопись с тренером по фехтованию, тогда и Василий останется цел.

Через неделю, когда дожди, наконец, закончились, и над черепичными крышами Риальто поднялось весеннее солнце, прибыл посланник, который принёс приглашение княжичу Александру от Анны Нотарас.

На следующий день ближе к вечеру Александр, в чёрном бархатном пурпуэне, украшенном серебряным шитьём, с тёмно-красным воротником, в высоких ботинках со скруглёнными носами по моде Венеции, обтягивающих шоссах тёмно красного цвета и маленькой чёрной бархатной шапочке, сел в гондолу.

Гондольер опустил весло в воду, и покрытая чёрным лаком гондола заскользила по узким каналам под высокими арочными мостками, и, наконец, выплыла в Большой канал, смешалась с сотнями других гондол, лодок и маленьких су-

дов.

Свежий ветер с Адриатики, минуя низкие отмели Лидо, трепал тёмные кудри гондольера и доносил опьяняющий запах моря.

Дом Анны Нотарас выходил своим фасадом на Большой канал. Через открытые узкие ворота, украшенные кованой позолоченной решёткой, гондола вплыла внутрь дома и причалила к гранитным ступеням внутреннего дворика, посреди которого находился колодец с резными мраморными барельефами.

Хозяйка дома встречала гостя в плиссированном платье из бархата и парчи, украшенном кружевами punta in aria – дырками в воздухе – творением мастериц с венецианского острова Бурано, с «саксонским» воротником и со шнуровкой, под которой видна была рубашка набивного ситца с индийским узором.

Она стояла среди колонн из итальянского мрамора возле конной статуи воина в доспехах. Потемневшая бронза памятника подчёркивала мужественность и мощь сидящего на коне мужа с опущенным копьём в руке. Лицо всадника показалось Александру знакомым.

– Здравствуй, Анна. Ты встречаешь меня вместе со своим отцом?

– Здравствуй, Александр. Как ты догадался? Это действительно мой отец. Его изваял Донателло по картине, изобра-

жавшей отца при жизни.

– Твоё лицо очень похоже на лицо статуи. Насколько я знаю, Донателло – величайший скульптор, работающий во Флоренции и Падуе. Он заново открыл законы античной скульптуры – хиазм – постановка фигуры так, чтобы она опиралась на одну ногу, один из первых добивался перспективы в своих творениях. Я собираюсь съездить во Флоренцию, чтобы посмотреть его знаменитую скульптуру Давида – первое обнажённое мужское тело современности после античного периода. Впрочем, Флоренция богата сокровищами искусства. Хотя бы, архитектура Филлипо Брунеллески, картины Мазаччо, Уччёлло.

– Донателло – Донато ди Николло ди Бетто Барди умер пять лет назад. Он посвятил свою жизнь возрождению античной скульптуры. По его полному имени ясно, что он приходится родственником моему хорошему другу Джованни Барди, в гостях у которого мы с тобой познакомились. Кстати, в Падую теперь можешь не ездить: памятник кондотьеру Гаттамелате, работы Донателло, очень похож на конную статую моего отца. По крайней мере, конь один и тот же, да и фигуры всадников почти идентичны. Я заказала статую сразу после падения Константинополя и гибели отца.

– А как же отделанный Донателло собор святого Антония в Падуе с бронзовым распятием Христа и самым большим Алтарём: бронзовая Мария с младенцем, шесть святых, рельефы положения во гроб? А ещё творения великого Джот-

то? Разве можно пропустить в жизни такой шанс?

– Ты хорошо подготовился к путешествию в Италию. Или искусство – товоё увлечение?

– К сожалению, я очень мало видел, и мои знания основаны на картинках – репродукциях, которых много в княжеском дворце Феодоро. Только мечтаю посмотреть весь мир. Княжество Феодоро расположено на отшибе Европы, и мы, феодориты, знакомы лишь с искусством Византии. В конце прошлого века замечательный художник Феофан расписал несколько наших храмов. До этого, как я знаю, он работал в Константинополе и Галате, где расписал более четырёх десятков храмов. Потом жил в Каффе, работал в Феодоро, а уже от нас уехал в Москву, где получил прозвище Феофан Грек. Там он трудился над убранством Успенского и Благовещенского соборов Московского Кремля вместе с русским художником Николаем Рублёвым. Его роспись – самое замечательное произведение искусства, которое украшает нашу страну. Но я не могу сказать, что искусство – моё увлечение. Я увлекаюсь сразу всем: искусством боя, архитектурой, лошадьми, оружием. Кстати, поэтому мечтаю попасть в Милан, чтобы посмотреть и, возможно, заказать мастеру знаменитый миланский доспех. А ещё мне нравятся красивые женщины. Такие как Вы.

– Это просто лесть, уважаемый граф. Кстати, здесь прохладно, поднимемся в дом, – предложила Анна.

По узкой мраморной лестнице они поднялись на верхний

этаж и вошли в одну из комнат. На стенах висели картины итальянских художников. Александр узнал Якопо Беллини, его сыновей Джентиле и Джованни, потому что уже встречал их картины: бесконечные мадонны с младенцами.

Широкие окна впускали много света. Везде росли фиалки в мраморных вазонах. Было тепло и уютно. Мебели мало: несколько кресел и стол из Болоньи с точёными ножками, украшенный позолоченными шляпками гвоздей. Вдоль стены стояла скамья – ларь, обрамлённый пилястрами, затемнённого орехового дерева с высоким ступенчатым цоколем, рельефными украшениями из позолоченного левкаса, отделанный живописью – видами итальянских городов. Возле окна – аналой для чтения с изумительной резьбой и необыкновенным орнаментом. А рядом на полке лежали греческие книги: "Хроника" Георгия Амартова, "Минологий" Симеона Метафраста, украшенный драгоценной живописью труд Дионисия Ареопагита, и гимны Дамаскина. Рядом с ними "Тайная история" Прокопия Кесарийского, произведения Платона и его последователя Плотина. На других полках стояли «Божественная комедия» Алигьери Данте 1472 года издания, Сонеты и канцоны – Canzoniere Франческо Петрарки, «Декамерон» Джованни Бокаччо и много других произведений на итальянском языке и латыни. Александр с изумлением взял в руку одну из книг, писанную странными, никогда им не виданными буквами, и спросил Анну:

– Кто умудрился написать книгу таким странным почер-

ком?

– Это печатная книга. Недавно в Венеции начала работать первая типография. Книги теперь не пишут от руки, а производят оттиск с шаблона, покрытого краской. Процесс ещё не совершенен, но будущее за книгопечатанием. Это откроет книгу для простого народа, которому ныне она недоступна.

Александр поставил книгу на полку и осмотрел помещение. Он впервые видел комнату, столь богато украшенную. На небольших столиках стояли удивительные творения муранских стеклодувов.

– Я никогда не видел ничего подобного. Что это? – спросил Александр, указывая на орнамент аналоя.

– Это интарсия – деревянная инкрустация. Только сейчас появились мастера, способные сделать такую прелесть. Как видишь, я тоже неравнодушна к красоте.

Анна покраснела и рассмеялась.

Александр мгновенно понял причину:

– Я ни в коем случае не отношу твои слова на свой счёт, тем более что, насколько я знаю, женщины в последнюю очередь обращают внимание на красоту мужчины.

– Это так, но при разнице лет как у нас с тобой, всё обстоит несколько иначе. Садись, – указала она на одно из кресел.

– Ты кокетничаешь своим возрастом, Анна. Я совсем не считаю, что ты настолько старше меня. Я не знаю, сколько тебе лет, но думаю, что мы почти однолетки.

– Когда я покидала Константинополь в 1453 году накану-

не нападения турок, то была влюблена в одного господина. Джованни Барди – его сын от первого брака. Нашему сыну уже могло быть восемнадцать лет. А тебе тогда было годика четыре.

– Значит, и тебе тоже. Разве в четыре года нельзя влюбиться? Можно даже выйти замуж. Вот только сына родить…. О таком я не слышал. Наверно, ты слегка преувеличиваешь. Из-за этой любви ты живёшь одна?

Анна поджала губы, помолчала немного и утвердительно кивнула.

– Иоханес Анхелос был казнён султаном Мехмедом. Для меня его гибель стала травмой на всю жизнь. Он не пожелал спастись, хотя мог. Предпочёл погибнуть вместе с городом. Султан приказал вскрыть вены на его ногах, потому что Анхелос был сыном кесаря, а кесари рождаются в красных сапожках. Анхелос умер, истекая кровью, которая смешалась с кровью шестидесяти тысяч жертв резни, устроенной турками в Константинополе.

– Какая странная смерть. У Мехмеда богатая фантазия. Я слышал, что его мать христианка из Сербии.

Анна промолчала и перевела разговор.

– Константинополь пал, потому что слишком незначительны были силы защитников по сравнению с огромной армией султана. А ещё потому, что его время закончилось. Город так никогда и не смог оправиться от предательского захвата и разрушения его крестоносцами при непосредствен-

ном участии Венеции в 1204 году.

– Я знаю подробности героической обороны Константинополя, потому что в юности был оруженосцем, согласно рыцарской традиции, а сейчас являюсь другом одного из защитников города.

– И кто же этот герой?

– Мой лучший друг барон Теодорик Вельц, которого ты видела со мной на балу. Ему было восемнадцать лет, когда он во главе небольшого отряда феодоритов сражался на стенах Константинополя под командованием родственника императора Феофила Палеолога, и после падения города с остатками своего отряда ушёл вместе с генуэзцами.

– Теперь я очень сожалею, что пригласила только тебя без твоего друга. Надеюсь, это исправимо. Совсем скоро, на Вознесение, большой праздник – Festa della Sense – Венчание с морем. Приглашаю вас обоих провести его вместе со мной. Я заеду за вами с утра на гондоле, как только прозвучит выстрел из пушки. Ты не возражаешь?

– Мы оба будем чрезвычайно счастливы, Анна.

В дверях появился слуга в бело-голубом облачении и поклонился Анне.

– Не желаешь со мной отужинать, граф? – спросила Анна.

– С радостью, Анна.

Уже смеркалось. В обеденном зале горели свечи. Анна подвела Александра к столу:

– Я не знаю твоих пристрастий, граф, но думаю, что мясо

каждому мужчине по вкусу. Coppiette по-римски – обваленная в фенхеле жареная телятина. Если тебе не хочется телятины, то можешь попробовать журавля в печёночном соусе со специями. Ну и, наконец, чисто Венецианское блюдо: рыба в кисло-сладком соусе с изюмом и сливами. Не стесняйся, граф!

– А это вода? – спросил Александр, указывая на сосуд муранского стекла с прозрачной жидкостью.

– Нет, это пьётся вместо вина, но не на десерт, а перед едой. Очень крепкий, мужской напиток. Некоторые называют его граппа. Попробуйте, граф, возможно, тебе понравится. Граппа – дистиллят из выжимок винограда.

Слуга наполнил бокал. Александр отпил из бокала, поперхнулся и закашлялся. Слёзы выступили у него на глазах. Анна весело рассмеялась.

– Это покушение на мою жизнь, – еле выговорил Александр, вытирая слёзы.

– Нет, та ещё не мужчина, ты мальчик, Александр. Возьмит мой платочек, а то твои слёзки растрогают меня, и я сама заплачу вместе с тобой, – весело издевалась над ним Анна.

– Ты коварная, язвительная, жестокая и очень обольстительная женщина, – сказал Александр, взял протянутый платочек и приложил его к своему лицу. Вдохнул запах гиацинтов. Его сердце забилось, и смеющееся, раскрасневшееся лицо Анны показалось ему удивительно прекрасным и юным. – А твой платочек – это просто средство обольщения и устоять

перед ним невозможно.

Она расхохоталась, уже не сдерживаясь:

– Граппа очень быстро делает своё дело. Ты уже совсем не робкий мальчик. А очень даже искушённый и хитрый мальчуган.

Она протянула руку за платочком, но Александр поймал её и стал целовать. Страстно, жадно. Анна махнула другой рукой, и слуга в бело-голубом одеянии поклонившись, вышел из комнаты. Осторожно и робко провела Анна рукой по волосам Александра, чуть лаская и отталкивая его одновременно.

– Нет, нет! Продолжим наш ужин. Попробуй телятину. Земная пища для нас, земных созданий. А ещё ты не должен пренебрегать журавлём. Это удивительное блюдо. Журавль спустился к нам с небес. Там живёт Бог. И журавль тоже небожитель. А рыба? Ты когда-нибудь ели такую чудесную рыбу? Посланница мрачных морских глубин. Съешь рыбу, и ты познаешь другой, почти нереальный мир. Этот мир не видели глаза живого человека. Только мертвец может заглянуть в чёрную, кромешную, как ад, бездну. И вдруг, из неведомых глубин перед вами на столе удивительная рыба. Разве это не чудо? А впереди.… Впереди нас ждёт парадиз. Впереди нас ждут апельсины. Сладкие фрукты. Райские плоды. Таких плодов не бывает в твоей северной стране. Не может их там быть! Твоя чудесная страна, наследница Великой империи. Но нет там таких апельсинов. Просто нет, потому что

рай совсем в другом месте…. Перед тобой на этом столе земля, воздух, глубины морей и рай. У каждого человека всегда есть выбор. Выбирай, же, Александр.

Она говорила и говорила какую-то чепуху, а его губы поднимались всё выше и выше по её руке. Уже он целует ей плечо, подмышку… Наконец, она не выдержала, вскочила и резко оттолкнула Александра.

– Не надо! Я совсем не готова к такому повороту событий. Ты слишком юный и нетерпеливый мальчик. Может быть, когда-нибудь…

Александр сел на своё место. Его щёки горели. Рот пересох. Трещали восковые свечи в канделябрах. Ночь за широкими венецианскими окнами опустилась на город. Ярко горел маяк на кампаниле у собора Святого Марка.

– Прости меня, Анна. Сдержаться при таком обольщении просто невозможно. И ты должны оценить мои героические усилия.

– Я ценю, что ты можешь остановиться и взять себя в руки. Могу только тебя утешить: мне самой это далось нелегко. Но так должно быть.

– Почему?

– Потому что есть Бог. Есть грех. Есть человеческий стыд и рассудок.

– Хотелось бы взмахнуть волшебной палочкой, чтобы исчезли все эти надуманные преграды между нами. А грешить необходимо: не согрешишь – не покаешься. Не покаешься –

не спасёшься.

– Очень утилитарное понимание веры. Не для того нужна вера, чтобы спастись, а для того, чтобы оставаться человеком и не превратиться в животное.

– Ты, Анна, рассуждаешь как атеист.

– Я православная. Уже двадцать лет живу среди католиков. Или они или мы не правы. Если вспомнить о мусульманах, иудеях, то получается, что только малая часть людей на Земле будут спасены, ибо только их вера истинна. Но этого не может быть. Не могут миллионы людей неправильно верить в Бога. Значит, или Богу безразлично, как ему поклоняются, или его вообще не существует. Нынешние христианские церкви – творения не божественные. Их основные догматы, символы веры, из-за которых произошло разделение церквей, созданы не богом, а собраниями попов – Соборами. Даже апостольский символ веры создан не Богом, а собраниями апостолов, а уж Никейский Собор и все последующие лишь усугубили отход христианства от истинного божественного учения. Иисус символа веры не создавал! Попы его создали, а потом убивали тех, кто был с ними не согласен, чем и породили разделение верующих на десятки, сотни церквей и сект. Они разрушили единую Божескую Церковь, разделили верующих – божьих овец на большие и малые стада, уничтожили единую Веру. Как пример – проблема филиокве, которую они возвели в ранг высшей ценности христианства, будто заумная проблема исходящего Духа

имеет реальное значение для веры. Поэтому, многочисленные церкви – творения не божественные, а человеческие, а так как все люди от природы грешны, то творения грешников – греховные, дьявольские.

– Я восхищаюсь тобой, Анна. Впервые вижу женщину, способную на анализ религиозного мировоззрения. Но ты не боишься инквизиции? Говорят, в Венеции даже у стен есть уши. Не зря же на каждом углу торчит разинутая каменная пасть для доносов.

– У моих стен ушей нет. Все мои слуги приехали со мной из Константинополя. Их отцы и деды служили нашей семье. Мне они верны абсолютно. Я о них забочусь и ими дорожу. Кроме того, инквизиция существует для нас, патрициев, а не против нас. Я ещё не слышала ни об одном высокородном патриции, осуждённом инквизицией, по крайней мере, здесь, в Венеции. Более того, я знаю, что очень многие из высокопоставленных сановников Венеции разделяют мои мысли. Это только, кажется, что все вокруг религиозны. Люди молчат и делятся своими мыслями далеко не с каждым встречным. Просто тебе я доверяю. Твои глаза,– перешла она на доверительный тон, – лучшая порука твоего молчания. После христианизации, и, как результат, падения Рима, настали тёмные века христианства, и только сейчас, в 15 веке, когда опять атеизм стал завоёвывать сердца людей, начала возрождаться культура, искусство, наука. Мы живём в век возрождения.

– Тогда зачем ты, атеистка, мне говорила о Боге, о грехе?

– У каждого свой Бог, своё понимание собственного места в мире. Грех не перед Богом. Перед собой. Внутренняя чистота, порядочность – лучший анализатор нашего поведения. Они-то и подсказывают человеку, что есть грех. Ложиться в постель при первом знакомстве, без любви, только по желанию плоти – самый настоящий грех.

– Что есть любовь? Совсем недавно мне казалось, я влюблён. Но у неё появился другой, и она мне стала почти отвратительна.

– Бессмысленно объяснять, что такое любовь. Каждый знает, когда любовь приходит. Главное, что между мной и тобой её, увы, нет.

– Не будь, Анна, так пессимистична. Ещё несколько встреч, и кто знает? Ты мне очень, очень нравишься. Я почти теряю голову. И только правила приличия и позднее время вынуждают меня откланяться. Твой ужин был великолепен. Твоя граппа удивительна. Твои апельсины действительно райские фрукты. А твои руки и глаза будут сниться мне всю ночь. Со мной останется аромат гиацинтов, и я не посмею умываться, пока не исчезнет этот запах. Буду хранить его на своём лице до следующего свидания. Очень надеюсь на скорую встречу с тобой.

– Только не приходи на праздник замарашкой. На церемонии венчания с морем все, как правило, без масок. Грязь на твоём лице может кому-то показаться неуважением к же-

ниху, дожу Венеции, а значит и к самой Королеве Адриатики, улыбнулась Анна.

Они подошли к ступеням причала. Чёрная гондола с гондольером на корме блестела при свете фонарей.

– До свидания, Анна. Хочу тебе сказать, что мы с тобой удивительно похожи. Когда ты произносишь слова, мне кажется, что это делаю я. Наверно, если заглянуть в далёкое прошлое, то между нами есть родственные связи. Моя семья, как тебе известно, имеет глубокие корни в Константинополе. Но родство душ – не пустые слова. Именно ты – мой душевный близнец.

– Спасибо за льстивые речи и приятный вечер. До свидания, Александр!

– До свидания, Анна!

Гондола тихо плыла по чёрной блестящей воде Большого канала. Как светляки на её поверхности качались фонари многочисленных гондол и маленьких судов. Крупные нефы и галеры чёрными махинами темнели возле низких причалов. Их палубы освещали тусклые фонари, и вахтенные матросы перекликались в ночной темноте. На берегу кипела жизнь. Из таверн доносилась музыка, громкие пьяные крики. Пели тут и там гондольеры. Площадь святого Марка была ярко освещена лампами и факелами. Под кампанилой с огнём маяка на её вершине, по-прежнему торговали вином.

Ещё один день пролетел вдали от Родины. Родная Таври-

да, Готия! Она снится почти каждую ночь. Чем дальше от её берегов, тем сильнее ностальгия. Даже в пахнущем гниющими водорослями воздухе Венеции Александру чудился аромат свежего морского дыхания Верхнего Понта, впитавшего запахи роскошного букета целебных трав и цветов Мангупа.

В праздничный день, после того, как из далёкого Арсенала донёсся пушечный выстрел, к маленькому причалу у дома, снимаемого друзьями, причалила богато украшенная позолотой и резьбой гондола. Александр и Тео, одетые в праздничные одежды, вышли из дома, и, поклонившись Анне, сошли в гондолу, сели напротив неё на оббитую красным бархатом скамью.

– Граф, ты обещал не умываться, но не говорил, что придёшь с синяком под глазом. Неужели, какой-то пьяный морячок в таверне сумел достать такому гиганту до глаза?

Александр сокрушённо покачал головой, а Тео рассмеялся и пояснил:

– Княжич нанял несколько фейхмейстеров и стал обращаться с ними так же бесцеремонно, как с Василием, нашим слугой. Вот один из них, тренер по рукопашному бою, и дал ему понять кто мастер, а кто ученик.

Гондольер в безупречно белой рубахе опустил весло в воду, и гондола плавно заскользила мимо красных кирпичных фасадов домов, протиснулась под узкими крутыми мостами

и вышла на широкую гладь Канала святого Марка.

За ними следовала их собственная гондола с Василием. Живописная картина открылась перед глазами Александра и Тео. Мимо проплывала богато украшенная парадная галера венецианских дожей «Бучинторо» с дожем и сенаторами на борту. За ней многие сотни гондол, «биссоне» – фелюг, лодок и прочих маленьких судов теснились плотной массой от одного берега до другого.

А на берегах праздничная толпа бурно приветствовала процессию.

Балконы и окна выходящих на канал домов были украшены флагами с крылатым львом, цветными ковриками и полотнищами.

Кавалькада судов с «Бучинторо» во главе вышла из канала и прошла до места церемонии у выхода из лагуны. Бракосочетание началось. Патриарх благословил море. Александр подумал, что поражение, которое потерпели венецианцы от турок три года назад в результате морского сражения при Эвбее, и, как результат, потеря этого острова Венецией, совсем не даёт венецианцам право утверждать своё господство над морем.

– Скажи, Анна, кто тут на ком женится? – спросил Тео. – Насколько я знаю, итальянский язык, море – мужчина. Дож – тоже мужчина. Или нет? Неужели, мы попали на голубую свадьбу? Баловники эти венеты.

Анна рассмеялась:

– Венеция совсем недавно была в панике от гомосексуализма, распространившегося из Азии. Так что твоё замечание очень бы не понравилось Совету Десяти. В мрачной тюрьме за Мостом Вздохов люди, произнёсшие и менее крамольные слова, нашли своё последнее пристанище. Сейчас в городе на 200 тысяч населения 11 тысяч проституток. Поэтому, гомосексуализм отступает на второй план. Всё есть в Венеции, кроме собственных идей. Город живёт за счёт посредничества в торговле, проще говоря, спекуляции. А спекулянты ничего не способны придумать, кроме как тупо увеличивать цены на свои сомнительные услуги. Одним из немногих исключений из этого печального правила является идея жениться на море. И не важно, какого он, она, оно рода. Этой единственной своей идеей венеты очень гордятся, и никогда от неё не откажутся.

– Ты не совсем справедлива к венетам, Анна. Ещё они производят чудесное стекло, очищает и продаёт привезенный с Востока сахар. А бесподобные кружева на твоём платье – тоже творение венецианских кружевниц, так что твои слова ещё меньше понравились бы упомянутому тобой Совету Десяти, – заметил Александр. – А насчёт женитьбы: если венецианцы мужья морю, то кто же тогда турки? Любовники?

Анна опять рассмеялась, но потом посерьёзнела и сказала, понизив голос:

– Вокруг нас действительно слишком много ушей. Купцы

и мореходы знают языки, в том числе, греческий. А война с Турцией, которая длится уже который год, только добавляет подозрительности. Наш разговор может иметь нежелательное продолжение.

Они умолкли. В это время дож на корме «Бучинторо» кинул кольцо с драгоценными камнями в воды Адриатики, произнося сакральные слова:

«Мы берем тебя в жены в знак нашей истинной и вечной власти».

Александр с любопытством посмотрел вокруг. Множество гондол сновали возле бортов «Бученторо». Одни были крупные, богато украшенные резьбой, позолотой и драгоценными обивками и принадлежали патрициям, живущим по берегам Большого канала. Другие мелкие, способные протискиваться под многочисленными мостами и мостками. Их владельцы – лавочники, муранские стеклодувы, живущие на окраинах. Большинство гондол чёрного цвета, но некоторые ярко красные, иные зелёные, синие. В гондолах сидели целые семьи с детьми. Знаменитые венецианские красавицы прикрывали лица от посторонних взглядов вуалями. Холостяки кружили на гондолах вокруг прекрасных венецианок в надежде заглянуть под вуаль и привлечь их внимание.

Неожиданно, в соседней гондоле Александр увидел Софию. Она была одна и совсем близко, чуть дальше, чем он мог достать рукой. Только стройный гондольер в белой рубашке недвижимым изваянием застыл на корме её гондолы.

Зелёными, как воды лагуны, глазами, София смотрела на церемонию, и казалась совершенно увлечённой происходящим. Но потом, словно почувствовав взгляд Александра, она медленно повернула голову, и их взгляды встретились. Опять у Александра возникло ощущение, будто в её глазах он видит своё будущее. Или прошлое? Осквернённые храмы, копья минаретов и смерть на политой кровью предков, но теперь уже навеки чужой земле. Он не ужаснулся, а смотрел спокойно, то ли в её глаза, то ли в вечность, как смотрит душа, отлетевшая от тела. София взглянула на Анну, подёрнула плечами и дала знак гондольеру. Медленно опустилось в воду весло, и гондола величаво, словно чёрный лебедь, поплыла по зеркальной глади моря, исчезая среди тысяч других гондол.

Александр кивнул головой Василию, и тут же гондола Василия рванулась в погоню за Софией, оставляя за собой, вспенённый веслом, кружащийся в мелких водоворотах, след на воде.

После церемонии бракосочетания начались гонки на гондолах и прочих мелких судах, но княжич не замечал происходящего, даже не поддерживал разговор между Анной и Тео.

– Александр, – обратилась Анна к нему. – Сейчас, после гонок гондол, все поедут продолжать празднество на Лидо, но я приглашаю вас с Теодориком ко мне на праздничный

ужин. Ты не против?

– Прости, Анна, но Тео один составит тебе компанию, если не возражаешь.

Чтобы не портить Тео и Анне праздник, Александр старался быть весёлым и остроумным, но у него в душе прорастала дремучая тоска. Гондольер доставил его прямо к порогу дома. Княжич вышел, а Теодорик шутливо помахал ему вслед рукой, сидя на лавочке рядом с Анной.

Прошло несколько дней. Опять Тео где-то пропадал. Александр по лицу друга догадывался, что на этот раз всё намного серьёзнее. Видно, между Теодориком и Анной возникла какая-то связь. Но задавать вопросы другу он не стал.

Василий выполнял задание княжича, и Александр всё чаще один гулял по городу. Шпагу он с собой не брал, но на всякий случай за голенищем сапога прятал тонкий генуэзский нож.

Как-то под вечер он шёл по берегу маленького, неизвестного ему ранее канала. Внезапно, ему показалось, что кто-то следит за ним. Он остановился, облокотился на паперть, и украдкой оглянулся. Человек, шедший за ним, тоже остановился, поправляя одежду. Сомнений почти не осталось. Но кто это? Неужели, София тоже приставила к нему своего слугу? Александр зашёл в ближайшую таверну и сел у окна. Незнакомец вошёл следом, и сел за соседний столик. По

внешнему виду незнакомца Александр сразу определил, что это чей-то слуга. Опять мелькнула догадка: София! Княжичу очень захотелось хотя бы с кем-то поговорить о Софии. Он поднялся и пересел за стол незнакомца.

– Ты следишь за мной? – спросил он по-итальянски.

Незнакомец смутился:

– Что ты, господин? Я вижу тебя в первый раз.

– Следишь. Я знаю. И даже знаю, кто тебя послал.

– Кто?

– Имя твоей госпожи София. Я угадал?

– Ну, ты ошибаешься, господин, – неуверенно ответил незнакомец.

– Понимаю. Конечно, признаваться тебе никак нельзя. Если бы мой Василий признался Софии, что я его послал за ней шпионить, то ему бы точно от меня досталось.

Подошёл официант. Александр заказал две кружки сухого вина и сыр.

– Выпьешь со мной?

– Почему бы не выпить, если господин угощает, – ответил незнакомец.

– Моё имя ты, конечно, знаешь. Позволь полюбопытствовать, как мне называть тебя?

– Зачем меня называть, господин? Никто меня по имени и не называет. Кличут: «Эй, ты!».

– Неужели София не знает своих слуг по именам?

– Скорее, не хочет знать, – сказал незнакомец.

– Ты впервые признался, что являешься слугой Софии. Я ведь сразу догадался! Но неужели София так бессердечна к слугам?

– Все господа бессердечны. Чем более унижен слуга, тем более возвышен господин… или госпожа. Так устроен мир.

– Ты говоришь неприятные вещи. Почему-то мне казалось, что София нежна сердцем и попросту не может быть груба ни с кем, в том числе, со слугами.

Официант поставил на стол две кружки белого сухого вина, нарезанный мелкими пластинками сыр и отошёл, держа на согнутой руке чистое полотенце.

Александр отпил глоток вина. Прохладное, немного кислое, ароматное вино показалось ему удивительно вкусным.

Незнакомец одним глотком выпил своё вино и сидел, насупившись.

– Вино очень вкусное, но кружки слишком маленькие, – сказал Александр. Он щёлкнул пальцами, чтобы официант подошёл к нему, но за соседним столом сидела шумная компания, и щелчка официант не услышал.

– Пойду, закажу ещё вина, чтобы тебе не было скучно, – сказал Александр. Он поднялся, прошёл к стойке и подождал, пока ему нальют из бочки ещё две кружки. Вернулся к столу и протянул одну из кружек незнакомцу. Тот взял вино, и так же насупившись, словно вовсе недовольный происходящим, стал пить. Александр допил вино из своей первой кружки. Внезапно, мир поплыл у него перед глазами, и он

упал головой на дубовый стол.

Когда Александр очнулся, то долго не мог понять, где находится. Он лежал ничком на матрасе из конского волоса, а его руки и ноги были крепко связаны. В голове стоял туман, и мысли текли медленно, словно выдавливались по капле из мозга. «Нет, это не София! Зачем Софии меня связывать и похищать?».

Постепенно, к нему вернулось ощущение реальности. Он услышал плеск воды о борт, и понял, что находится на судне. Изогнулся, вытащил двумя руками из-за голенища генуэзский нож и острым лезвием перерезал шнур, которым были связаны ноги и руки.

Выглянул в иллюминатор. Увидел ночь, и понял, что судно идёт под парусом, удаляясь от города. Внезапно, за дверьми послышался скрип досок палубы под тяжестью чьих-то шагов, низкие голоса. Александр быстро лёг в прежнее положение, накинув на ноги обрезанную верёвку. Щёлкнул замок, и дверь открылась. Александр лежал на животе, прижимая к груди генуэзский нож, и наблюдал за происходящим через щёлочку полузакрытых глаз. В каюту вошёл человек. В одной руке он держал лампу, в другой обнажённую саблю. За его спиной виднелись ещё две фигуры. Лезвия сабель блестели, отражая оранжевый свет лампы. Человек поставил лампу на маленький столик у изголовья кровати, нагнулся, дыхнув на Александра запахом чеснока и рома, а потом по-

тряс княжича за плечо. Тогда Александр рывком перевернулся на спину и снизу, двумя руками вонзил нож в сердце незнакомца. Тело обмякло. Александр изо всей силы отшвырнул его на обнажённые сабли двух других незнакомцев. Вскочил на кровать, и сверху, словно огромная чёрная пантера, кинулся на незнакомцев, ударил ножом в сердце одного, потом выдернул нож и полоснул им по шее другого…

Он стоял над телами, выпрямившись, и слушал, как хрипят умирающие, как катится оброненная одним из них сабля по полу, бренча о деревянные ножки кровати.

Александр нагнулся, схватил саблю, и выбежал в открытую дверь, в один прыжок поднялся по скрипучим ступенькам на верхнюю палубу. Когда, наконец, он увидел над собой звёздное небо, то понял, что свободен. Ему навстречу бросился верхний вахтенный с длинным кинжалом в руке, но Александр даже не повернулся к нему. Резкий выпад навстречу врагу, и тот пал с пронзённым сердцем.

Александр вырвал саблю из тела, швырнул её в море, а сам кинулся вслед за ней.

Холодная, ещё не успевшая прогреться под весенним солнцем вода Адриатики обожгла его. Вынырнув, Александр поплыл под низкими южными звёздами к мерцающим огням Венеции. Оглянувшись, он увидел, как судно с поставленными парусами скрывается среди звёзд, оставляя на поверхности лёгкий пенный след.

Княжич доплыл до песчаного пляжа на острове Лидо. Трясясь от холода, он пересёк остров, и по берегу прошёл до причала, у которого стояли гондолы. Ещё не спали гондольеры, и скоро Александр был на пороге своего дома.

Одежда его уже почти обсохла, и он решил никому ничего не говорить, даже Тео. Ему было попросту стыдно, что он сам собственными руками приготовил себе ловушку, доверившись первому встречному. Кто мог похитить его и по чьему приказу? Грабители? С целью получения выкупа? Но эти люди даже не проверили его карманы, в которых находился кошелёк, полный дукатов. Нет, на грабителей они не похожи. Исаак? Чтобы не было конкурента на власть его сыну Тихону? Но тогда зачем похищать? Не проще ли было просто убить? Или это Мехмед, султан Османской империи? Его агенты есть повсюду. Может, Корвин? Или сам Папа Римский? Ясно было одно: кто-то из сильных мира сего следил за ним, и, похищая законного претендента на престол, решил каким-то образом повлиять на судьбу княжества Феодоро.

Наступил май 1474 года. Василий докладывал княжичу обо всём, что ему удалось разведать, и как-то за ужином Александр сказал Теодорику:

– Завтра мы выезжаем. Впрочем, можешь оставаться. Меня лично в Венеции больше ничего не держит.

Тео удивлённо посмотрел на княжича.

– Зачем куда-то ехать? Мы и здесь живём неплохо.

– Хорошо едим, девочки – лошадки на каждом углу пасутся, – докончил за него Александр.– Тебе везде хорошо, были бы девочки и жратва. Но ты забыл ещё об одном своём удовольствии: здесь, на островах, практически не с кем подраться. Или ты настолько разленился, что и драка тебе уже не в радость? А может, влюбился? Случайно, её имя не Анна?

– Анна Нотарас – замечательная женщина. Не будем о ней! Но и драка – насущная необходимость. Мы, мужчины, рождены для драки. Для этого нам даны мощные мышцы, быстрая реакция и точный глаз. Ты прав. Конь не должен застаиваться. Да и не могу я вот так просто бросить своего лучшего друга. Ладно, поедем искать приключения на свои жо…., тьфу, головы. Вернуться в Венецию мы сможем всегда. Если захотим. Так даже лучше.

Глава 5. Флоренция

Благополучно преодолев 20 мильный путь по морю вместе с лошадьми, слугами и каретой, друзья высадились на материк и направились во Флоренцию. Застоявшиеся лошади бежали резво по каменным плитам великолепной римской дороги с древними мильными столбиками из камня вдоль неё. Такие же римские дороги, проложенные римлянами более тысячи лет назад, соединяли самые удалённые места Феодоро.

Через пять миль миновали Кьоджи – небольшой городок на берегу Адриатики – Белого моря, жители которого извечно занимались добычей соли из морской воды.

Только сейчас, оставив позади город на воде, друзья поняли, что наступало лето. Всё выше поднималось солнце, и всё жарче становилось в карете. Наконец, Александр не выдержал, и пересел к кучеру Ионе. Лёгкий встречный ветерок высушил пот. По дороге навстречу двигались купеческие обозы. На лицо ложилась пыль.

– Может, не будем гнать в жару и поедем вечером? До Фары ещё восемьдесят пять миль. Лучше переночуем в Падуе, а потом спокойно тронемся дальше. А ещё есть такое понятие – обед, и я не против кого-нибудь съесть – сказал Тео, высунувшись из окна кареты.

Александр согласился, и они свернули к ближайшему по-

стоялому двору.

Жаренная на вертеле телятина с рисом показалась им вполне достойной едой. За беседой о предстоящих планах время летело незаметно. Когда телёнка съели и запили лёгким вином, к их столу подошёл богато одетый молодой человек лет двадцати с мечом на боку.

– Разрешите представиться, господа, Лодовико Мария Сфорца.

Друзья назвали свои имена и пригласили незнакомца к столу. Лодовико сел и начал разговор.

– Я хочу предложить вам крупный заработок и яркую жизнь. Господам это интересно?

Тео усмехнулся:

– С каждым словом всё интереснее. Что, конкретно, ты предлагаешь?

– Военную службу наёмником, обучение в лучшей школе военного искусства в Милане, участие в военных походах и приличные деньги даже для таких шикарных молодых людей как вы.

– Ты нам обещаешь войну?

– Как вы, наверно, знаете, в 1454 году между основными городами-государствами Италии был заключён Лодийский мир, вроде, не оставляющим нам, людям военным, шанса на весёлую жизнь. Но в 1468 году во Флоренции был заговор Питти и Содерини, который поддержала Венеция. Войска

нашей коалиции: Флоренции, Милана и Неаполя в 1468 году разбили венецианцев, и опять в Италии наступил мир. Но ещё не всё потеряно. Генуя и Венеция – не перестали быть конкурентами. Да и Неаполь, Милан, Флоренция имеют во всём свой интерес. А значит, впереди нас ждут нескучные времена. Так что завтра я вам войну не обещаю, но через годик-другой…

– Это слишком долгий срок для обещаний, – сказал Александр.

В это мгновение со двора донёсся крик Василия. Александр и Тео вскочили, уронив лавку, бросились на двор, по пути обнажая шпаги. Трое незнакомцев нападали на Василия, который оборонялся от них мечом, бегая вокруг кареты. Испуганный безоружный конюх Ион прятался между лошадьми. Ещё один вор как раз вылезал из кареты, держа в руках похищенный мешок с дукатами. Теодорик подскочил к нему, ударом рукояти шпаги в лицо опрокинул на землю, вырвал мешок. Александр встал рядом с Василием и принял на свою шпагу все три меча нападавших. Потом, отбив мечи, полоснул шпагой по ногам воров. Двое из них с разрубленными голенями, вопя и стеная, запрыгали в разные стороны. Третий на мгновение замешкался, и Александр шпагой выбил меч из его руки, ударом ноги между ног противника заставил того согнуться от боли. Ещё одним ударом ноги в лицо, Александр распрямил нападавшего, и тот рухнул навзничь в пыль двора.

На пороге таверны стоял Лодовико в окружении нескольких богато одетых вооружённых людей, и одобрительно хлопал в ладоши:

– Браво! Ваши действия безупречны. Но почему, имея такой большой мешок денег, вы проявили интерес к моему предложению?

– Мы не к деньгам проявили интерес, а к перспективе яркой жизни и обучению в лучшей школе военного искусства Италии, – сказал Александр.

– Тогда, если будете в Милане, спросите у любого, где меня найти. Каждый мальчишка знает семью Сфорца.

– Спасибо за предложение, – откликнулся Тео. – Если будем в Милане, то постараемся им воспользоваться.

– И ещё один совет, – продолжал Лодовико, – до захода солнца далеко: вы успеете в Падую, где можно сдать ваши деньги в банк. Эти ребята, – указал он на воров, уже пришедших в себя, и поспешно убегавших через ворота,– не успокоятся, и встретят вас в пути. Поэтому, не путешествуйте с такими деньгами.

– Спасибо за совет, Лодовико! – сказал Александр.

Расплатившись, друзья сели в карету и покинули постоялый двор.

В Падую карета въехала под вечер. На главной улице уже зажигали фонари. Александр спросил прохожего, где можно остановиться на ночлег, и тот неожиданно предложил им

переночевать у него за небольшую плату.

Хозяин представился им как врач, Михаил Савонарола. Ему уже было за шестьдесят.

Войдя в дом, Александр и Тео познакомились с семьёй Михаила Савонаролы, в том числе, и с его внуком, молодым человеком лет восемнадцати, глядевшим на гостей пронзительным взглядом тёмных глаз над тонким с горбинкой носом.

Их пригласили отужинать. Вместе со всеми, друзья помолились и, перекрестившись, сели за стол.

Внезапно, молодой Савонарола спросил их резко:

– Почему вы неправильно наложили на себя крест?

Тео улыбнулся и пояснил:

– Мы, юноша, греческой византийской веры и крестимся по её канонам: справа налево.

– В 1444 году в Феррари была подписана Уния об объединении церквей, и кардинал ромеев Исидор за несколько месяцев до гибели Константинополя зачитал её в храме Святой Софии, А значит, вера у нас одна, Папа Пий V в 1570 году постановил: «Благословляющий себя самого делает крест ото лба к груди и от левого плеча к правому». А ещё мы крестимся всеми пятью пальцами по числу ран Христа.

– Извините, молодой человек, но Константинопольский патриарх Геннадиус отменил Унию. Он призвал всех верующих греческой церкви соблюдать наше православие. Мы крестимся двумя перстами от правого плеча к левому, от Бо-

га к человеку, как благославляют нас священники, да и в католической Церкви пока нет строгого канона: креститься от левого плеча к правому – от греха к спасению. Каждый католик крестится, как сам пожелает.

– Замолчи, Джироламо, – приказал дед.

Он улыбнулся гостям и пояснил:

– Мой внук слишком истово относится к вопросам Церкви и морали. Ему постоянно кажется, что все вокруг ведут себя неправильно. Он вечно сетует на падение нравов. За это мы прозвали его «плакса».

– А первый грешник на земле – папа Римский Сикст Четвёртый, покарай его Господь, – ещё раз огрызнулся внук.

Все промолчали. Потрескивали свечи.

После ужина Александр и Тео решили осмотреть вечернюю Падую. Джироламо вызвался их проводить.

Они гуляли по улицам города, и в свете уличных фонарей любовались громадой базилики Святого Антония, её фасадом с треугольной короной ломбардского стиля из четырех тяжёлых арок-ниш в нижней части и террасы – в верхней, где было прорезано готическое резное окно-роза.

Фасад украшала высокая остроконечная колокольня со шпилем. С северной стороны храма в свете фонарей угадывался ансамбль куполов, цилиндрических тамбуров и контрфорсов.

Александр и Тео зашли внутрь храма, и в свете сотен све-

чей осматривали интерьер с многочисленными капеллами. В капелле Сокровищ друзья поклонились реликварию с подбородком святого Антония и реликварию с его языком.

Их поразила Капелла Святого Антония – грандиозное сооружение с фасадом в пять арок, за которыми был ансамбль, состоящий из алтаря, саркофага и мраморных барельефов на стенах. Центральный алтарь базилики украшали статуи Донателло.

Наконец, они вышли из храма.

На площади возле базилики стояла конная статуя кондотьера Гаттамелане работы Донателло, первая бронзовая статуя со времен античности, отлитая мастером в 1446 году. Перед глазами Александра сразу возникла Анна Нотарас, встречавшая его возле конной статуи своего отца, почти идентичной копии памятника кондотьеру, и княжичу вдруг стало безумно жаль эту одинокую прекрасную женщину. Но он не мог ничем помочь ей, ведь между ними не было главного: любви. Может, её счастье в руках Теодорика? Александр взглянул на друга. Тот тоже словно застыл перед памятником. В его вытаращенных глазах изумление мешалось с болью.

– Красивый у вас город, – сказал Александр Савонароле, делая вид, что не замечает, как шокирован Теодорик.

– Не красота сама по себе важна для души человека, а святость, – ответил Савонарола.

– Тогда тебе, молодой человек, надо перебираться ближе к

святому престолу, в Папскую область, – заметил Александр.

– Меньше всего святости в Ватикане. Грех и блуд нынешнего папы и его предшественника осквернили всю Италию, всю католическую веру. Да и других грешников не сжигают на кострах, поэтому скверна расползлась по всему миру.

– Кажется, ты не совсем прав, Джироламо. В Венеции инквизиция, как я слышал, довольно успешно борется с инакомыслием,– сказал княжич.

– Очень мало сгорает нечестивцев в Венеции. Инквизиция сжигает только тех, кто прилюдно занимается богохульством, колдовством и ворожбой, кто высказывается против власти. А сжигать надо всех, кто противится учению Господа нашего. Сжигать ростовщиков, проституток, пьяниц и гуляк. Сжигать богачей, кичащихся своим богатством, сжигать священников, торгующих отпущением грехов. В сердце каждого человека должна остаться только чистая любовь к Богу, а не жажда греха, жажда разгульной весёлой жизни.

– Извини, молодой человек, но все люди грешны, и я не думаю, что ты желаешь сжечь весь мир. Нет греха, нет и Бога. Зачем обращаться к Богу, если на тебе нет греха? Разве только чтобы просить у него для себя лишних благ. Но ведь желание благ – тоже грех, – сказал Александр.

– Бог есть сам по себе, а не потому, что он нужен людям. Это люди – его создания, неверно воспринимающие свободу мысли, дарованную им Господом. А человек должен всегда поддерживать связь с Богом, чтобы Бог направлял его, нера-

зумного, по дороге спасения. Желание материальных благ – это грех. Для верующего человека истинное благо – возможность лицезреть своего Создателя в Раю.

– Тебе надо быть священником, Джироламо, – сказал княжич.

– Я им буду. Я переверну этот мир, сделаю его Царствием Божьим на Земле.

– А как же быть с православной религией? С мусульманами? Всех нас, иноверцев и схизматиков, сжечь? – спросил Александр.

– Дойдёт очередь и до вас, заблудших. Очиститесь от скверны, станете верными католиками.

– Напомню тебе, молодой человек, слова апостола Павла из послания к римлянам: «Ты имеешь веру? Имей её сам в себе, перед Богом».

На следующий день Александр и Тео, сдав деньги в банк Лоренцо Медичи, покинули Падую. Вечером они добрались до Феррари. Вечернее солнце уже висело над вершинами гор, когда друзья въехали на рыночную площадь.

В это время ударил большой колокол. Звук его разнёсся на весь город. Александр посмотрел на каменную башню, откуда бил колокол, и увидел часы, а ещё две двери и крыльцо.

В это время из башни на крыльцо вышел ангел, абсолютно как живой. Он протрубил в трубу, и вошёл через другие дверцы в башню. Удивительное было зрелище.

Переночевав, друзья продолжили свой путь.

Проехали Болонью, перевал Фуна, название которого странно совпадало с названием крепости, принадлежащей Александру и перевалу в Таврике возле неё.

Вдоль перевала Итальянской Фуны виднелись древние готские укрепления, очень напоминавшие укрепления на рубежах его Родины. Александр почувствовал острую тоску по Феодоро.

Как-то утром, проснувшись после ночлега в придорожном постоялом дворе, друзья увидели из окна второго этажа мощные башни-крепости родственных семейных союзов – консортерии Флоренции.

Прекрасный город лежал перед ними в долине реки, и высокие холмы обрамляли его со всех сторон. Внизу, на первом этаже заспанные постояльцы выходили во двор, седлали лошадей.

В это время и был совершён набег. Банда из двух десятков головорезов ворвалась во двор, убила нескольких попытавшихся оказать им сопротивление постояльцев и бросилась в дом.

– Пришли за нашими деньгами, – сказал Тео, обнажая шпагу.

Александр молча снял со стены и взвёл арбалет.

Громкий топот ног в коридоре. Дверь распахивается. Знакомая рожа избитого Александром несколько дней назад во-

ра заполняет проём. Арбалетный болт прошивает его почти насквозь, только кончики перьев торчат из разорванной груди.

Вор падает с изумлением в маленьких пуговках – глазах.

Наступая на его тело, через проём двери вламывается сразу несколько человек.

Теодорик рубит наотмашь по незащищённым доспехами лицам и шеям разбойников. Хлещет первая кровь из разрубленных тел.

Александр становится рядом с другом, и вместе, как два огромных тарана, они опрокидывают нападавших, рубят их с яростью молодых, взорвавшихся бешенством быков. Сверкают клинки, алые от крови. Словно огненный вихрь всюду настигает бандитов. В низких лучах проникающего в комнату утреннего солнца кровь, заливающая стены, кажется адским пламенем, вспыхнувшим пожаром.

Уже повержены и изуродованы все, кто ворвался в комнату. Друзья бросаются в коридор. Дверь в соседнюю комнату открыта. В комнате один из банды держит сопротивляющуюся, полуодетую девушку. Ещё двое его сотоварищей кулаками избивают мужчину.

Александр вбегает в комнату, и ударом шпаги сносит голову одному из бандитов. Другой бандит поворачивается к Александру, и широко открытым ртом ловит штыковой удар шпаги.

Разбойник, который держал отбивающуюся девушку, пря-

чась за её спиной, выставляет меч вперёд. Александр спокойно подходит ближе, опускает шпагу, как бы смирившись с недосягаемостью бандита, а потом резко приседает и снизу втыкает клинок в живот противника. На лице бандита растерянность. Он смотрит на собственный распоротый живот и роняет меч.

Девушка отскакивает в сторону. Александр бьёт наотмашь, с отвращением, словно перчаткой.

Из разрубленного горла бандита хлещет кровь.

Александр выбегает в коридор, встаёт рядом с Тео, тесня пятящихся разбойников.

Уже весь коридор покрыт шевелящимися в предсмертной агонии телами. Несколько человек пытаются бежать. Теодорик бросается вниз по лестнице, преследуя их. Дверь распахивается, и почти на спинах бандитов Александр и Тео, полуобнажённые, вываливаются во двор.

Через мгновение весь двор уже залит кровью, а в последнего убегающего разбойника Александр метает шпагу, и та протыкает его насквозь.

Два друга, словно два огромных монстра стоят, почти голые, с ног до головы залитые кровью, и ещё рычат, глядя друг на друга. А потом Александр начинает смеяться. Он хохочет, хватая себя за живот. Теодорик сначала смотрит на него удивлённо, а потом и сам начинает нервно гы-гыкать.

– Ты бы видел себя, Тео! Стоишь с растопыренными глазами и рычишь как моя собака Пиня. Умора!!!

Постепенно из комнат, конюшни и других мест стали выходить попрятавшиеся люди. С ужасом и изумлением глядели они на растерзанные тела бандитов, а потом собрались вокруг Александра и Тео, смотрели на них, как на чудо. Женщины плакали, а некоторые бросились на шеи своих спасителей и рыдали у них на груди.

Увешанные рыдающими женщинами, сами со слезами на глазах от благодарности за такое выявление чувств, стояли друзья посредине постоялого двора как две непокорённые башни семейного союза – консортерии Флоренции.

Какой-то мальчишка вытащил шпагу Александра из спины поверженного им бандита, молча протянул её Александру. Друзья подошли к колодцу и, набрав в ведро воды, несколько раз окатили ею друг-друга, смывая бандитскую кровь.

К ним подошёл полуодетый мужчина с избитым лицом и, поклонившись, представился:

– Марко Веспуччи. Вы спасли жизнь мне и моей жене, Симонетте. Если вы направляетесь во Флоренцию, и вам не у кого остановиться, то наш дом – ваш дом.

– Спасибо, Марко! Мы с удовольствием воспользуемся вашим приглашением, – ответил Александр.

Солнце ещё не успело подняться высоко над красными черепичными крышами Флоренции, когда карета друзей и повозка Веспуччи въехали на мощёные улицы. Копыта лоша-

дей застучали по булыжной мостовой.

Семья Веспуччи жила в большом доме на берегу реки Арно, пересекающей весь город. Оставив у гостеприимных хозяев лошадей и слуг, друзья отправились осматривать город.

Грандиозный собор архитектора Арнольфо ди Камбио Санта-Мария дель Фьоре – "Святая Мария цветущая" притянул их словно магнит. Мраморные прямоугольные панели облицовки с зелёным и розоватым отливами словно взметнулись ввысь, чередуясь друг с другом. И не было больше никаких украшений на стенах. Лишь игра двух цветов. Только плоскости и грани, а над ними – дуги в виде арок. Храм напоминал крепость в мавританском стиле. Мощный, восьмигранный, возвышающийся над широким массивом собора, купол архитектора Филиппе Брунеллески доминировал над городом. Александр ещё в Феодоро от генуэзцев слышал, что Брунеллески 15 лет достраивал купол собора, строительство которого в 14 веке было прервано эпидемией чумы. Для проектировки купола Филиппе изучал бетонный купол Пантеона, повторить который никто так и не решился. Весь храм Санта-Мария дель Фьоре и купол, самый большой в мире, были центром города, его изюминкой.

Восьмигранный баптистерий Сан-Джованни XI века Лоренцо Гиберти, стоящий рядом с собором и выполненный в одном с ним стиле, поразил друзей бронзовыми дверями с изображением десяти эпизодов из Ветхого Завета. Купол и мраморный пол баптистерия были украшены мозаикой.

Гигантский массив собора и стоящего рядом с ним баптистерия с колокольней, построенной по проекту художника Джотто, нависал над площадью, которая, при протяженности в 300 шагов, зрительно показалась Александру и Тео очень тесной.

Осмотрев собор, друзья прошли на находящуюся поблизости пьяцца делла Синьория, административный центр Флорентийской республики. Она была сравнительно небольшая, и имела Г-образную форму, обрамляя главное здание, олицетворяющее светскую власть – Старый Дворец архитектора Арнольфо ди Камбио. Облицованное крупными блоками рустованного камня, здание показалось друзьям гигантским монолитом, настолько мощно сбитыми были его стены, изредка пронизанные небольшими оконными проемами. Необычным был также ярус крепостных зубцов. Над крепостью взметнулась вверх на высоту 80 саженей башня с частыми вертикальными линиями окон и колонн.

Друзья заглянули в самую старую городскую аптеку "Санта-Мария Новелла". На прилавке и в застеклённых шкафах лежали косметические препараты, предназначенные для женщин и озабоченных своей внешностью мужчин. На разборчивый вкус флорентинцев предлагались ароматные масла и притирки, травяные настойки и душистые мази, улучшающие цвет кожи, а также прочие сопутствующие товары. Кроме того, в аптеке продавали торты, пирожные и прочие сладости.

– Тут ты можешь снова стать красоткой, ржавое железо, – не удержался Александр от едкого замечания.

– Настоящий гот должен быть заросшим, вонючим и злым. Ещё лучше, если у него есть рога. Только таких мужчин любят наши готские женщины.

– Наверно, не только готские. Как я заметил, в Европе у тебя грандиозный успех, старик! Неужели, всему виной твоя повышенная вонючесть?

– Юноша, я моюсь чаще, чем ты, – обиделся Теодорик.

– Не сомневаюсь! Впрочем, как я заметил, тебя привлекает не сама баня, а проститутки при ней. Так ты там попутно ещё и моешься? – удивился Александр.

Теодорик сконфузился, и только промычал в ответ что-то нечленораздельное, подозрительно похожее на известное готское ругательство.

На рынках продавались апельсины прошлогоднего урожая, из которых флорентинцы готовили блюдо собственного изобретения: "утка в апельсинах" или "утка по-флорентински".

В мастерских с дверями, распахнутыми на улицу, не смолкал стук молотков, звон наковален, шорох гончарных станков. В других мастерских, называемых боттега, работали скульпторы, художники, ювелиры. Но основой богатства города была шерсть. Шерстяную материю привозили из других стран, окрашивали, проделывали с ней тысячи тайных

операций по утончению и облагораживанию, и снова отправляли на экспорт. Шерстяные мастерские протянулись на несколько кварталов.

Рядом располагались кожевенные мастерские, и вонь от разлагающихся шкур разносился на несколько кварталов. Поэтому, поблизости не было ни одного приличного дома.

Друзья зашли в одну из мастерских по производству шёлка, и, уплатив небольшую сумму денег, наблюдали, как разводят шелковичных червей, и как с коконов снимают шелк.

Город Вольных Мастеров жил своей жизнью. Звонкие монеты сыпались из одной мошны в другую. Ремесленники и адвокаты, торговцы и аптекари, истово служили своему главному богу – флорину. Жизнь в городе била ключом.

В большом доме публичного нотариуса республики Анастазио Веспуччи по случаю спасения старшего сына Марко и его жены Симонетты был дан праздничный семейный ужин. Все члены семьи по очереди подходили к Александру и Теодорику, тепло благодарили за спасение своих близких.

За столом рядом с Александром сел молодой человек лет двадцати, третий сын нотариуса Америго Веспуччи. Его умные, блестящие глаза с интересом смотрели на Александра.

– Мне Марко сказал, что вы оба из далёкой страны, расположенной где-то возле генуэзской Каффы? Как вы добирались до Италии?

– Сначала по морю до Молдовы. Потом по суше в карете

через ряд стран, – ответил княжич.

– Я всю жизнь прожил во Флоренции, и путешествия – моя мечта. Надеюсь когда-нибудь пересечь океан и узнать, что там, за горизонтом.

– Очень просто. Там край земли. Ты желаешь заглянуть за край?

– Я прекрасно знаю байку о трёх китах, или, в зависимости от пристрастий рассказчика, слонах, черепахах.

– А где ты учился, Америго? Почему сомневаешься в общепринятой теории? – поинтересовался Александр.

– У меня домашнее образование. Мой дядя – учёный Антонио. Он обучал меня физике, астрономии, географии. И я совсем не верю в древние сказки о трёх китах. Скорее, правы те, кто утверждает, что земля грушевидная.

– Я особенно над этим не задумывался, сказал только то, что слышал от других людей. Впрочем, когда-то мне попадались книги «Хамсе» Низами Гянджеви, персидского поэта двенадцатого века. В его произведениях Земля представляется шаром, как и другие небесные тела. Скорее всего, эти знания были известны ещё персам во времена существования Арабского Халифата.

– Вот видишь! Друг нашей семьи Паоло Тосканелли – величайший астроном и географ Италии высказывает предположение, что, двигаясь морским путём на Запад, можно приплыть в Индию. Он построил в соборе Святой Марии дель Фиоре гномон, при помощи которого с точностью до

полу-секунды определяет полдень Флорентийского времени. Ещё он составил подробную карту Земли. Сейчас он переписывается с молодым, но уже известным мореплавателем Христофором Колумбом, который из Генуи переехал в Португалию, и предлагает тому найти Индию на Западе. Говорят, когда венецианцы в 1204 году захватили Константинополь, то вывезли оттуда древние карты, на которых западнее Европы за Атлантическим океаном нарисованы огромные континенты. Кажется, это не Индия, а земля неведомая. По этим картам немец Мартин Бейхам, живущий в Португалии на Азорах, составляет глобус мира. Бейхам встречается с Колумбом, чтобы вместе с ним совершить путешествие за край Земли, найти Индию и другие ранее неизвестные земли.

– Зачем искать Индию на Западе, если веками велась торговля с Индией через Восток?

– К сожалению, Османская империя затрудняет торговлю с Индией. Генуэзцы и венецианцы несут огромные убытки. Товары Индии и Китая: пряности, шёлк, резко дорожают. За товар приходится переплачивать арабским посредникам. Если мы не найдём новый путь, то разорятся многие банки и торговые компании.

– Я всё это знаю прекрасно, так как моя страна лежит на северном пути в Китай, и получает доходы от транзита товаров из России и Китая. Но ты с таким пафосом говоришь об этих невероятных делах, что закрадывается подозрение, уж

не желаешь ли ты лично принять участие в этой авантюре?

– Это не авантюра, а величайшее открытие в истории Земли. Я мечтаю принять в нём самое активное участие. Сто сорок лет тому назад один оракул по имени Рэньо Неро – Чёрный Паук, предсказал моему предку, что его потомок прославит род Веспуччи на весь мир, и именем Веспуччи будет названа Новая земля. Надеюсь, это время уже пришло.

– Почему ты так думаешь?

– Потому, что именно сейчас началось возрождение европейской культуры, науки. Художники, архитекторы, скульпторы, географы, мореплаватели, астрономы, медики – все передовые люди Европы почувствовали дух возрождения, дух прогресса. Церковь, веками стоявшая на пути прогресса, уже не имеет такого влияния на умы, и столетиями длившийся диктат Церкви – тёмные времена – уже позади. Впереди нас ждут великие открытия!

Поднялся глава дома, Анастазио Веспуччи, держа в руке кубок вина:

– Дорогие наши гости граф Алекс и барон Теодорик! Ещё раз горячо благодарим вас за спасение нашего сына Марко и невестки Симонетты! Желаем вам счастья, хороших и красивых жён, успеха вашим замыслам! Мы говорим вам: вы – наша родня. Наш дом – ваш дом. Можете жить у нас столько, сколько сочтёте необходимым. Я пью за вас!

Все взрослые члены семьи встали и подняли кубки. Симонетта взглянула в глаза Александру и густо покрасне-

ла. Сердце у Александра сладко замерло. Симонетта была прекрасна. Но Александр знал, что этот плод – запретный. Никогда он не отплатит людям за гостеприимство чёрной неблагодарностью. Такой поступок не для него.

На следующий день Александр спал долго, отсыпаясь после дороги. Когда он проснулся, и, лежа в постели, преодолевал дремоту, то услышал, как открылись ворота, стуча копытами, въехал всадник, а потом вошёл в комнату Теодорик и громко воскликнул: «Княжич, вставай, пора на службу!».

– Какую ещё службу? – пробурчал недовольно Александр, опуская ноги на деревянный пол.

Теодорик радостно улыбался:

– Я нас продал за несколько флоринов в год, но на весьма выгодных условиях. Поднимайся, пойдём целовать крест святой.

– Неверующий я, и не хочу целовать деревяшку.

– Теперь твоя душа, княжич, стоит всего несколько золотых монеток в год. И никому не говори, что такого добра у тебя целый мешок. Не поймёт народ.

– Ты что, записал нас в кондотьеры?

– Кондотьер – слишком высокий пост. Сейчас кондотьеров набирают исключительно из итальянцев, хотя раньше было как раз наоборот. Нет, княжич, теперь мы с тобой просто два солдата пехотинца в составе кондотты. Но за умеренную плату я договорился, что мы можем жить, где захотим,

если не намечается военных действий, являться в кондотту только на заре.

– И на какой срок контракт?

– На шесть месяцев с автоматическим продлением до года, если мы не будем возражать. Теперь я должен привести тебя к кондотьеру, чтобы ты мог приложить свою руку к контракту.

– Кто же наш кондотьер?

– Какая тебе разница? Солдат не выбирает начальство. Имя нашего кондотьера Федериго да Монтефельтро. Вот что я про него разузнал: герцог Урбинский Федериго да Монтефельтро – просвещённый государь, наделённый превосходным художественным вкусом, владелец богатой библиотеки и собрания выдающихся произведений искусства. У него при дворе собрались самые образованные и талантливые люди Италии. Женат на Баттисте Сфорца. Фамилия тебе знакома? Франческо Сфорца – самый легендарный кондотьер Италии – герцог Миланский. Впрочем, он умер лет восемь назад, признанный народом Милана, но не признанный Императором Священной Римской империи. Недавно Папа Сикст IV присвоил Федериго да Монтефельтро титул герцога. Говорят, это самый порядочный кондотьер Италии. Сейчас он строит крепость-дворец в Урбано на двух холмах.

– Ладно, я молодой, и мне ещё многому предстоит научиться, но зачем это тебе, опытному вояке и блестящему фехтовальщику? Зачем быть чьим-то подчинённым, если ты

сам, при желании, можешь нанять себе целую армию или купить сотни рабов? Ведь денег у тебя больше чем у меня, изгнанника?

– Во-первых, денег у меня не так уж и много. Они есть у моего отца, а это, согласись, разные вещи, хоть я и единственный сын. Во-вторых, чтобы кровь не застаивалась. А потом, главное для военного человека – дисциплина. Профессиональному солдату служить легко: он никому не стремится ничего доказать, не болеет излишней чувствительностью, и подчиняется также охотно, как и командует. Я профессионал, хотя и владею собственным поместьем в Феодоро. Для меня что командовать, что подчиняться – одинаковое удовольствие. Лишь бы быть поближе к войне.

– Ты просто романтик, искатель приключений. Как и я. Кстати, я набрался всей этой чепухи от тебя. Теперь вдвоём ищем приключения по всей Европе. Чувствую, найдём. Лишь бы не показалось чересчур.

– Ты не у меня набрался, а у своей черкесской родни. Твои греческие родственники по отцу, Гаврасы, все как один – спокойные, рассудительные люди. Только ты неуёмный искатель приключений. Как и я.

Позавтракав, Александр и Тео направились к дому кондотьера.

Герцог Урбинский Федериго да Монтефельтро, крупный мужчина лет пятидесяти пяти, встретил их, сидя на веран-

де. Его властный уродливый профиль с повреждённой в сражении переносицей был полон такой значительности, словно ему подчинена даже природа. Александр и Тео поклонились кондотьеру. Он кивнул им в ответ.

– Присаживайтесь, господа.

Александр и Тео сели. Слуга тут же подал Александру бумагу с государственной печатью Флоренции и текстом договора, перо с чернилами.

– Ты, граф, принял решение вступить в кондотту. Я, герцог Урбинский, кондотьер республики Флоренция приветствую твоё решение. Будем вместе служить республике. Поставь свою подпись внизу договора.

Александр спокойно прочитал договор и поставил подпись.

Началась новая, неведомая ранее жизнь. Княжич знакомился с новыми людьми, узнавал новые приёмы и методы ведения войны.

По совету капитана кондотьеров, Александр вызвал из Милана известного всей Италии мастера Пиччинино. Мастер приехал лично со своим помощником и долго обмерял плечи, руки, ноги Александра, а помощник записывал цифры в столбик на листе бумаги, произведенной из тряпок на бумажной мельнице. Мастер предложил Александру изготовить доспехи и для его коня, но княжич отказался. У него уже были конские доспехи, а для ещё одних доспехов в ка-

рете места уже не оставалось.

Прошло несколько недель. С утра до вечера Александр и Тео отрабатывали приёмы боя в составе копья и всей кондотты, учились владеть копьём и мечом в тесной скученности боя. Для такого случая широко применялась дага – короткий меч или длинный кинжал.

Летняя жара, красная флорентийская пыль и дисциплина выматывали друзей к концу дня. Вечером за ними в карете приезжал Василий и вёз их к реке. Они окунались в прохладную воду, смывая с себя пот и усталость. По берегам реки росли сады и стояли загородные дома – виллы богачей.

Потом друзья ужинали у Веспуччи, и гуляли по вечерней Флоренции. Иногда их сопровождал Америго или Симонетта. Однажды, когда они гуляли с Симонеттой, та предложила:

– Хотите, я познакомлю вас с замечательными художниками. Один из них наш сосед, в судьбе которого принимают участие Веспуччи. Его зовут Сандро Боттичелли. Он учился у знаменитого Филиппо Липпи в Прато. Сейчас работает в мастерской Андрео де Верроккио. Недавно Сандро получил официальные заказы от Лоренцо и Джулиано Медичи. Я ему тоже иногда позирую, и он даже нарисовал несколько Мадонн с моим лицом. Кстати, так я лично познакомилась с самим Лоренцо Медичи.

Боттега – мастерская Верроккьо, располагалась в самом центре города, неподалеку от дворца Гонди. Она представляла собой довольно просторное помещение, совмещавшее в себе торговую лавку, мастерскую и дом хозяина. Двери боттеги были открыты, над входом висела табличка с именем хозяина и образ святого Луки – покровителя художников.

Творческий процесс пользовался успехом у потенциальных покупателей. Мальчики-ученики проводили здесь дни и ночи. Вместе ели, спали, растирали краски, готовили дерево, делали наброски. Учитель был для них вторым отцом.

Уже темнело, и в комнате горели свечи. Симонетта поздоровалась с хозяином мастерской, и вся компания прошла за ширму, в конце комнаты, откуда доносились волнующие звуки лиры. Там находились два молодых человека лет двадцати приятной наружности. Один из них играл на лире. Симонетта их представила:

– Алессандро ди Марианно Филипеппи по прозвищу Боттичелли, художник. О нём я уже вам всё рассказала. А это его друг – Леонардо да Винчи, член флорентийской гильдии художников, изобретатель, учёный, музыкант, писатель, вегетарианец. Лира – его самое большое увлечение после рисования. С тех пор, как Леонардо нарисовал ангела на картине учителя, Андрео де Вероккио больше к краскам не притрагивается. Ещё Леонардо покупает птиц и выпускает их на свободу.

Оба молодых человека поклонились.

– Ну, Симонетта, ты преувеличиваешь мои таланты, – сказал Леонардо. – Вероккио остаётся моим учителем и по сей день. Просто, ему больше нравится возиться с металлом и скульптурой. Животных и птиц мне жалко. А ещё лошадей. Поэтому, я не ем мяса.

– Если не есть мясо, то хищники, даже собаки, начинают к человеку подозрительно принюхиваться: человек перестаёт пахнуть мясом, и становится травоядным, их добычей. Хищник не ест хищника, чтобы не заболеть, ведь болезни часто передаются через еду. А вот плоть травоядного животного каждый хищник поедает с удовольствием, – заметил Александр.

Все рассмеялись.

– Собаки меня любят, – ответил Леонардо.

– А это мои спасители, – сказала Симонетта, указывая рукой на Александра и Тео. – Граф Александр Гаврас и барон Теодорик Вельц.

Александр и Тео поклонились в ответ.

Вечером молодые люди вместе гуляли по городу, пили лёгкое вино в траттории и любовались рекой Арно, блестевшей в свете фонарей и факелов.

– Симонетта сказала, что ты имеешь заказы от семейства Медичи? – спросил Александр у Сандро.

– Да. Сейчас мне заказали написать маленькие портреты Юдифи. Надеюсь ещё раз уговорить Симонетту, чтобы

она позировала. Другую такую красавицу во всей Флоренции трудно найти, хотя здесь и живёт, наверное, до двухсот тысяч человек.

Александр посмотрел на Симонетту. Её рыжие волосы были частично заплетены в косу, а остальные распущены. Светлые глаза в окоемах смотрели озорно и нежно. Она быстро взглянула на Александра, и подчёркнуто игриво отвернулась, демонстрируя римский профиль, точёную шею и мягкий подбородок. Звёздная пыль играла вплетёнными в косу жемчугами.

– Да, хороша! – согласился Александр. – Но, увы, не про нас.

– Яблочко надкушенное, – согласился Сандро. – И вообще, обычная флорентийская девчонка. Таких задавак во Флоренции не счесть.

– Только ты всех своих Венер и Мадонн с меня одной и рисуешь, – возмутилась Симонетта.

Александр рассмеялся:

– Нехорошо девочке подслушивать чужой разговор.

– Это вы все, кроме Теодорика, мальчики. А я уже не девочка. Я – светская замужняя дама, – возразила Симонетта, и гордо вздёрнув голову, демонстративно повернулась к ним спиной.

После этой прогулки Александр и Тео иногда сами заходили в мастерскую к художникам.

Они первыми здоровались с хозяином.

Мастер Вероккио был всегда перепачкан алебастром, из-за чего походил на пекаря. Хмурый и неразговорчивый, он молча трудился от зари до зари.

По стенам боттеги висели сломанные музыкальные инструменты для починки. Всюду виднелись рисунки и наброски. Вероккио был ювелиром, скульптором, художником и исследователем, неустанно наблюдавшим за природой.

Кроме Боттичелли и Леонардо, в его мастерской работали молодой художник лет двадцати восьми Пьетро Перуджино, уже достигший широкой известности во Флоренции, Лоренцо ди Креди, юное дарование лет пятнадцати, неотступно следовавшее за Леонардо, и ещё несколько учеников, постоянно проживавших в доме хозяина.

В конце рабочего дня Сандро и Леонардо складывали инструменты, убирали рабочие места, и когда появлялись Тео и Александр, молодые люди вчетвером шли гулять по улицам Флоренции.

Солнце пряталось за близлежащие холмы, жара спадала. Иногда с далёкого моря тянуло свежим ветерком. Флоренция казалась сказочным видением на берегах извилистой реки. Друзья часто стояли на мосту Понте Веккьо и глядели сверху на гладкие воды Арно, в которых отражались многоэтажные дома.

Они беседовали о политике, искусстве, войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.